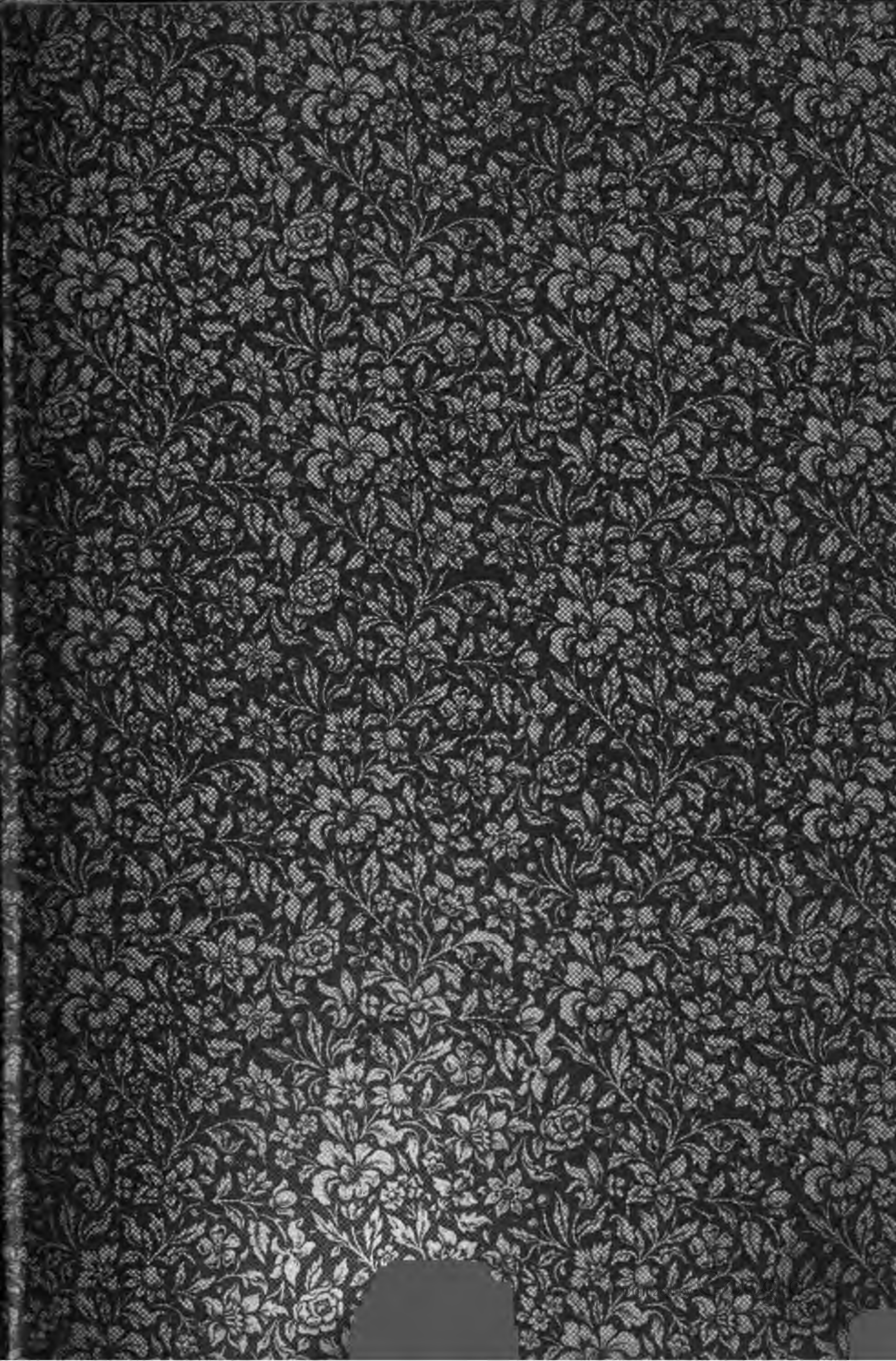

PG3350
A4R6

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

А. С. ПУШКИНЪ

(род. 1799 г., † 1837 г.)

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ

(26 мая 1899)

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ

О

ПУШКИНѢ

Изданіе (съ 9 рисунками) Почетнаго Попечителя Спб. 7-й Гимназіи

Н. Я. Романова.

I. Очерки изъ жизни Пушкина.

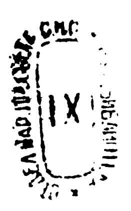
II. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ его произведеній съ объясненіями.

III. Отзывы ученыхъ и писателей о значеніи Пушкина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Эдуарда Гоппе,
Вознесенскій просп. № 53.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24-го февраля 1899 г.

Перечитывая Пушкина.

Его стихи читая — точно я
Переживаю нѣкій мигъ чудесный —
Какъ будто надо мной гармоніи небесной
Вдругъ понеслась нежданная струя...
Нездѣшними мнѣ кажутся ихъ звуки:
Какъ бы, вліясь въ его безсмертный стихъ,
Земное все — восторги, страсти, муки, —
Въ небесное преобразилось въ нихъ!

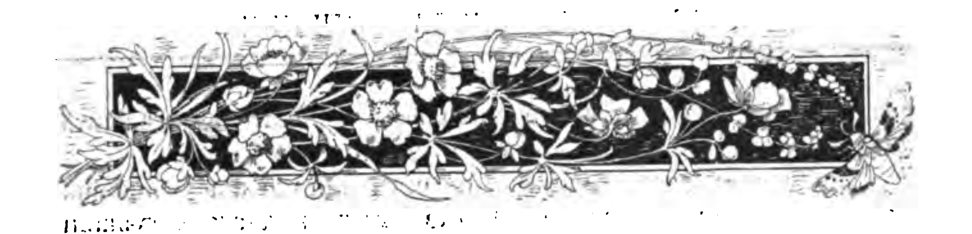
А. Н. Майковъ.

Изъ „Всем. Илл“.

А. С. ПУШКИНЪ,

14—16 лѣтъ отъ роду.

Очерки из жизни Пушкина.

Пушкинъ въ домѣ родителей и въ Александровскомъ лицеѣ (1799—1820).[1])

Въ метрическихъ книгахъ московской Богоявленской церкви на Елоховѣ, за 1799 годъ, находится слѣдующая запись:

„Мая 27-го, во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Шварцева, у жильца его маэора (sic) Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ и крещенъ 8-го іюня. Воспріемникъ былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ; кума, мать означеннаго Сергія Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина“.

Эта запись противорѣчитъ свидѣтельству самого Пушкина, который говорилъ близкимъ ему лицамъ, что онъ родился 26-го мая, въ день Вознесенія.

Точное указаніе въ записи мѣста рожденія Пушкина искупаетъ ея погрѣшность въ опредѣленіи дня его рожденія. Причину этой погрѣшности въ метрическихъ книгахъ легко объясняютъ тѣмъ, что Пушкинъ родился, быть можетъ, въ

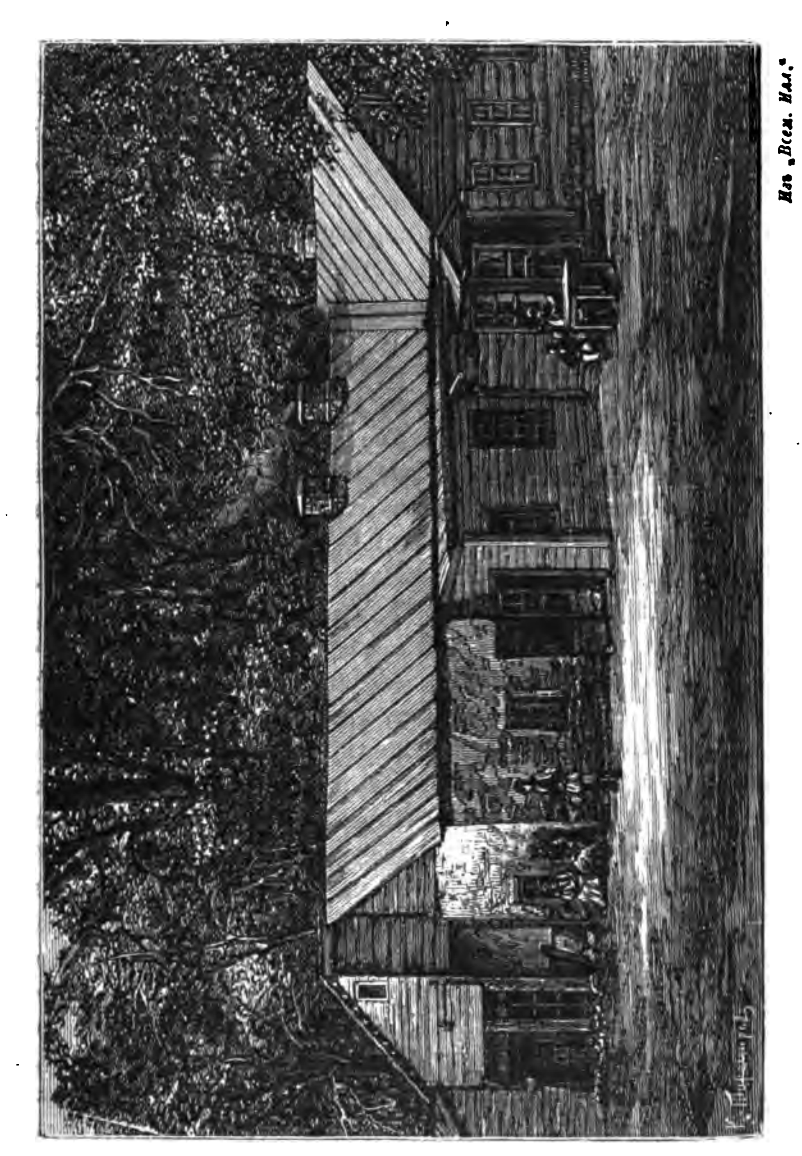
---

[1]) Въ извлеченіи изъ статьи К. П. П., помѣщенной въ „Русской Старинѣ“ 1879 г. № 6: „А. С. Пушкинъ“.

позднюю вечернюю пору, и молитва его родительницѣ была дана на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, 27-го мая.

Родители поэта, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, занимая видное положеніе, любили свѣтъ и часто выѣзжали въ общество. Заботы о воспитаніи Александра въ его младенчествѣ прилагала его бабушка, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, жившая въ домѣ у зятя. Изъ ея устъ младенецъ слышалъ впервые разсказы о старинѣ и семейныя преданія о предкахъ поэта, любимцахъ Петра Великаго: о его арапѣ, Абрамѣ, и о Ржевскомъ, въ домѣ котораго часто бывалъ преобразователь. Та же бабушка выучила будущаго поэта русскому чтенію и письму. Няня Пушкина, Арина Родіоновна, впослѣдствіи воспѣтая своимъ питомцемъ и Языковымъ, была представительницею милаго, роднаго типа истинной русской няни, теперь уже вымершаго. Мастерица разсказывать сказки, хорошо знакомая со всѣми нашими народными повѣрьями, умѣвшая всегда кстати приправить бойкую рѣчь пословицами, Арина Родіоновна много способствовала развитію въ младенцѣ Пушкинѣ его любви ко всему родному, той любви, которую не могло искоренить въ немъ дальнѣйшее воспитаніе на попеченіи учителей-иностранцевъ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ, по свидѣтельству старшей сестры, Ольги Сергѣевны (впослѣдствіи г-жи Павлищевой), былъ толстый, молчаливый и неповоротливый мальчикъ, предпочитавшій бесѣды съ бабушкой гулянью и бѣганью. Однажды Надежда Осиповна взяла его съ собою гулять. Не въ силахъ будучи поспѣвать за нею, ребенокъ отсталъ и усѣлся отдыхать посреди улицы. Замѣтивъ, что на него смотрятъ изъ оконъ сосѣдняго дома и смѣются, онъ поднялся и сказалъ: „ну, нечего скалить зубы!“ На седьмомъ году въ немъ стали обнаруживаться признаки отрочества: рѣзвость и шаловливость, и въ это же время съ рукъ бабушки и няни онъ перешелъ на попеченіе гувернеровъ и учителей. Законоучителемъ дѣтей Пушкиныхъ былъ извѣстный своими проповѣдями Александръ Ивановичъ Бѣликовъ; онъ же обучалъ исторіи, географіи и началамъ ариѳметики. Во время дѣтства Александра Сергѣевича смѣняли другъ друга въ домѣ Пушкиныхъ иностранные учителя, учительницы, гувернеры и

Изъ „Всем. Илл."

Москва. — Флигель, гдѣ родился А. С. Пушкинъ.

гувернантки. По причинѣ частой смѣны учителей, занятія дѣтей Сергѣя Львовича нарушались перерывами; при всемъ томъ Александръ Сергѣевичъ и сестра его отлично ознакомились съ французскимъ языкомъ.

Пушкинъ-мальчикъ былъ остроуменъ и находчивъ. Такъ, однажды, Ив. Ив. Дмитріевъ, подшучивая надъ оригинальнымъ типомъ лица Пушкина и его кудрявыми волосами, сказалъ: „какой арабчикъ!" — За то не рябчикъ! — откликнулся десятилѣтній правнукъ Ганнибала. Риѳма удачная, сама по себѣ; но и отвѣтъ не менѣе находчивъ, если вспомнимъ, что Ив. Ив. Дмитріевъ былъ рябой.

Упомянувъ объ Ив. Ив. Дмитріевѣ, одномъ изъ тогдашнихъ корифеевъ отечественной словесности, мы должны замѣтить, что домъ Сергѣя Львовича посѣщали въ Москвѣ многія изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій и К. Н. Батюшковъ были связаны узами самой короткой пріязни какъ съ отцомъ будущаго поэта, такъ и съ его дядею, Василіемъ Львовичемъ, въ свое время довольно извѣстнымъ стихотворцемъ. Болѣе или менѣе звучный языкъ поэзіи коснулся слуха Пушкина еще въ его младенческихъ лѣтахъ; страсть къ чтенію и того болѣе способствовала развитію его поэтическаго дарованія. Библіотека его отца была составлена изъ лучшихъ произведеній преимущественно французской словесности, также и древнихъ классиковъ въ переводѣ на французскій языкъ. Пушкинъ-мальчикъ, кромѣ Корнеля, Расина, Мольера, „Генріады" Вольтера, и множества романовъ, прочелъ всего Плутарха, Иліаду и Одиссею въ переводѣ Битобэ. Развитію воображенія геніальнаго мальчика не мало способствовали также домашніе спектакли, до которыхъ Сергѣй и Василій Львовичи были великіе охотники. Первыя попытки нашего великаго поэта въ стихосложеніи (на французскомъ языкѣ) были импровизаціи цѣлыхъ комедій, въ которыхъ онъ являлся и авторомъ и актеромъ. Публикою была старшая его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды она освистала комедію брата „Штукарь" (Escamoteur), однако же юный авторъ не только не обидѣлся, но даже написалъ самъ на себя „эпиграмму". Въ то же время (по воспоминаніямъ Ольги Сергѣевны Павлищевой) онъ пробовалъ писать басни;

Изъ „Всем. Илл.“

Москва — Фасадъ дома на Нѣмецкой ул., въ которомъ родился А. С. Пушкинъ.

десяти лѣтъ отъ роду, начитавшись „Генріады", написалъ цѣлую ирои-комическую поэму пѣсняхъ въ шести: „la Tolyade (Толіада). По отзывамъ Ольги Сергѣевны, братъ ея особеннымъ прилежаніемъ не отличался: полагаясь на свою счастливую память, онъ никогда не затверживалъ уроковъ, а повторялъ ихъ за сестрою, когда ее спрашивали. Нерѣдко учитель спрашивалъ его перваго, и тѣмъ ставилъ въ тупикъ. Ариѳметика казалась ему недоступною, и онъ часто надъ первыми четырьмя правилами, особенно надъ дѣленіемъ, заливался горькими слезами.

Кругъ знаменитыхъ писателей въ домѣ отца, домашніе спектакли, пользованіе прекрасною библіотекою, все это были, конечно, благопріятныя условія для развитія зачатковъ поэзіи въ душѣ геніальнаго ребенка; но зачатки эти, безъ сомнѣнія, заглохли бы безъ соприкосновенія съ живою природою и ея красотами. Хотя Москва до пожара 1812 года отличалась патріархальною, такъ сказать, сельскою внѣшностью, все же она была „городомъ". Ея палисадники, сады и бульвары—болѣе произведенія искусства, нежели природы. Жизнь Пушкина въ городскихъ стѣнахъ отдалила его отъ впечатлѣній родной природы до семилѣтняго возраста. Въ 1806 году, бабушка Марья Алексѣевна купила у генеральши Тиньковой небольшое подмосковное сельцо Захарово, куда семейство Пушкиныхъ, послѣ того, переѣзжало на лѣто.

О времени пребыванія въ Захаровѣ, въ памяти Пушкина сохранился анекдотъ, который онъ впослѣдствіи разсказывалъ Павлу Воиновичу Нащокину. Въ домѣ Пушкиныхъ, въ Захаровѣ, жила больная ихъ родственница, молодая помѣшанная дѣвушка. Полагая, что ее можно вылѣчить испугомъ, родные, проведя рукавъ пожарной трубы въ ея окно, хотѣли обдать ее внезапно душью. Она, дѣйствительно, испугалась и выбѣжала изъ своей комнаты. Въ это время Пушкинъ возвращался съ прогулки, изъ рощи.—„Mon frère,—закричала помѣшанная,—on me prend pour un incendie! (Братецъ, меня принимаютъ за пожаръ).

— Не за пожаръ, а за цвѣтокъ! — отвѣчалъ Пушкинъ.— Вѣдь и цвѣты въ саду поливаютъ изъ пожарной трубы.

Въ праздничные дни семейство Пушкиныхъ ѣздило къ обѣднѣ въ сосѣднее село Вязьму, вотчину князей Голицыныхъ.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Построенная здѣсь церковь съ оригинальною колокольнею и большой прудъ относятся къ временамъ Бориса Годунова. Это имя, вмѣстѣ съ церковнымъ благовѣстомъ, запало въ память Пушкина еще въ дѣтствѣ...

19-го Октября 1811 года, Пушкинъ поступилъ въ лицей, въ тотъ же день открытый императоромъ Александромъ I. Здѣсь двѣнадцатилѣтній юноша сблизился со своими сверстниками, изъ которыхъ почти всѣ пріобрѣли впослѣдствіи громкую, хотя и весьма разнородную извѣстность. То были: князь А. М. Горчаковъ (впослѣдствіи канцлеръ россійской имперіи), покойные: М. А. Корфъ, баронъ А. А. Дельвигъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ и др., впослѣдствіи воспѣтые Пушкинымъ въ его „лицейскихъ годовщинахъ“.

„Безмятежно расцвѣталъ“ поэтъ, но при какихъ великихъ міровыхъ событіяхъ! Громы Бородинской битвы, пожаръ Москвы, гибель Наполеоновскихъ полчищъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи, въ ледяныхъ волнахъ Березины, борьба всей Европы съ ея „развѣнчаннымъ кумиромъ“, трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе Александра въ Парижъ; бой при Ватерлоо, заточеніе Наполеона на островъ св. Елены, Вѣнскій конгрессъ и перемежевка всей Европы, колѣнопреклоненной передъ Александромъ... Всѣ эти событія юноша-поэтъ переживалъ пламенной душой.

Добрый товарищъ, Пушкинъ ладилъ со всѣми „однокашниками“, но далеко несочувственно относился къ начальству. Онъ воспѣлъ Куницына и холоднымъ молчаніемъ обошелъ Егора Антоновича Энгельгардта, этого благороднаго, искренняго друга лицеистовъ, ихъ добраго педагога въ стѣнахъ лицея, постояннаго и заботливаго за нихъ ходатая, когда они разстались съ ихъ alma mater. Почему доброе, юношеское сердце Пушкина не лежало къ достойному любви и уваженія Энгельгардту — вопросъ невполнѣ еще разрѣшенный; но вотъ подлинный разсказъ самого покойнаго Егора Антоновича объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Пушкина.

Въ недѣлю разъ, иногда и чаще, въ домѣ Егора Антоновича бывали вечернія собранія, на которыя, кромѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, директоръ лицея приглашалъ воспитанниковъ. Послѣднимъ полнѣйшая свобода вмѣнялась въ не-

премѣнную обязанность, и для развлеченія къ ихъ услугамъ были всевозможныя удобства: книги, ноты, рисунки, краски, карандаши, музыкальные инструменты и т. д. Каждый забавлялся, чѣмъ ему было угодно. Помимо доставленія лицеистамъ самаго нравственнаго и назидательнаго развлеченія, Энгельгардтъ, приглашая ихъ на свои вечера, имѣлъ въ виду пріученіе молодыхъ людей къ хорошему обществу и обхожденію въ кругу благовоспитанныхъ дамъ и дѣвицъ. Дельвигъ и Кюхельбекеръ были частыми посѣтителями вечеровъ Энгельгардта; Пушкинъ очень рѣдкимъ; наконецъ, года за два до выпуска, онъ и вовсе прекратилъ свои посѣщенія, предпочитая имъ гулянье въ саду, или чтеніе. Это огорчало Егора Антоновича, какъ хозяина и воспитателя. Какъ-то во время рекреацій, когда Пушкинъ сидѣлъ у своего пульта [1]), Энгельгардтъ подошелъ къ нему и, со свойственною всегдашнею лаской, спросилъ Пушкина: за что онъ сердится? Юноша смутился и отвѣчалъ, что сердиться на директора не смѣетъ, не имѣетъ къ тому причинъ и т. д. „Такъ вы не любите меня“,— продолжалъ Энгельгардтъ, усаживаясь подлѣ Пушкина — и тутъ же, глубоко прочувствованнымъ голосомъ, безъ всякихъ упрековъ, высказалъ юному поэту всю странность его отчужденія отъ общества, въ которомъ онъ, по своимъ любезнымъ качествамъ, можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Пушкинъ слушалъ со вниманіемъ, хмуря брови, мѣняясь въ лицѣ; наконецъ, заплакалъ и кинулся на шею Энгельгардту.— Я виноватъ въ томъ — сказалъ онъ: — что до сихъ поръ не понималъ и не умѣлъ цѣнить васъ!

Добрый Энгельгардтъ самъ расплакался и, какъ юноша, радовался раскаянію Пушкина, его отреченію отъ напускной мизантропіи и былъ въ восторгѣ при мысли видѣть у себя въ скоромъ времени милаго гостя. Они разстались — довольные другъ другомъ....

Первые три года по выпускѣ изъ лицея были ознаменованы знакомствомъ Пушкина со многими изъ литераторовъ и изъ свѣтскихъ людей, нѣсколькими произведеніями печатными и рукописными, обличавшими могучій талантъ будущаго свѣ-

[1]) Классный столъ.

тила русской поэзіи, — и многими шалостями, навлекшими на него неудовольствія со стороны высшихъ властей. Самыми искренними доброжелателями Пушкина, при вступленіи его въ свѣтъ и на литературное поприще, принимавшими въ немъ живѣйшее, родственное участіе, были: Н. М. Карамзинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Раевскій, Ѳ. Н. Глинка.

Почтенные члены литературнаго общества „Арзамасъ", несмотря на молодость Пушкина, приняли его въ свой кругъ, давъ прозвище „Сверчка". За остроуміе, любезность его любили многіе; нѣкоторые побаивались; приверженцы ложно-классицизма косились на „мальчика", въ которомъ угадывали будущаго преобразователя отечественной поэзіи. Онъ же, скрѣпя сердце, былъ принужденъ воскурять ѳиміамъ классикамъ, восхищаться произведеніями не только Ив. Ив. Дмитріева или Ю. Л. Нелединскаго-Мелецкаго, но даже и дядюшки, Василія Львовича. Театръ Пушкинъ любилъ страстно...

Пушкинъ на югѣ (1820—1824). *)

Много счастливыхъ случайностей являлось въ жизни Пушкина; онѣ выводили изъ затрудненій и даже спасали его отъ гибели въ самыя критическія минуты. Такъ двѣ случайности представились Пушкину въ Екатеринославлѣ, куда онъ изъ Петербурга былъ перечисленъ на службу въ канцелярію генерала Инзова, попечителя колонистовъ южнаго края. Одна случайность заключалась въ самой личности генерала Инзова, человѣка образованнаго, мягкаго, уважавшаго личность каждаго и понимавшаго требованія молодой натуры. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, имя его переходитъ въ потомство. Инзову даже не нужно было много времени, чтобы вникнуть въ тяжелое положеніе молодого человѣка, присланнаго къ нему подъ надзоръ за вредное вольнодумство. Онъ

*) Выбранныя мѣста изъ книги В. Я. Стоюнина: „Пушкинъ" (Историческія сочиненія), стр. 108—115.

сразу угадалъ, какъ можно помочь юношѣ, виноватому за свою черезчуръ горячую кровь. Не распространяясь объ этомъ достойномъ человѣкѣ, мы только приведемъ коротенькое его письмо, въ которомъ высказывается прекрасная его душа: „Разстроенное его (Пушкина) здоровье въ столь молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ какомъ онъ по молодости находится, требовали съ одной стороны помощи, а съ другой—безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ... Я надѣюсь, что за сіе меня не побранятъ и не назовутъ баловствомъ: онъ малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою".

Нѣчто подобное высказалъ и Батюшковъ въ одномъ письмѣ: „Сверчокъ что дѣлаетъ? Не худо бы его запереть въ Гетингенѣ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ его однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши".

Инзовъ смотрѣлъ на Пушкина, какъ на юношу, который не успѣлъ перекипѣть подъ вліяніемъ науки, и слишкомъ рано вступилъ въ шумную и праздную жизнь. Отчасти помочь этому заботливый генералъ нашелъ средство въ путешествіи, въ живыхъ впечатлѣніяхъ отъ такой природы, какъ Кавказъ и Крымъ, и взялъ на свою отвѣтственность отпускъ своего молодого чиновника. Въ Петербургѣ посмотрѣли на это благосклонно, пославъ поэту въ пособіе тысячу рублей. Другою счастливою случайностью былъ проѣздъ генерала Раевскаго черезъ Екатеринославль вскорѣ послѣ пріѣзда туда Пушкина. Молодые офицеры, сыновья генерала, были знакомы съ поэтомъ; все семейство приняло въ немъ участіе, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ страдалъ лихорадкою; все сложилось такъ, что Пушкинъ безъ всякаго затрудненія отправился странствовать по Кавказу. Это обстоятельство было двойнымъ для него счастьемъ, вопервыхъ, его недовольному, встревоженному, больному духу нужны были совсѣмъ новыя и сильныя впечатлѣнія: вовторыхъ, вліяніе самаго семейства генерала было

для него благотворно и успокоительно. Самъ генералъ, прославившійся въ отечественную войну, былъ изъ тѣхъ екатерининскихъ баръ, которые умѣли держать себя самостоятельно и съ достоинствомъ передъ всякою силою; его сыновья и двѣ дочери, молодыя, хорошо образованныя дѣвушки, воспитаны были въ такомъ же духѣ. „Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго, писалъ Пушкинъ къ брату. Я не видалъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества... Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море...“

Впечатлѣнія, быстро смѣняясь одни другими, не успѣвали превращаться въ поэтическіе образы. Вотъ почему за все время его путешествія мы знаемъ очень немного плодовъ его фантазіи. Въ эпилогѣ къ „Руслану и Людмилѣ“ онъ говоритъ:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы;
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!

Очерки изъ жизни Пушкина.

Она прошла, пора стиховъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

Наконецъ, въ виду крымскихъ береговъ на кораблѣ, какъ будто вылилась изъ его души горечь чувства, которое накипало отъ всего прошедшаго. У него уже были воспоминанія, которыя томили душу, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться; жизнь является какъ угрюмый океанъ, видится отдаленный берегъ, тамъ, кажется, волшебные края полуденной земли:

Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный...
И чувствую, въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ...
Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжные мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья...“

Вся эта природа и состояніе собственной души настраивали Пушкина на тонъ Байрона, съ которымъ онъ сталъ въ это время знакомиться, благодаря дѣвицамъ Раевскимъ. Вотъ еще значеніе этого семейства въ жизни Пушкина. Здѣсь онъ получилъ возможность усовершенствовать себя въ англійскомъ языкѣ, съ которымъ до того былъ недостаточно знакомъ.

Здѣсь его сопутницы начали читать Байрона и, надо сказать, что въ тотъ моментъ его жизни ни одинъ поэтъ не могъ такъ близко подойти къ настроенію души Пушкина, какъ Байронъ. Въ немъ онъ нашелъ прекрасное выраженіе своего собственнаго духа, недовольнаго самимъ собою, усталаго, неудовлетвореннаго жизнію, отъ которой ожидалось что-то лучшее, въ то же время непокорнаго, гордаго, способнаго на всякую борьбу. Неудивительно, что нашъ поэтъ, самъ больной душею, пристрастился къ геніальному поэту больного вѣка, и, питаясь его поэзіей, усиливалъ свое собственное настроеніе.

Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (1824—1826). *)

„Усталымъ пришельцемъ“, недовольнымъ собой и жизнью, пріѣхалъ Пушкинъ въ началѣ августа 1824 года въ „смиренный домикъ“ и рощи родного Михайловскаго. Здѣсь успокоительно дѣйствовала на душу Пушкина народная русская жизнь, которая живою и спокойной волной своей охватила его въ простыхъ деревняхъ псковской губерніи. Подъ ея вліяніемъ началось нравственное перерожденіе поэта, — развитіе въ его душѣ народныхъ началъ. Главнымъ лицомъ, сблизившимъ его съ народной русской жизнью, была, конечно, няня Арина Родіоновна; знакомился онъ съ простыми русскими людьми и у своихъ Тригорскихъ сосѣдокъ, собирая пѣсни, изучая бытъ и нравы мужика и, по поэтической своей впечатлительности, сливаясь жизнью и душою съ этимъ бытомъ и этими нравами.

Няня поэта, Арина Родіоновна, по словамъ обитательницъ Тригорскаго, „была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца, но съ однимъ грѣшкомъ—любила выпить“....

Зиму 1824—1825 года Пушкинъ провелъ въ уединеніи, „съ няней и съ трагедіей,“ по его выраженію.

*) Выдержки изъ сочиненія проф. А. Незеленова: А. С. Пушкинъ въ его поэзіи (первый и второй періоды жизни и дѣятельности), стр. 177—194.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна....

сказалъ онъ въ своемъ чудномъ „Зимнемъ вечерѣ.“ И дѣйствительно, жилище его было просто: одна и та же комната служила ему и спальней, и столовой, и кабинетомъ. Поэтъ Языковъ такъ описалъ эту комнату:

обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Домъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ предъ образомъ въ углу
Да пара стульевъ....

Пушкинъ не любилъ богатой обстановки, и въ простой, сѣренькой комнатѣ у него скорѣе являлось вдохновенье, чѣмъ въ роскошномъ кабинетѣ съ картинами, статуями и богатой мебелью. На другой половинѣ дома, черезъ сѣни, находилась комната няни. Передъ домомъ былъ дворъ съ цвѣтникомъ, а позади раскинулся густой паркъ.

Любя бесѣдовать съ своею старушкой-няней, поэтъ обыкновенно ей же читалъ и свои произведенія:

я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей,

сказалъ онъ въ „Онѣгинѣ.“ Къ сожалѣнію, намъ не извѣстны отзывы Арины Родіоновны о сочиненіяхъ ея воспитанника. Няня, въ свою очередь, разсказывала поэту сказки, пѣла пѣсни. Осенью 1824 года Пушкинъ писалъ брату:

„Знаешь-ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“

Пушкинъ глубоко понималъ красоты народнаго творчества. Со словъ няни онъ записалъ семь сказокъ.

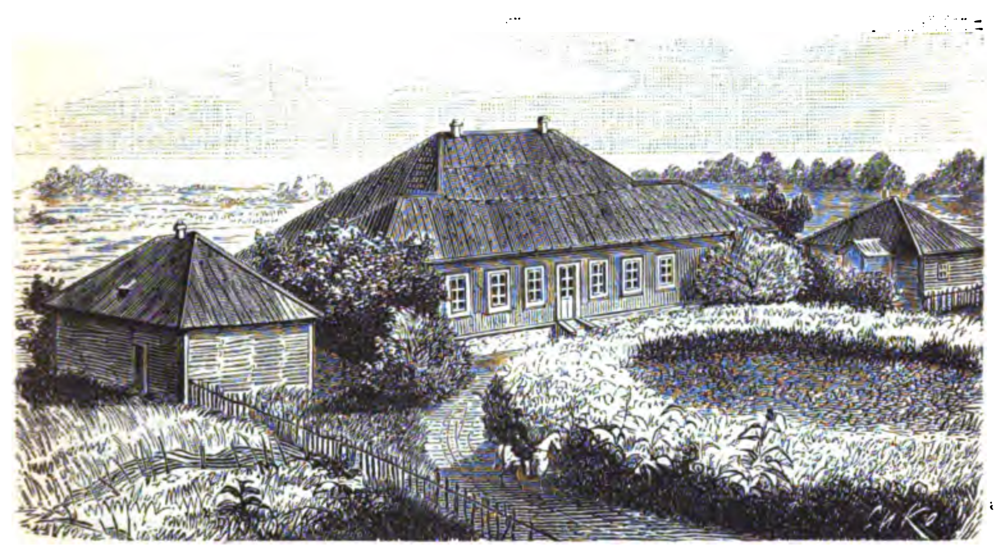
Очерки изъ жизни Пушкина.

Въ „Зимнемъ вечерѣ“ есть указаніе — какія именно пѣсни пѣла своему питомцу Арина Родіоновна:

> Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
> Тихо за моремъ жила;
> Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
> За водой по утру шла,

проситъ поэтъ „свою старушку“.

„Изъ Всем. Илл.“

Село Михайловское. — Домъ А. С. Пушкина.

Упоминаемая здѣсь пѣсня про синицу, должно быть, есть извѣстная: „За моремъ синичка не пышно жила“. Значитъ, няня пѣла пѣсни не только лирическія, но и эпическія; можетъ быть она знала и былевой эпосъ... Вѣроятно, отъ няни же слышалъ Пушкинъ и пѣсню о медвѣдѣ, которую такъ чудно переложилъ въ стихи, сохранивши духъ и складъ народной рѣчи:

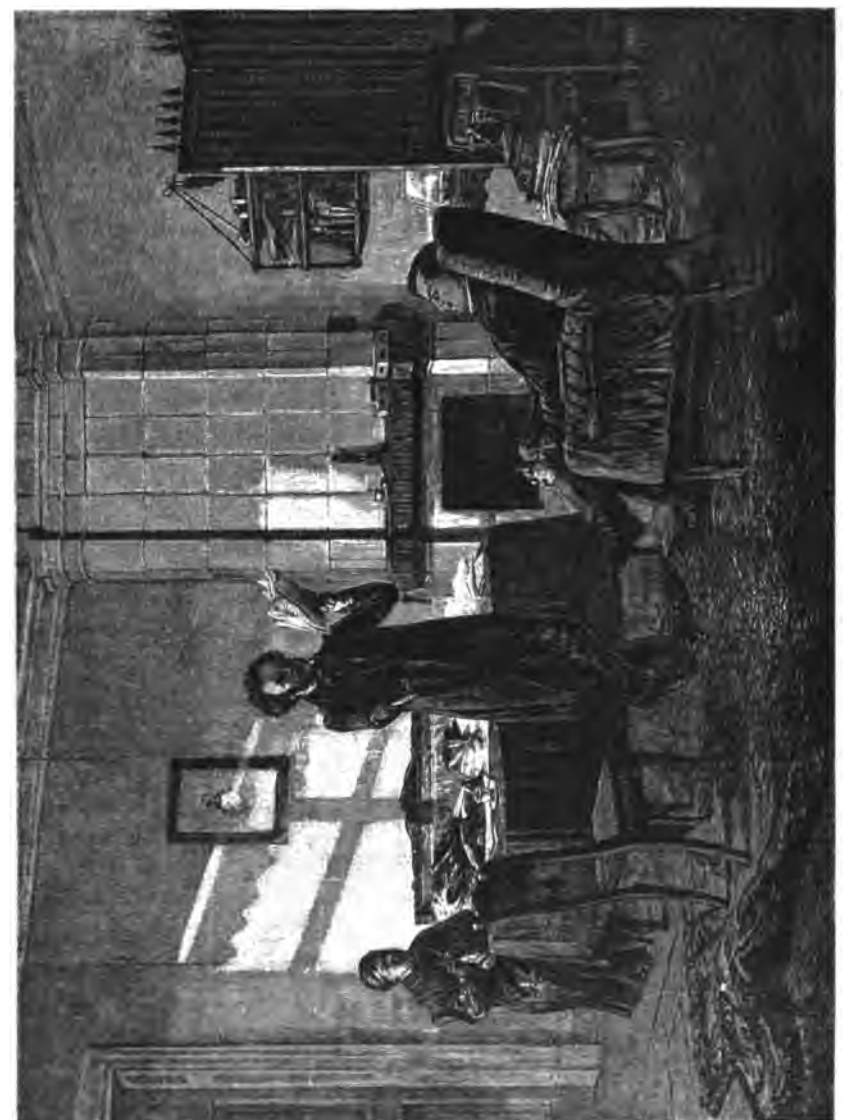
> Какъ весенней теплой порою,
> Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
> Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —

Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками—медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата промежь собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися да кувыркатися.
Отколь ни возмись, мужикъ идетъ;
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами... и т. д.

Въ Тригорскомъ, сосѣднемъ селѣ съ Михайловскимъ, въ домѣ Осиповыхъ, тоже были, какъ и вообще въ помѣщичьихъ домахъ прежнихъ временъ, простые русскіе люди, близкіе къ господамъ, хоть и не такъ, какъ Арина Родіоновна къ Пушкину. Знакомство поэта съ ними тоже было ступенью къ сближенію его съ народомъ. „Жила у насъ (разсказываетъ Марья Ивановна Осипова) ключницей Акулина Памфиловна — ворчунья ужасная. Бывало, бесѣдуемъ мы всѣ до поздней ночи— Пушкину и зохочется яблокъ; вотъ и пойдемъ мы просить Акулину Памфиловну: принеси, да принеси моченыхъ яблокъ, а та и разворчится. Вотъ Пушкинъ разъ и говоритъ ей шутя: „Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! завтра же васъ произведу въ попадьи“. И точно, подъ именемъ ея — чуть ли не въ „Капитанской дочкѣ“—и вывелъ попадью; а въ мою честь, если хотите знать, названа сама героиня этой повѣсти... Былъ у насъ буфетчикъ Пименъ Ильичъ — и тотъ попалъ въ повѣсть. Къ сожалѣнію, Марья Ивановна не пояснила — въ какую повѣсть и кѣмъ онъ тамъ явился.

Не ограничиваясь знакомствомъ съ народной поэзіей изъ устъ няни Арины Родіоновны, Пушкинъ (одинъ изъ первыхъ на Руси) занялся самъ собираніемъ народныхъ пѣсенъ. П. В. Кирѣевскій въ предисловіи къ своему „Собранію народныхъ пѣсенъ“ говоритъ: А. С. Пушкинъ еще въ самомъ началѣ моего предпріятія доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ псковской губерніи. Затѣмъ извѣстно, что Пушкинъ собралъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Насколько

Очерки изъ жизни Пушкина.

Изъ „Всем. Илл.“

Пушкинъ въ Селѣ Михайловскомъ.

Картина професора Н. Ге.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Пушкинъ проникалъ въ сущность народной поэзіи и понималъ скрытую въ ней красоту, свидѣтельствуетъ между прочимъ дивное по своей простотѣ и художественности неоконченное созданіе его въ народномъ духѣ.

Только-что на проталинкахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро-ль луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?

Кромѣ народной поэзіи и сближенія съ простыми русскими людьми на Пушкина успокоительно и благотворно вліяла и простая русская природа. Такъ, однажды, подъ обаяніемъ ея впечатлѣній онъ обдумалъ, возвращаясь верхомъ изъ сосѣдней деревни, сцену свиданія Самозванца съ Мариной въ „Борисѣ Годуновѣ". Въ „Онѣгинѣ" онъ разсказываетъ, что, иногда бродя надъ озеромъ, онъ пугалъ чтеніемъ „сладкозвучныхъ строфъ своихъ" стаи дикихъ утокъ. Впечатлѣнія русской народной жизни, поэзіи и природы подѣйствовали въ концѣ концовъ такъ на русскую натуру Пушкина, что съ нея слетѣлъ вполнѣ байронизмъ, и личность поэта въ Михайловскомъ становится совершенно народною; поэтъ проникается даже народными началами до непосредственности простого человѣка.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Жуковскій и Пушкинъ; пребываніе послѣдняго въ Петербургѣ, Москвѣ и на Кавказѣ (1826 — 1831). *)

Пушкинъ былъ на 16 лѣтъ моложе Жуковскаго. Воспитанный въ школѣ иного характера, нежели его учитель въ дѣлѣ поэзіи, брошенный въ жизнь, столь далекую по своему складу отъ жизни, въ которой возрасталъ Жуковскій,—Пушкинъ сначала только смутно чуялъ что-то безконечно прекрасное въ этомъ непонятномъ ему человѣкѣ.

Видая его, еще когда сидѣлъ на школьной скамьѣ, пріѣзжающимъ въ Лицей нарочно освѣдомляться о занятіяхъ даровитаго юноши и прочитывать ему свои стихотворенія, онъ съ трепетомъ исполненнаго любви и уваженія сердца встрѣчалъ этого простого и благостнаго человѣка, уже пользовавшагося громкой славой.

Послѣ выхода изъ Лицея, тотчасъ же записанный въ Арзамасъ, Пушкинъ видѣлъ тамъ этого неистощимаго въ веселыхъ шуткахъ секретаря Арзамаза и долженъ былъ чувствовать двойную къ нему привязанность за ясность его души, родственную его собственной. И позже эта черта Жуковскаго всегда восхищала Пушкина. „Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать“, пишетъ онъ кн. Вяземскому. Когда приходилось Жуковскому иногда и сдерживать юнаго друга своего, то это дѣлалось помощію тѣхъ же „проказъ“. „Нельзя и не сердиться на него“, добавляетъ въ томъ же письмѣ Пушкинъ. Но чуялъ онъ въ Жуковскомъ и другое, для него роковое, значеніе,—какъ руководителя въ поэзіи. Когда Жуковскій въ посланіи своемъ къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину, 1814 года, горячо вступился за благородное поприще поэтовъ, вопреки голосу „завистниковъ генія славы“, А. С. Пушкинъ отвѣчалъ ему.

Жуковскій въ своемъ посланіи говоритъ:

Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ, и терпитъ ли гоненья,

*) Въ сокращеніи изъ сочиненія П. Загарина: „В. А. Жуковскій и его произведенія“, изд. 2-е., стр. 458—469.

Избавленъ ли отъ нихъ судьбой —
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ судьбой,
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ —
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ —
Надежды лучшія свои...
Такъ и поэтъ, друзья мои.
Поэзія есть добродѣтель....

И кончаетъ посланіе тѣмъ полнымъ достоинства приговоромъ, который впослѣдствіи выразился въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина („Поэту"):

Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ, ихъ зданья ломки,
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки.

Въ отвѣтѣ своемъ, юный Арзамасецъ (такъ и подписался онъ въ рукописи), обращаясь къ Жуковскому, рѣшаетъ свое избраніе:

Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья!
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Въ 1818 году чувство Пушкина къ Жуковскому выливается въ одномъ изъ совершеннѣйшихъ его стихотвореній, гдѣ такъ юношески-искренно звучитъ этотъ стихъ о произведеніяхъ плѣнительнаго поэта: „И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость"—и въ другомъ посланіи къ нему, гдѣ именно Жуковскаго онъ избираетъ для своего изумительно живаго представленія поэта въ минуту творчества:

Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Поймавъ въ свой стихъ заглавіе тѣхъ брошюръ (Für Wenige), которыя въ то время Жуковскій издалъ для своей Августѣйшей ученицы и близкихъ ему людей, Пушкинъ прибавляетъ:

Ты правъ, творишь ты для немногихъ.

Анненковъ приводитъ одинъ анекдотъ, свидѣтельствующій, какъ цѣнилъ Пушкинъ каждую строчку своего учителя: Жуковскій часто, вмѣсто переписки стиха, которымъ былъ не доволенъ, заклеивалъ его бумажкой съ другимъ, новымъ. Разъ, на вечерѣ у Блудова, одинъ изъ чтецовъ новаго произведенія Жуковскаго, вѣроятно, недовольный перемѣной, сорвалъ такую бумажку и бросилъ на полъ. Пушкинъ тотчасъ же поднялъ ее и спряталъ въ карманъ, сказавъ весьма важно: „Намъ не мѣшаетъ подбирать то, что бросаютъ отъ Жуковскаго".

Удаленіемъ Пушкина на югъ, гдѣ хранителемъ его былъ другой питомецъ Благороднаго пансіона, Инзовъ, прекратились на время сношенія Пушкина съ Жуковскимъ.

Но едва онъ появляется вновь на сѣверѣ, еще не допущенный до Петербурга, какъ въ ушахъ Жуковскаго раздается давно знакомый голосъ:

„Милый, прибѣгаю къ тебѣ, посуди о моемъ положеніи"...

То было письмо злополучнаго Михайловскаго плѣнника, который, въ нетерпѣливыхъ порывахъ среди своего заточенія дѣлая тысячи глупостей, — обращается къ Жуковскому, какъ къ доброму своему покровителю. Пишется проектъ прошенія Государю. „Разнесся слухъ", пишетъ онъ въ немъ, „что я былъ высѣченъ... Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался — мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству"... „Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня"... Ему душно въ Михайловскомъ. Опять на мысль приходитъ Жуковскій. Лѣтомъ слѣдующаго года опять письмо. Не открывая своему другу тайнаго замысла бѣжать за-границу, Пушкинъ ищетъ какого-нибудь предлога ѣхать въ Дерптъ, откуда уже побѣгъ не труденъ. И вотъ придумывается „аневризмъ въ ногѣ", пишется просьба о дозволеніи отправиться для совѣта съ докторами въ Дерптъ. Но, о ужасъ! Жуковскій, не подозрѣвая обмана, обѣщаетъ прислать къ нему доктора

Мойера во Псковъ. Пушкинъ, какъ пойманный школьникъ, вертится: „Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ", пишетъ онъ Жуковскому: „мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощью могу проносить еще года три, слѣдственно дѣло не къ спѣху" — и посылаетъ при этомъ на усмотрѣніе Жуковскаго французское прошеніе „къ самому Бѣлому", какъ онъ выражается, о дозволеніи ѣхать за-границу.

Получивъ разрѣшеніе лѣчиться во Псковѣ, Пушкинъ пишетъ Жуковскому тѣмъ же лѣтомъ: „Я рѣшилъ остаться въ Михайловскомъ", и спѣшитъ написать уже самому Мойеру: „Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ Вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать во Псковъ для операціи... Умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте... Благодѣяніе Ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его". Къ Жуковскому же пишетъ: „Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ, право, совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ"... „Мойера не хочу рѣшительно", пишетъ онъ 6 октября: „Ты пишешь: прими его какъ меня! Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ,—они не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностію далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу—будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина"— такъ хитритъ попавшійся въ ловушку Пушкинъ. „Отче"! кончаетъ онъ письмо свое, „не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи"!..

Много заботъ доставлялъ неугомонный Пушкинъ своему другу. То пишетъ: „Милый, помоги!", то ощетинится: „не отвѣчать и не ручаться за меня!"

Мѣсяца черезъ два пишется однако же прошеніе на Высочайшее имя съ „истиннымъ раскаяніемъ и съ просьбою разрѣшить въѣздъ въ одну изъ столицъ или за-границу". При прошеніи приложено оффиціальное письмо къ Жуковскому, гдѣ излагается вкратцѣ исторія его опалы.

Разумѣется, милый другъ сдѣлалъ свое дѣло. Исполнилось желаніе Пушкина получить свободу именно „отъ Жуковскаго,

а не отъ другого“, какъ писалъ онъ въ мартѣ 1826 къ Плетневу: Пушкину возвращено право въѣзда въ столицы, и 8 сентября 1826 года онъ былъ уже въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ Жуковскій ввелъ Пушкина въ привлекательный домъ Авдотьи Петровны, бывшей теперь уже за Елагинымъ. Но не долго пришлось Пушкину попользоваться обществомъ лучшаго круга образованной Москвы. Послѣ неудачи перваго сватовства за Н. Н. Гончарову, уѣхавши на Кавказъ и въ Арзерумъ, Пушкинъ снова исчезаетъ изъ глазъ Жуковскаго. Но размолвка съ Паскевичемъ вернула его въ половинѣ ноября въ Петербургъ.

Между тѣмъ, среди всей этой тревожной, порывистой жизни была одна пристань вѣрная, тихая, гдѣ укрывался Пушкинъ отъ всѣхъ невзгодъ жизни, и дѣйствительныхъ и кажущихся. То были минуты поэтическаго творчества, преображавшія нашего поэта совершенно. Можно сказать, что онъ только и жилъ этими минутами и, самъ не сознавая, созидалъ великое дѣло. Отыскивая себѣ то денегъ, то внѣшняго положенія, то невѣсту, — онъ никакъ и не подозрѣвалъ, что его богатство, и слава, и вѣрная супруга его — была одна поэзія, чистая, безпримѣсная — и ревнивая. Она не раздѣляла своихъ даровъ съ нимъ ни среди блеска и шума столицы, ни въ бесѣдахъ съ милою женою. Она урывками похищала его у свѣта, и у службы, и у жены, и такова была безраздѣльная родственность съ нимъ этой чистой подруги его, что онъ никогда не былъ въ состояніи сознать того до конца, и согласно съ этимъ устроить жизнь свою. И въ самомъ дѣлѣ: среди бѣшеныхъ порывовъ своего Михайловскаго плѣненія онъ создаетъ „Бориса Годунова“, среди нетерпѣливаго стремленія къ невѣстѣ, задержанный въ Лукояновской непролазной грязи холерными карантинами, производитъ безпримѣрный и по количеству, и по качеству рядъ перловъ своей поэзіи, среди дорожной или походной безурядицы—лучшія свои лирическія произведенія; и во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ своего „Евгенія Онѣгина“. „Ты не можешь себѣ представить“, писалъ онъ Плетневу передъ свадьбою, „какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста... Жена— свой братъ! При ней пиши сколько хочешь,— а невѣста, пуще

цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ..." И дѣйствительно, вскорѣ онъ сообщаетъ Плетневу: „Скажу тебѣ, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ". Послѣ свадьбы онъ мечтаетъ: „Мысль благословенная — остаться по пріѣздѣ изъ Москвы до зимы въ Царскомъ Селѣ. Лѣто и осень такимъ образомъ я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. Съ тобою (Плетневымъ) буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербуръ подъ бокомъ; жизнь дешевая, экипажа не надобно. Чего лучше"? На одно письмо Плетнева, написанное имъ въ мрачную минуту, онъ отвѣчаетъ: „Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры; одна убиваетъ тѣло, другая убиваетъ душу". Время было тяжелое. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Пріуныли всѣ. Но Пушкинъ не унывалъ. Напротивъ, въ это время видимъ въ немъ необыкновенную ясность духа, которая послѣ уже никогда не возвращалась къ нему. Послѣ всѣ мечты о „вдохновительномъ уединеніи" разлетѣлись прахомъ; скромная жизнь, друзья, милыя воспоминанія—все исчезло какъ призракъ. Дорогая жена оказалась не „своимъ братомъ". Поэзія лишь набѣгами отвоевывала тебѣ досугъ поэта, которому удобнѣе было сочинять въ коляскѣ, покупая себѣ это удобство письмами женѣ, въ которыхъ утѣшалъ ее, что „вернется съ добычей", что „заплатитъ половину долговъ". Въ такомъ положеніи у него голова болитъ, хандра все грызетъ его, ни къ чему охоты нѣтъ, но въ это самое время создается „Капитанская дочка", „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ" и „Мѣдный всадникъ". А втянутый въ ту обстановку, которую создала его женатая жизнь въ Петербургѣ, онъ чувствуетъ себя въ такой средѣ, гдѣ ему приходилось даже стыдиться своего званія, какъ поэта. Онъ принимаетъ видъ человѣка степеннаго. Начались попытки стать то человѣкомъ науки, и онъ мѣтитъ въ исторіографы, намѣреваясь тѣмъ составить себѣ положеніе въ обществѣ, — то журналистомъ, разсчитывая этимъ путемъ добывать болѣе денегъ.

Пушкинъ не предвидѣлъ ничего этого и теперь въ Царскомъ Селѣ, проводя медовые мѣсяцы среди „вдохновительнаго уединенія", согрѣтый загорѣвшейся въ душѣ его поэзіей, былъ счастливъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Его желаніе, вы-

раженное вслѣдъ за женитьбою, „одно желаніе, чтобы ничего въ жизни не измѣнилось“, казалось осуществленнымъ.

Но кромѣ этого цѣлительнаго заблужденія, была и другая причина тому, огонь поэзіи вспыхнулъ у него въ это время: подлѣ него былъ вдохновитель его юности—Жуковскій. Вслѣдствіе холеры дворъ оставался въ Царскомъ селѣ, и Жуковскій жилъ до глубокой осени подлѣ Пушкина.

Въ это-то время происходило знаменитое состязаніе обоихъ поэтовъ въ сказкахъ, породившее со стороны Жуковскаго „Спящую Царевну“, „Сказку о Царѣ Берендеѣ“ и неподражаемую „Войну Мышей и Лягушекъ“.

„Кому принадлежитъ первая мысль этого поэтическаго турнира“, говоритъ Анненковъ, „мы можемъ только догадываться. Пушкинъ уже ознакомился съ міромъ народныхъ сказаній. Онъ владѣлъ уже значительной коллекціей народныхъ пѣсенъ, переданныхъ имъ П. И. Кирѣевскому, но до сихъ поръ приступалъ къ этому новому источнику только урывками... Послѣ „Сказки о Салтанѣ“, Пушкинъ, особенно замѣчавшій и любившій юмористическую сторону народныхъ разсказовъ, написалъ сказку „О купцѣ Остолопѣ“, которая такъ смѣшила Жуковскаго и друзей его“.

Пушкинъ въ Петербургѣ (1831—1837) *).

Пушкинъ со времени женитьбы по самый день несчастнаго своего поединка былъ неутомимымъ труженикомъ для жены и дѣтей. Завистники и недоброжелатели обвиняли его въ корыстолюбіи, въ алчности къ наживѣ, даже въ неблагодарности къ Государю, именно въ томъ смыслѣ, что, не довольствуясь пожалованнымъ ему окладомъ, Пушкинъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ своему державному покровителю съ просьбою о пособіяхъ. Память поэта въ оправданіяхъ не нуждается, а обвинители его не рѣшались бы на порицанія, если

*) Въ извлеченіи изъ біографическаго очерка: „А. С. Пушкинъ“, подъ редакціей П. А. Ефремова („Русская Старина“ 1880 г. май).

бы безпристрастнѣе отнеслись къ общественному положенію Пушкина. Женитьба на Гончаровой породнила его съ нѣкоторыми знатными фамиліями обѣихъ столицъ; посѣщеніе большого свѣта было насущной потребностью для жены Пушкина, свѣтски образованной, молодой красавицы... Эти выѣзды были сопряжены съ немалыми расходами. Хотя простота одежды самого Пушкина доходила почти до небрежности (въ которой иные видѣли своего рода оригинальность или желаніе подражать Байрону), но онъ, страстно любя жену, не могъ равнодушно относиться къ ея туалету. Несомнѣнно, что скромность въ его одеждѣ—эта мнимая оригинальность, была ничѣмъ другимъ, какъ самопожертвованіемъ съ его стороны. Замѣтимъ, что люди такого сорта, для которыхъ свѣжесть перчатокъ, покрой фрака, или изящно повязанный галстукъ служатъ мѣриломъ достоинства человѣческаго, исподтишка глумились надъ Пушкинымъ, но и онъ не оставался въ долгу: пустота, фатовство, мишурность свѣтскаго круга часто вызывали у него цѣлый рядъ колкостей. Графъ Саллогубъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Пушкинѣ весьма вѣрно передаетъ положеніе поэта въ кругу великосвѣтскихъ людей, полагающихъ хорошій тонъ единственно въ соблюденіи условій ненарушимаго кодекса общежитія. „Главное несчастіе Пушкина,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его убившею. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которою не могъ не чувствовать себя почти постоянно униженнымъ, и по достатку и по значенію, въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: „Карету Пушкина!“ — Какого Пушкина?—„Сочинителя“, Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію.

За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками и т. п. Прочимъ же условіямъ онъ подчинялся безусловно. Жена его

была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ и соперницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ (къ январю 1834 года). Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствія женѣ — красавицѣ, игралъ роль жалкую, если не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у него часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ... Въ томъ же большомъ свѣтѣ Пушкинъ встрѣчалъ разныхъ особъ, кичившихся передъ нимъ знатностью происхожденія, тогда какъ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Тѣмъ не менѣе, большинство нашей знати относилось къ Пушкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Литературныхъ враговъ Пушкина,—писателей по ремеслу, это радовало: „ништо ему, говорили они, зачѣмъ льнетъ къ аристократіи, зачѣмъ садится не въ свои сани". Такимъ образомъ, Пушкинъ, по общественному своему положенію, находился между двухъ огней: презрительное пренебреженіе знати—съ одной стороны, ненависть и укоризны литературной мелочи—съ другой.

Презрѣніе Пушкина къ журналистамъ имѣло причины. Достаточно вспомнить неприличныя выходки Булгарина, направленныя противъ великаго поэта, грубость полемическихъ пріемовъ и неряшливость литературныхъ нравовъ того времени вообще, чтобы оправдать Пушкина. Прикрываясь псевдонимомъ „Косичкина", поэтъ бичевалъ Булгарина нещадно: не скрывалъ своего отвращенія къ собраніямъ литераторовъ въ редакціяхъ, книжныхъ магазинахъ и типографіяхъ, гдѣ бесѣда начиналась обѣдомъ со спичами, стихами и т. п., а оканчивалась потасовками или плясками въ присядку подъ хоровое пѣніе жуковскихъ пѣсенниковъ. Понятна послѣ этого вся ядовитость отвѣта Пушкина, на вопросъ одного изъ своихъ знакомыхъ: почему не бываетъ онъ на вечерахъ у журналиста N. N.?

— Я человѣкъ женатый, и въ такіе дома ѣздить не могу!..

Очерки изъ жизни Пушкина.

Къ новому 1832 году Пушкинъ возвратился въ Петербургъ изъ Москвы, куда ѣздилъ для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ и откуда спѣшилъ возвратомъ для занятій историческими своими трудами, а также для изданія газеты или журнала и послѣдней главы „Евгенія Онѣгина". Какъ черту, свидѣтельствующую о суевѣріи великаго поэта, приводимъ выдержку изъ его письма къ П. В. Нащокину (отъ 5-го января 1832 г.):

„.... Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копеечку. Если и ее найдешь—и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую".

Осенью 1832 года Пушкинъ познакомился съ Н. В. Гоголемъ. Любовь и благоговѣніе къ Пушкину автора „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться: поэты поняли и оцѣнили другъ друга... Мысль написать „Ревизора" и фабула „Мертвыхъ душъ" были внушены Гоголю Пушкинымъ. Объ этомъ самъ Гоголь упоминаетъ въ своей „Авторской Исповѣди" (стр. 268—269 изд. 1855 г.): „онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы", и сюжета этого, по словамъ самого Пушкина, „онъ бы не отдалъ никому другому"... По этому поводу приводимъ разсказъ родной сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлищевой, записанный съ ея словъ сыномъ ея.

— Гоголь, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ первый открылъ громадный талантъ и много содѣйствовалъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ, сблизился съ Пушкинымъ въ 1832—1833 годахъ.

Посѣщая Александра Сергѣевича, онъ часто пользовался его совѣтами. Бесѣдовали же они, большею частью, глазъ-на-глазъ, такъ какъ Николай Васильевичъ въ присутствіи дамъ конфузился, въ чемъ неоднократно сознавался Александру Сергѣевичу.

Въ одну изъ этихъ бесѣдъ, Пушкинъ передалъ Гоголю слышанную имъ новость, что какой-то господинъ, жившій въ псковской губерніи (неподалекуотъ Михайловскаго), занимался покупкою мертвыхъ ревизскихъ душъ, попался въ этихъ подвигахъ властямъ предержащимъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ:

Очерки изъ жизни Пушкина.

„Знаете ли, Гоголь, что это отличный матерьялъ и какъ разъ мнѣ на руку: я имъ займусь... Къ стихамъ я нынѣ охладѣлъ, и какъ, вамъ извѣстно, занимаюсь прозою"....

„Николай Васильевичъ выслушалъ исторію о первообразѣ своего „Чичикова" съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, не подавая вида, что онъ принимаетъ ее къ свѣдѣнію. Между тѣмъ, впослѣдствіи Александръ Сергѣевичъ показывалъ своей сестрѣ самую программу повѣсти или романа на сюжетъ похожденій скупщика мертвыхъ душъ. Но Гоголь предупредилъ его, и когда трудъ его настолько подвинулся, что онъ сообщилъ о немъ Жуковскому и Плетневу — Александръ Сергѣевичъ былъ этимъ крайне не доволенъ.

„Языкъ мой — врагъ мой", — говорилъ онъ женѣ своей. Гоголь хитрый малороссъ, воспользовался моимъ сюжетомъ. Исторію г-на N.N., которую я ему разсказывалъ, онъ какъ будто пропустилъ мимо ушей... Впрочемъ, прибавилъ онъ, я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ во мнѣ нѣтъ.

Чтеніе самимъ Гоголемъ первыхъ главъ его „Мертвыхъ душъ" Пушкину не только примирило великаго поэта съ похитителемъ его идеи, но и заставило еще болѣе прежняго поощрять Николая Васильевича къ его литературнымъ трудамъ". Заботы о средствахъ къ обезпеченію семейства часто и довольно надолго отвлекали Пушкина отъ его семейнаго очага. Супружеская жизнь поэта продолжалась почти шесть лѣтъ и изъ этого періода надобно вычесть годъ и три мѣсяца (въ общей сложности), проведенные имъ въ разлукѣ съ женою и дѣтьми. Частыя отлучки, разумѣется, много способствовали развитію чувства ревности въ пылкой душѣ поэта.

Раннею весною 1833 года Александръ Сергѣевичъ съ женою и дочерью, младенцемъ-первенцемъ, переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, гдѣ въ то время обыкновенно жили многіе представители высшаго круга. Жизнь Пушкина на дачѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни труженика-чиновника, ежедневно ходящаго на службу. Александръ Сергѣевичъ также ежедневно пѣшкомъ ходилъ съ Черной рѣчки въ государственный архивъ и въ библіотеку Эрмитажа. Купанье поддерживало его силы, а часы досуга онъ посвящалъ бесѣдамъ съ навѣ-

щавшими его знакомыми, визитамъ съ женою и уединеннымъ прогулкамъ по окрестностямъ, именно: на острова и въ Новую Деревню, гдѣ ему особенно нравилось кладбище. Свѣтлыя лѣтнія ночи, такъ не подражаемо имъ воспѣтыя въ „Онѣгинѣ“ и „Мѣдномъ Всадникѣ“, были попрежнему любезны поэту и въ ночной тиши всего чаще осѣняло его вдохновеніе.

Въ исходѣ лѣта, 12-го августа, взявъ формальный отпускъ отъ мѣста своего служенія, Пушкинъ отправился въ путешествіе по юго-восточной Россіи. Онъ хотѣлъ заѣхать предварительно въ Дерптъ, посѣтить Екатерину Андреевну Карамзину, которая проживала здѣсь по случаю нахожденія въ университетѣ ея сына Андрея Николаевича. Что-то помѣшало, однако, поэту исполнить это намѣреніе. Онъ отправился прямо въ Москву и въ концѣ августа былъ уже въ своемъ Болдинѣ (нижегородской губ.); 6-го сентября прибылъ въ Казань; ѣздилъ за 10 верстъ отъ города на Троицкую мельницу, гдѣ стоялъ лагеремъ Пугачевъ; посѣтилъ купца Крупеникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. На слѣдующій день, 8-го сентября, Пушкинъ отправился въ Симбирскъ; 12-го посѣтилъ село Языково, принадлежавшее поэту Николаю Михайловичу Языкову; 14-го числа, выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ третьей станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. 19-го сентября онъ прибылъ въ Оренбургъ. Сопутствуемый Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, объѣзжалъ Оренбургскую линію крѣпостей, повсюду отыскивая преданій и свидѣтельствъ очевидцевъ о Пугачевѣ. 23-го сентября онъ выѣхалъ изъ Оренбурга и черезъ Саратовъ и Пензу прибылъ въ Болдино 2-го октября. Здѣсь провелъ болѣе мѣсяца и къ 28-му числу ноября возвратился въ Петербургъ.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Послѣдніе дни жизни Пушкина *).

После дуэли Пушкина съ Дантесомъ [1], въ ту минуту, когда Данзасъ [2], подвозилъ раненаго поэта къ дому [3], Григорій Волконскій [4], занимавшій первый этажъ этого дома, выходилъ изъ подъѣзда и видѣлъ раненнаго Пушкина. Онъ побѣжалъ въ Зимній дворецъ, гдѣ долженъ былъ проводить вечеръ его отецъ, князь Петръ Волконскій, который и сообщилъ печальную вѣсть Государю (а не Бенкендорфъ, узнавшій объ этомъ послѣ). Когда Бенкендорфъ явился во дворецъ, Государь его очень плохо принялъ и сказалъ: „я знаю все,— полиція не исполнила своего долга“. Бенкендорфъ отвѣтилъ: „Я посылалъ въ Екатерингофъ, мнѣ сказали, что дуэль тамъ“. Государь пожалъ плечами: „Дуэль состоялась на островахъ, вы должны были это знать и послать всюду“. Бенкендорфъ былъ пораженъ его гнѣвомъ, когда Государь прибавилъ: „Для чего тогда существуетъ тайная полиція“? Князь Петръ Волконскій присутствовалъ при этой сценѣ, что еще болѣе конфузило Бенкендорфа.

Государь самъ послалъ князя Петра къ Арендту, а Григорія къ другому доктору, и сказалъ имъ: „Я сдѣлаю распоряженія. Если вамъ нужно будетъ ледъ, шампанское, еще что нибудь, тотчасъ идите во дворецъ, даже ночью, и берите все нужное“.

Жуковскій два раза приносилъ ему извѣстія, Государь долго съ нимъ разговаривалъ. Разстроенный, возмущенный, пожалъ онъ ему руку, говоря: „Я не буду спать эту ночь, я не лягу, пусть каждые два часа мнѣ присылаютъ извѣстія. Я — внѣ себя. Ты знаешь, какого я о немъ мнѣнія: я надѣялся на него, довѣрялъ ему. Его смерть — національное горе. Для меня это страшная потеря, такъ какъ всякая потеря для Рос-

*) Изъ „Записокъ А. О. Смирновой“, ч. II, стр. 80—81.

[1]) Дантесъ — офицеръ кавалергардскаго полка, усыновленный барономъ Гекереномъ, голландскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ.

[2]) Данзасъ — лицейскій товарищъ Пушкина.

[3]) Къ дому Волконскаго, на Мойкѣ, очень близко отъ Зимняго дворца.

[4]) Былъ президентомъ нашей академіи въ Римѣ.

сіи затрогиваетъ меня до глубины сердца". Жуковскій мнѣ сказалъ: „Никогда я еще не видѣлъ Государя такимъ, я не сомнѣвался въ томъ значеніи, которое онъ придавалъ Пушкину, но съ этой минуту Государь сталъ для меня совсѣмъ особою личностью, хотя и раньше я его любилъ и уважалъ". Государыня со слезами на глазахъ говорила мнѣ: „Не оставляйте его ни минуты, и скажите ему, какъ я горюю".

На другой день, утромъ, между 7 и 8 часами, Государь пришелъ въ сѣни дома Волконскихъ, вызвалъ швейцара и спросилъ: „Онъ еще живъ?" Швейцаръ въ первый моментъ не узналъ Государя (было еще темно) и не понялъ вопроса. Государь повторилъ: „А. С. Пушкинъ боленъ, живъ-ли онъ еще?" Швейцаръ отвѣтилъ: „Да, одинъ изъ докторовъ только-что ушелъ и велѣлъ мнѣ говорить, что онъ еще живъ". Государь ушелъ, а швейцаръ узналъ Его только на улицѣ, гдѣ было свѣтлѣе. Онъ въ тотъ же день разсказалъ объ этомъ Жуковскому, очень удивленному этимъ раннимъ визитомъ царя, съ цѣлью узнать что-нибудь о Пушкинѣ.

Послали за Натали [1], докторами Спасскимъ и Далемъ; послали также къ Карамзинымъ.

Государь велѣлъ Данзасу оставаться съ Пушкинымъ до конца. Въ первую минуту растерялись, такъ какъ у Натали сдѣлался нервный припадокъ. Отъ шума проснулись дѣти, начали кричать; женщины и лакеи, ошеломленные, оглушенные, безполезно сновали и волновались. Пушкинъ былъ спокоенъ: съ нимъ по пріѣздѣ сдѣлалось два обморока, вслѣдствіе потери крови и толчковъ, такъ какъ было очень трудно поднять его въ 3-й этажъ. Очень скоро распространилась вѣсть въ англійскомъ клубѣ и полкахъ, благодаря лицамъ, бывшимъ у Карамзиныхъ; а изъ дворца послали объ этомъ сказать великому князю Михаилу и Нессельроде, гдѣ было много дипломатовъ.

Такимъ образомъ, на другой день, съ утра, всѣ уже приходили узнавать о Пушкинѣ. У дверей, на лѣстницѣ, въ передней была масса народа. Первая ночь была ужасна: онъ страшно страдалъ, въ особенности отъ рвоты. Арендтъ зонди-

[1]) Женой Пушкина.

ровалъ рану, но не нашелъ пули. Пушкинъ даже не застоналъ изъ страха быть услышаннымъ женой, и Арендтъ сказалъ Жуковскому: „Какое у него мужество, вѣдь я его страшно мучилъ!“ Шампанское и ледъ нѣсколько успокаивали рвоту и ужасную жажду, но ему не могли давать много сразу.

Когда рвота остановилась, для его друзей явилась минута надежды, Пушкинъ же и доктора ни одной минуты не сомнѣвались въ исходѣ. Великій князь Михаилъ пришелъ къ подъѣзду и вызвалъ Жуковскаго, который тотчасъ спустился; великій князь просилъ передать Пушкину нѣсколько ласковыхъ словъ и сказалъ Жуку: „Я не хочу безпокоить его и его жену: въ такія минуты только близкіе друзья и родные имѣютъ право входа. Но скажите ему, что я въ глубокомъ горѣ и что я его никогда не забуду. Передайте ему, что мой братъ, Императрица и я столь же восхищались имъ, какъ и уважали его, и что его смерть будетъ для насъ истиннымъ горемъ. Онъ долженъ быть убѣжденъ въ нашей къ нему симпатіи“.

Арендтъ сказалъ Государю въ первый вечеръ: „Онъ погибъ, я не могъ найти пулю; она вошла во внутренности кишки, ударъ послѣдовалъ сверху внизъ, очевидно его противникъ былъ выше ростомъ. Это худшая изъ ранъ,—въ животъ, и я даже удивляюсь, что онъ еще живъ“. Онъ разсказывалъ ему о мужествѣ Пушкина во время зондированія. Записка Государя его оживила; онъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ держать пера и поручилъ Жуковскому передать Государю его послѣднее „прости“. Онъ поцѣловалъ записку Государя, и просилъ ее ему возвратить и сказать Государю, что онъ его утѣшилъ, „назвавъ своимъ другомъ и выказавъ столько вѣры въ его честность“. Жуковскій говорилъ: „Я былъ такъ взволнованъ, отдавая записку Государю, что началъ плакать. Я едва могъ передать ему послѣдній привѣтъ Пушкина. Позднѣе я повторилъ его императрицѣ. У Государя глаза были влажны отъ слезъ; онъ сжалъ мнѣ руки, обнялъ и сказалъ: „Вернись къ нему, не покидай ни на минуту; ты былъ его лучшимъ другомъ и совѣтникомъ, твое присутствіе ему полезно. Я счастливъ, что онъ выразилъ желаніе причаститься, какъ только у него прекратится рвота; повтори ему, что это меня успокоило, и пусть онъ не думаетъ о будущности своей семьи,

— это будетъ моей заботой, также какъ и его долги". Какъ только рвота прекратилась, Пушкинъ потребовалъ священника, исповѣдался и причастился, и священникъ, выходя, сказалъ: „Я желаю всѣмъ такой христіанской кончины, онъ простилъ всѣмъ, его оскорблявшимъ". Священникъ былъ пораженъ его ясностью, спокойствіемъ, чистотою его совѣсти. Онъ сказалъ Екатеринѣ Мещерской: „Я рѣдко встрѣчалъ умирающихъ, говорящихъ такимъ образомъ, съ такимъ яснымъ умомъ, возвышенною душою и такимъ смиреніемъ въ 37 лѣтъ".

Пушкинъ благословилъ и обнялъ дѣтей. Лихорадка уменьшилась, но Арендтъ сказалъ, что это предвѣстникъ агоніи, такъ какъ у него начиналась дрожь. Натали плакала, падала въ обморокъ, ее постоянно должны были уводить, такъ какъ она слишкомъ волновала Пушкина. Какъ только она входила, онъ переставалъ стонать. Она утѣшала себя надеждою, даже въ послѣдніе часы, когда онъ съѣлъ двѣ ягоды морошки съ снѣгомъ. Какъ часто онъ ѣлъ у насъ и любилъ, чтобы ее подавали въ маленькомъ деревянномъ боченкѣ, при чемъ говорилъ: „Это мое лѣкарство! Это и еще малиновое варенье съ ледяною водою; знаете, оно меня даже вдохновляетъ. Когда я пишу, оно у меня всегда на столѣ!"

Въ послѣднюю минуту онъ еще думалъ о Натали, и сказалъ ей, что хочетъ спать, — пусть и она пойдетъ отдохнуть. Потомъ онъ посмотрѣлъ на свои книги и прошепталъ: „Прощайте, друзья". Даль его приподнялъ. Онъ сказалъ громко, такъ что Жуковскій даже вздрогнулъ: „прощай, жизнь!" — и перешелъ въ царство тѣней.

Очерки изъ жизни Пушкина.

Преждевременная смерть Пушкина и ея причина *).

Самолюбіе и самомнѣніе есть свойство всѣхъ людей, и полное его истребленіе не только невозможно, но, пожалуй, и нежелательно. Этимъ отнимался бы важный возбудитель человѣческой дѣятельности; это было бы опасно, пока человѣчество должно жить и дѣйствовать на землѣ.

Хотя для Пушкина идеалъ совершенства предполагалъ полное умерщвленіе самолюбія и самомнѣнія:

„Хвалу и клевету пріемли равнодушно“, —

но требовать или ждать отъ него дѣйствительнаго осуществленія такого идеала было бы, конечно, несправедливо. Оставшись въ міру, онъ отказался отъ практики сверхъ-мірового совершенства.

Но можно и должно было требовать и ожидать отъ Пушкина того, что по праву требуется и ожидается нами отъ всякаго разумнаго человѣка во имя человѣческаго достоинства, — можно и должно было ждать и требовать отъ него, чтобы, оставаясь при своемъ самолюбіи и даже давая ему, при случаѣ, то или другое выраженіе, онъ не придавалъ ему существеннаго значенія, не принималъ его, какъ мотивъ важныхъ рѣшеній и поступковъ, чтобы о страсти самолюбія онъ всегда могъ сказать, какъ и о всякой другой страсти: „я имѣю ее, а не она меня имѣетъ“.

Допустивъ надъ своей душою власть самолюбія, Пушкинъ старался оправдать ее чувствомъ своего высшаго призванія. Это фальшивое оправданіе недостойной страсти неизбѣжно ставило его въ неправильное отношеніе къ обществу, вызывало и поддерживало въ немъ презрѣніе къ другимъ, затѣмъ отчужденіе отъ нихъ, наконецъ вражду и злобу противъ нихъ.

Уже въ сонетѣ „Поэту“ высота самосознанія смѣшивается съ высокомѣріемъ и требованіе безстрастія — съ обиженнымъ и обиднымъ выраженіемъ отчужденія.

Ты — царь, живи одинъ!

---

*) Выбранныя мѣста изъ брошюры Влад. Соловьева „Судьба Пушкина“ (стр. 18—35).

Очерки изъ жизни Пушкина.

Это взято, кажется, изъ Байрона: „the solitude of kings". Но вѣдь одиночество царей состоитъ не въ томъ, что они живутъ одни, — чего собственно и не бываетъ, — а въ томъ, что среди другихъ имѣютъ единственное положенiе. Это есть одиночество горныхъ вершинъ.

Монбланъ — монархъ сосѣднихъ горъ:
Онѣ его вѣнчали. („Манфредъ" Байрона).

Не подобало такое высокомѣрiе и солнцу нашей поэзiи. Къ инымъ чувствамъ и взглядамъ призывало его не только сознанiе своей генiальности, но и сознанiе религiозное, которое съ наступленiемъ зрѣлаго возраста пробудилось и выяснилось въ немъ. Прежнее его невѣрiе было болѣе легкомыслiемъ, чѣмъ убѣжденiемъ, и оно прошло вмѣстѣ съ другими легкомысленными увлеченiями. То, что онъ говорилъ про Байрона, еще болѣе примѣняется къ нему самому: „скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравiемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденiю внутреннему, вѣрѣ душевной". Въ сознанiи своего генiя и въ христiанской вѣрѣ поэтъ имѣлъ двойную опору, слишкомъ достаточную, чтобы держаться въ жизни извѣстной высоты, недосягаемой для мелкой вражды, клеветы и сплетни, — на высотѣ одинаково далекой отъ нехристiанскаго презрѣнiя къ ближнимъ и отъ недостойнаго уподобленiя толпѣ.

Но мы видимъ, что Пушкинъ постоянно колеблется между высокомѣрнымъ пренебреженiемъ къ окружающему его обществу и мелочнымъ раздраженiемъ противъ него, выражающимся въ язвительныхъ личныхъ выходкахъ и эпиграммахъ. Въ его отношенiи къ непрiязненнымъ лицамъ не было ничего ни генiальнаго, ни христiанскаго, и здѣсь — настоящiй ключъ къ пониманiю катастрофы 1837 года. По мнѣнiю самого Пушкина, повторяемому большинствомъ критиковъ и историковъ литературы, „свѣтъ" былъ къ нему враждебенъ и преслѣдовалъ его. Та злая судьба, отъ которой будто бы погибъ поэтъ, воплощается здѣсь въ „обществѣ", „свѣтѣ" „толпѣ", — вообще въ той пресловутой средѣ, роковое предназначенiе которой только въ томъ, кажется, и состоитъ, чтобы „заѣдать" людей. При всей своей распространенности, это мнѣнiе оказывается до крайно-

сти неосновательнымъ. Пушкина будто бы не признавали и преслѣдовали! Но, что же собственно не признавалось въ немъ, что было предметомъ вражды и гоненій? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемірной литературѣ найдется другой примѣръ великаго писателя, который такъ рано, какъ Пушкинъ, сталъ общепризнаннымъ и популярнымъ въ своей странѣ. А говорить о гоненіяхъ, которымъ будто бы подвергался нашъ поэтъ, можно только для красоты слога.

Если нѣсколько лѣтъ невольнаго, но привольнаго житья въ Кишиневѣ, Одессѣ и собственномъ Михайловскомъ — есть гоненіе и бѣдствіе, то какъ же мы назовемъ безсрочное изгнаніе Данте изъ родины, тюрьму Камоэнса, объявленное сумасшествіе Тасса, нищету Шиллера, остракизмъ Байрона, каторгу Достоевскаго и т. д.? Внѣшнія условія Пушкина, не смотря на цензуру, были исключительно счастливыми. Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что въ тогдашней Англіи ему за его раннія „вольности" досталось бы отъ общества гораздо больше чѣмъ въ Россіи отъ правительства, какъ это ясно видно на примѣрѣ Байрона. Когда говорятъ о враждѣ свѣтской и литературной среды къ Пушкину, забываютъ о его многочисленныхъ и вѣрныхъ друзьяхъ въ этой самой средѣ. Но почему же „свѣтъ" болѣе представлялся тогда Уваровымъ или Бекендорфомъ, чѣмъ Карамзиными, Вельгурскими, Вяземскими и т. д.? И кто были представители русской литературы: Жуковскій, Гоголь, Баратынскій, Плетневъ, или же Булгаринъ? Едва ли былъ когда въ Россіи писатель, окруженный такимъ блестящимъ и плотнымъ кругомъ людей, понимающихъ и сочувствующихъ.

Какъ поэтъ, Пушкинъ могъ быть вполнѣ доволенъ своимъ общественнымъ положеніемъ: онъ былъ россійскою знаменитостью еще при жизни. Конечно, между его современниками въ Россіи были и такіе, которые отрицали его художественное значеніе или недостаточно его понимали. Но это были вообще люди эстетически до него не доросшіе, что было для него такъ же неизбѣжно, какъ и то, что люди совсѣмъ неграмотные не читали его сочиненій. Обижаться и негодовать было бы въ одномъ случаѣ такъ же странно, какъ и въ другомъ. И на самомъ дѣлѣ, Пушкинъ обижался и негодовалъ на обще-

ство не за это, не за эстетическую тупость людей малообразованныхъ, а за холодность и непріязненность къ нему многихъ лицъ изъ тѣхъ двухъ круговъ, къ которымъ онъ принадлежалъ, свѣтскаго и литературнаго. Но эта непріязненность, доходившая иногда до прямой враждебности, относилась, главнымъ образомъ, не къ поэту, не къ жрецу Аппололна, а лишь къ тому, кто иногда, по собственному признанію, между дѣтей ничтожныхъ міра бывалъ, можетъ быть, всѣхъ ничтожнѣе. Въ общественной средѣ Пушкина были, конечно, какъ и во всякой другой средѣ, злостные глупцы и негодяи, для которыхъ превосходство ума и дарованія нестерпимо само по себѣ. Вражда этихъ людей, возбуждаемая силою Пушкина, могла, однако, держаться, и дѣйствовать только черезъ его слабости. Онъ самъ давалъ ей пищу и толкалъ въ лагерь своихъ враговъ и такихъ людей, которые не были злостными глупцами и негодяями.

Главная бѣда Пушкина были его эпиграммы. Между ними есть, правда, высшіе образцы этого невысокаго, хотя законнаго рода словесности, есть настоящія золотыя блестки добродушной игривости и веселаго остроумія; но многія другія ниже поэтическаго достоинства Пушкина, а нѣкоторыя ниже человѣческаго достоинства вообще, и столько же постыдны для автора, сколько оскорбительны для его сюжетовъ.

Нѣтъ такого житейскаго положенія, хотя бы возникшаго по нашей собственной винѣ, изъ котораго нельзя бы было при доброй волѣ выйти достойнымъ образомъ. Свѣтлый умъ Пушкина хорошо понималъ, чего отъ него требовали его высшее призваніе и христіанскія убѣжденія; онъ зналъ, что должно дѣлать, но онъ все болѣе и болѣе отдавался страсти оскорбленнаго самолюбія съ ея ложнымъ стыдомъ и злобною мстительностью.

Потерявши внутреннее самообладаніе, онъ могъ еще быть спасенъ постороннею помощью. Послѣ первой несостоявшейся его дуэли съ Геккерномъ, императоръ Николай Павловичъ взялъ съ него слово, что въ случаѣ новаго столкновенія онъ предупредитъ государя. Пушкинъ далъ слово, но не исполнилъ его. Ошибочно увѣрившись, что непристойное анонимное письмо писано тѣмъ же Геккерномъ, онъ послалъ ему (черезъ

его отца) свой второй вызовъ въ такомъ изысканно оскорбительномъ письмѣ, которое дѣлало кровавый исходъ неизбѣжнымъ. Между тѣмъ, при крайней степени своего раздраженія, Пушкинъ не дошелъ все-таки до того состоянія, вь которомъ прекращается вмѣняемость поступковъ и въ которомъ данное имъ слово могло быть просто забыто. Послѣ дуэли у него найдено было письмо къ графу Бенкендорфу съ изложеніемъ его новаго столкновенія, очевидно, для передачи государю. Онъ написалъ это письмо, но не захотѣлъ отправить его. Онъ думалъ, что чей-то пошлый и грязный анонимный пасквиль можетъ уронить его честь, а имъ самимъ сознательно нарушаемое слово-не можетъ. Если онъ былъ тутъ „невольникомъ", то не „невольникомъ чести", какъ назвалъ его Лермонтовъ, а только невольникомъ той страсти гнѣва и мщенія, которой онъ весь отдался.

Не говоря уже объ истинной чести, требующей только внутренняго нравственнаго достоинства, недоступнаго ни для какого внѣшняго посягательства,—даже принимая честь въ условномъ значеніи согласно свѣтскимъ понятіямъ и обычаямъ, анонимный пасквиль ничьей чести вредить не могъ, кромѣ чести писавшаго его. Если бы ошибочное предположеніе было вѣрно, и авторомъ письма былъ дѣйствительно Геккернъ то онъ тѣмъ самымъ лишалъ себя права быть вызваннымъ на дуэль, какъ человѣкъ, поставившій себя своимъ поступкомъ внѣ законовъ чести; а если письмо писалъ не онъ, то для вторичнаго вызова не было никакого основанія. Слѣдовательно, эта несчастная дуэль произошла не въ силу какой-нибудь внѣшней для Пушкина необходимости, единственно потому, что онъ рѣшилъ покончить съ ненавистнымъ врагомъ.

Но и тутъ еще не все было потеряно. Во время самой дуэли раненый противникомъ очень опасно, но не безусловно смертельно, Пушкинъ еще былъ господиномъ своей участи. Во всякомъ случаѣ, мнимая честь была удовлетворена опасною раною. Продолженіе дуэли могло быть дѣломъ только злой страсти. Когда секунданты подошли къ раненному, онъ поднялся и съ гнѣвными словами:—„Attendez je me sens assez de force pour tirer mon coup!" не дрожащею рукою выстрѣлилъ

въ своего противника и слегка ранилъ его. Это крайнее душевное напряженіе, этотъ отчаянный порывъ страсти окончательно сломилъ силы Пушкина и дѣйствительно рѣшилъ его земную участь. Пушкинъ убитъ не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна.

Такимъ образомъ, дуэль Пушкина была не внѣшнею случайностью, отъ него не зависѣвшею, а прямымъ слѣдствіемъ той внутренней бури, которая его охватила и которой онъ отдался сознательно, несмотря ни на какія провиденціальныя препятствія и предостереженія. Онъ сознательно принялъ свою личную страсть за основаніе своихъ дѣйствій, сознательно рѣшилъ довести вражду до конца, до дна исчерпать свой гнѣвъ...

Откликъ русскихъ поэтовъ по случаю смерти Пушкина.

Стихотвореніе В. А. Жуковскаго.

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ,
Руки свои опустивъ. — Голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ — въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, не сіялъ острый умъ.
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему —
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ; и спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?

Очерки изъ жизни Пушкина.

Стихотворенiе Э. И. Губера.

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ —
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ.
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвётся тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.

По полученiи вѣсти о смерти Пушкина, поэтъ-прасолъ А. В. Кольцовъ отправилъ изъ Воронежа слѣдующее письмо на имя А. А. Краевскаго:

Воронежъ, 13 марта 1837 года.

Добрый и любезнѣйшiй Андрей Александровичъ!

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ померъ; у насъ уже его болѣе нѣтъ!.. Едва взошло русское солнце; едва освѣтило широкую Русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонiей райскихъ звуковъ; едва раздались волшебныя пѣсни родимаго барда...

Прострѣлено солнце (Пушкинъ). Лицо помрачилось, безобразной глыбою упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилась долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни! Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна! Сберите ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ! Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ!

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Вы, слезы горькія изъ глазъ.
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

Спѣши судьба! Развѣ у насъ мало мертвецовъ! Развѣ, кромѣ Пушкина, тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ есть много, — за что-жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Злая судьба! Творецъ Всемогущій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры; но непостижимъ намъ Твой законъ!“

Примѣчаніе. Письмо это, — откликъ Кольцова при полученіи имъ извѣстія о смерти Пушкина, есть образчикъ, съ одной стороны, литературной нескладицы, а съ другой — поэтическаго, пѣсеннаго склада А. В. Кольцова. („Древняя и Новая Россія“, 1879 г. № 3, стр. 238).

А. В. Кольцовъ посвятилъ памяти умершаго поэта извѣстное стихотвореніе. „Лѣсъ“. Здѣсь онъ изображаетъ Пушкина „богатыремъ“, въ которомъ „сила гордая, доблесть царская“ обнаруживали избытокъ радостной жизни: *„У тебя ль, было, въ дни роскошества, другъ и недругъ твой прохлаждаются“...*

Кромѣ В. А. Жуковскаго, Э. И. Губера и А. В. Кольцова, болѣе 10 поэтовъ высказали всенародное горе по случаю неожиданной смерти Пушкина; таковы, между прочимъ, стихотворенія: Лермонтова: *„Погибъ поэтъ, невольникъ чести“*, Тютчева, Креницина, Глинки, Норова, Полежаева, кн. Вяземскаго и др.

Стихотворенія и отрывки изъ сочиненій Пушкина.

МУЗА.

(1821 г.)

Въ стихотвореніи „Муза“, написанномъ на 22-мъ году жизни Пушкина, поэтъ передаетъ, какъ онъ еще въ дѣтствѣ неопытной рукой дѣлалъ первые шаги въ творчествѣ, какъ муза вдохновляла его и что́ онъ считалъ для себя высшей наградой. По понятіямъ древнихъ грековъ, музы, — представительницы наукъ и исскусствъ, — любили пѣвцовъ. Пушкинъ не объясняетъ, которая изъ музъ „внимала ему“. При чтеніи стихотворенія чувствуются, однако, тѣ образы, которые привлекали юное воображеніе поэта.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила—
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

ПТИЧКА.

(1822 г.).

Поводъ къ написанію стихотворенія „Птичка“ объясняется приписской Пушкина къ письму на имя Гнѣдича отъ 13 мая 1822 года: „Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресенье выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихотвореніе на это“.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

(1822 г.).

Баллада „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ написана Пушкинымъ въ тотъ періодъ его жизни, когда поэтъ искалъ путей для самостоятельнаго творчества. Находясь на югѣ Россіи, Пушкинъ интересуется историческими лицами и событіями: такъ, подъѣзжая къ Керчи, онъ мечтаетъ увидѣть гробъ Митридата: въ Кіевѣ онъ оживляетъ въ своей фантазіи образъ вѣщаго Олега... Приблизительно около этого же времени въ Пушкинѣ пробуждается любовь къ чтенію русскихъ лѣтописей. Въ письмѣ къ своему брату онъ осуждаетъ Рылѣева за помѣщеніе въ одной изъ его „Думъ“ герба Россіи на щитѣ Олега: „въ ту пору на щитѣ язычника Олега не могъ находиться гербъ св. Георгій“. Лѣтопись, по словамъ Пушкина, просто говоритъ: *„тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды“;* двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на западную и восточную. Пушкинъ, отзываясь объ историческихъ стихотвореніяхъ той эпохи, довольно строго оцѣниваетъ ихъ достоинства: „Вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ на одинъ покрой: loci topici; описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго ничего нѣтъ въ нихъ, кромѣ именъ“.

Въ балладѣ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ Пушкинъ воспроизводитъ преданіе, занесенное въ русскую лѣтопись, въ которой подъ 912 г. разсказывается о томъ, отчего умеръ Олегъ, и выражается удивленіе лѣтописца исполненію

предсказанія кудесника: „се же диво есть, яко отъ волхвованія сбывается чародѣйствомъ".

По мнѣнію Карамзина, преданіе о смерти Олега занесено въ нашу лѣтопись, быть можетъ, изъ скандинавскихъ сагъ: въ одной изъ нихъ есть подобная же „басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ, которому вѣщунья предсказала смерть отъ его любимаго коня. Конь умеръ, а рыцарь, стоя на его могилѣ, думалъ, что вся опасность миновалась; но ящерица (lacerta) выползла изъ гніющаго черепа и въ пяту укусила Орвара".

„Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ" Пушкина не есть буквальный пересказъ отрывка изъ лѣтописи. Цѣль Пушкина при воспроизведеніи преданія заключалась въ изображеніи прежнихъ вѣрованій народа въ судьбу, какую-то превозмогающую, непреодолимую силу; волей-неволей человѣкъ долженъ подчиниться этой силѣ; отъ нея зависитъ теченіе и исходъ жизни каждаго. Пушкинъ воспроизводитъ событіе въ живой обстановкѣ, картинно представляя и нравы, и обычаи, и вѣрованія эпохи, этого совсѣмъ не имѣлъ въ виду лѣтописецъ, разсказывающій о смерти Олега. У Пушкина вся обстановка изображена мрачно; предсказаніе происходитъ предъ темнымъ лѣсомъ, а исполненіе изображено среди печальной степи. Гнетущая сила судьбы лежитъ на всемъ разсказѣ; дѣйствующія лица — волхвъ и Олегъ — представлены орудіями рока: одинъ является ея вѣстникомъ, другой жертвой. Самъ Пушкинъ, конечно, не вѣрилъ въ судьбу, но онъ ставитъ себя на мѣсто человѣка вѣрующаго и смотритъ на событіе такъ, какъ будто бы онъ нисколько не сомнѣвается въ дѣйствительномъ исполненіи предсказанія кудесника. Такая способность скрывать свой личный взглядъ и переноситься въ разныя эпохи и состоянія, усвояя на-время взгляды давно жившихъ людей, составляетъ отличительное свойство геніальной натуры Пушкина.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій [1] Олегъ
  Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
  Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
  Идетъ вдохновенный кудесникъ, [2]
Покорный Перуну [3] старикъ одному,
  Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
  Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль на радость сосѣдей враговъ,

Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня".
„Волхвы [4] не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ [5] на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ [6], и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего".
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай; ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.

Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной [7], мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана...
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ,
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ-же-ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: „на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости.
И видятъ, на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь [8]
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!

Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась;
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега.
Князь Игорь и Ольга [9] на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Объясненія. [1]) мудрый, хитрый. [2]) волшебникъ. [3]) языческому богу славянъ, громовержцу. [4]) волшебники. [5]) храбрый Олегъ вздумалъ завоевать Грецію и, по преданію, надѣлалъ бумажныхъ позолоченыхъ людей, змѣй, лошадей и пустилъ ихъ на Царь-градъ по воздуху. Греческій царь поспѣшилъ заключить миръ съ Олегомъ, который, торжествуя побѣду, прибилъ свой щитъ къ вратамъ цареградскимъ. [6]) ручное орудіе для бросанія камней. [7]) покрываломъ. [8]) указывается на обычай убивать коня по смерти полководца и закапывать трупъ коня, на которомъ онъ ѣздилъ, подъ однимъ курганомъ съ умершимъ. [9]) бабка Владиміра святого правила государствомъ по малолѣтству сына своего Святослава.

КЪ МОРЮ.

(1824 г.).

Стихотвореніе „Къ морю“ написано въ ту пору, когда Пушкинъ, проживъ въ Одессѣ около года, долженъ былъ переселиться на жительство въ село Михайловское. Прощаясь съ югомъ и съ *моремъ*, Пушкинъ переносится мыслію къ тѣни Наполеона, который „почилъ среди мученій“, и выражаетъ „послѣднюю дань удивленія“, „послѣднюю свою пѣснь“ англійскому поэту Байрону. Унесенные въ могилу, оба современные Пушкину генія, по словамъ его, „оставили міръ опустѣвшимъ“... Море представляется Пушкину „другомъ“ по тишинѣ въ вечерніе часы, „хранителемъ“, „красой божественной“. Прощаясь съ моремъ, поэтъ уноситъ въ своемъ воображеніи „его блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ“; Пушкинъ готовъ съ восторгомъ ввѣрить себя морю, какъ другу, „въ тяжкую минуту жизни“.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Изъ „Всем. Илл.“.

»Къ морю«.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ томимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ твоимъ.

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

(1825 г.).

Отрывокъ „Лѣтописецъ“ взятъ изъ драматическаго произведенія Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (5-я сцена „Ночь“. Келья въ Чудовомъ монастырѣ“ (1603 года). Сцена эта вымыселъ поэта. На основаніи исторіи Карамзина и лѣтописныхъ отрывковъ о томъ, что Григорій Отрепьевъ былъ монахомъ Чудова монастыря, гдѣ жилъ „подъ началомъ“ (руководствомъ) дѣда своего Замятни-Отрепьева, спасавшагося въ этомъ монастырѣ, Пушкинъ за-

мѣнилъ этого дѣда отцомъ Пименомъ. Въ лицѣ Пимена, говоритъ Пушкинъ, я соединилъ „черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ". Когда Погодинъ услышалъ впервые изъ устъ Пушкина сцену въ „Кельѣ Чудова монастыря", то она „ошеломила" его. „Мнѣ показалось", говоритъ Погодинъ, что „мой родной и любезный Несторъ явился изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописца".

Еще одно послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ [1], завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъименный [2];
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій [3] отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу [4];
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно...

[1] лѣтописцы смотрѣли на веденіе лѣтописей, какъ на священный долгъ, Божіе завѣщаніе. [2] лѣтопись, написанную однимъ монахомъ, обыкновенно переписывалъ и продолжалъ другой монахъ. [3] отъ пергамента, на которомъ писали прежде. [4] при чтеніи лѣтописи монахъ въ своей памяти представляетъ прошедшее живо.

ЦАРСКАЯ ДУМА.

(1825.).

(Изъ рѣчи патріарха).

Въ 16-ой сценѣ драматическаго произведенія „Борисъ Годуновъ" Пушкинъ изображаетъ настроеніе царя Бориса въ ту пору, когда онъ рѣшается открыто дѣйствовать противъ „бѣсовскаго сына, разстриги окаяннаго"— самозванца. Желая получить совѣтъ отъ Думы, гдѣ присутствовалъ Патріархъ Іовъ, Борисъ выслушиваетъ отъ него простодушную, но съ глубокою вѣрою и благоговѣніемъ разсказываемую имъ повѣсть о чудесахъ, совершающихся на гробницѣ убіеннаго Годуновымъ царевича Димитрія. Пушкинъ, при созданіи сцены „Царская Дума", очевидно, имѣлъ въ виду слѣдующее мѣсто въ „Четьяхъ Минеяхъ" іюня 3 дня: „Царствующему же Борису Годунову, на престолѣ Московскаго Государства, *начаша* въ Угличѣ отъ гроба святаго новаго Мученика Димитрія Царевича *бывати чудеса и подаватися болящимъ исцѣленія и прихождаше о чудесахъ слухъ* во уши Царю Борису; онъ же возвѣщающимъ то смертными прещеніями запрещаше: да не явѣ творятъ его въ людяхъ". (Примѣч. 22-е къ т. XII, гл. I.).

Патріархъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тѣбѣ свой голосъ:
Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
Онъ именемъ царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился:
Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
Онъ наготой своею посрамится.
Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:
„Въ младымъ лѣтахъ", сказалъ онъ, „я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости. Напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;

Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладязей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи, —
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостливъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангелóвъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди старикъ. — Проснулся я и думалъ:
Что жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ и слушаю обѣдню
И, разгораясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку".
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,

И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.
Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

ПРОРОКЪ.

(1826).

Въ стихотвореніи „Пророкъ" для изображенія „избранника небесъ" — поэта Пушкинъ воспользовался многими чертами изъ шестой главы книги пророка Исаіи и особенно слѣдующимъ мѣстомъ: „Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и привознесеннѣ, и исполнь домъ славы его... И серафими стояху окрестъ его, шесть крилъ единому и шесть крилъ другому: и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя, и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу, и глаголаху: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ: исполнь вся земля славы его. И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху, и домъ наполнився дыма. И рекохъ: о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя господа Саваоѳа видѣхъ очими моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, его же клещами взятъ отъ олтаря: и прикоснуся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа глаголяща: кого послю и кто пойдетъ къ людемъ симъ; и рекохъ: се азмъ есть: посли мя. И рече: иди, и рцы людемъ симъ".

Поводомъ къ написанію стихотворенія „Пророкъ" послужило обстоятельство, изложенное въ „Запискахъ" А. О. Смирновой: „Я, разсказываетъ Пушкинъ, какъ-то ѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ... На другой день я былъ въ монастырѣ; служка попросилъ меня подождать въ кельѣ; на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу — это былъ Іезекіиль. Онъ меня внезапно поразилъ; онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобъ написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ". („Записки А. О. Смирновой", ч. I. стр. 267).

Пророкъ, воспроизведенный Пушкинымъ въ стихотвореніи, не удостоенъ лицезрѣнія Господа; однако, этотъ опоэтизированный пророкъ одаренъ широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ. Представленіе Пушкина о поэтѣ лишь нѣсколько можетъ приближаться къ образу ветхозавѣтнаго пророка, который получаетъ вдохновеніе свыше, отъ Самого Бога; все существо

ветхозавѣтнаго пророка проникается волею божества: на поэта же, по стихотворенію Пушкина, нисходитъ иногда, невѣдомо какъ и откуда, „вдохновеніе“, которое онъ только уподобляетъ „гласу Бога“.

Не отрицая, что на произведеніи „Пророкъ“ отразилось вліяніе Библіи и нѣкоторыхъ изъ нашихъ молитвъ (особенно молитвы св. Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего“, и послѣдняго прошенія на преждеосвященной литургіи въ святую четыредесятницу: „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія“). Н. И. Черняевъ поставляетъ это стихотвореніе въ тѣсную связь съ „Подражаніями Корану“ и, не отрицая въ немъ самостоятельности творчества Пушкина въ духѣ арабской поэзіи („Русск. Обозрѣніе“, 1897 г. кн. 1—3), старается доказать, что Пушкинъ хотѣлъ воспроизвести въ „Пророкѣ“ не себя и не поэтовъ, а величавый образъ вообще пророка, провозвѣстника воли Божіей. По словамъ г. Черняева, Пушкинъ не могъ отожествлять призваніе пророка съ призваніемъ поэта, ибо никогда не смотрѣлъ на поэзію съ той точки зрѣнія, съ какой смотрятъ на нее Гоголь или гр. Л. Н. Толстой: Пушкинъ никогда не стремился быть ни моралистомъ, ни глашатаемъ воли Божіей, ни религіознымъ реформаторомъ; онъ не имѣлъ никакой претензіи играть роль пророка, а былъ до конца жизни только художникомъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія [1] зѣницы [2],
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній [3] ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею [4] кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,

И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Проникнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ [5] жги сердца людей".

[1]) все проникающія. [2]) глаза. [3]) вышній, верхній. [4]) рукою. [5]) рѣчью проповѣдью; убѣдительнымъ словомъ.

АНГЕЛЪ.

(1827 г.).

Въ стихотвореніи „Ангелъ" картинно изображается „глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба, и полное презрѣніе ко всему не небесному". На основаніи этого стихотворенія критики справедливо замѣчаютъ, что въ душѣ Пушкина юношескія увлеченія начинаютъ замѣняться нравственною крѣпостію; поэтъ уже строго относится къ самому себѣ и къ своему прошлому, озирая жизнь болѣе идеально, чѣмъ прежде.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ.
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

Стихотворенія Пушкина.

ПОЭТЪ.

(1827 г.).

Пушкинъ, какъ и всякій поэтъ, при возвышенно-идеальныхъ стремленіяхъ, часто не въ силахъ бывалъ осуществить ихъ въ жизни: онъ прежде всего сынъ своего времени съ неустранимыми на него вліяніями семьи, среды, общества и т. п. Поэты, иногда среди мало благопріятныхъ условій, только въ извѣстное время успѣваютъ возвышаться до поэтическихъ созданій, проникнутыхъ высокимъ нравственнымъ содержаніемъ, слѣдовательно, до идей несравненно большей цѣнности, чѣмъ интересы ихъ личной жизни.

Въ стихотвореніи „Поэтъ" изображаются два различныя и несвязанныя между собою существа: вдохновенный жрецъ Аполлона и ничтожнѣйшій изъ ничтожныхъ дѣтей міра. По словамъ Вл. Соловьева, „высшее существо выступило въ Пушкинѣ не сразу, его поэтическій геній обнаруживался постепенно. Въ раннихъ его произведеніяхъ мы видимъ игру остроумія и формальнаго стихотворческаго дарованія, легкія отраженія житейскихъ и литературныхъ впечатлѣній. Самъ онъ характеризуетъ такое творчество, какъ „изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей". Но въ легкомысленномъ юношѣ быстро выросталъ великій поэтъ, и скоро онъ сталъ тѣснить „ничтожное дитя міра". Подъ тридцать лѣтъ рѣшительно обозначается у Пушкина „смутное влеченье чего-то жаждущей души",—неудовлетворительность игрою темныхъ страстей и ея свѣтлыми отраженіями въ легкихъ образахъ и нѣжныхъ звукахъ. „Позналъ онъ гласъ иныхъ желаній, позналъ онъ новую печаль". Онъ понялъ, что „служенье музъ не терпитъ суеты", что „прекрасное должно быть величаво".

Для уясненія вдохновенія и отличія его отъ восторга слѣдуетъ сопоставить съ „Поэтомъ" слѣдующее мѣсто изъ „Мелочей Пушкина": „Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему примѣненію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе*—необходимое условіе *прекраснаго.* Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, непостижимъ, слѣдовательно не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство".

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ

До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы,
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

(1829 г.).

Н. В. Гоголь даетъ слѣдующія объясненія къ стихотворенію „Монастырь на Казбекѣ“: „Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ Пушкинъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти строкахъ, и стихотвореніе оканчивается внезапнымъ обращеніемъ къ „далекому, вожделѣнному брегу“... Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, и такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь притворности того и другого.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

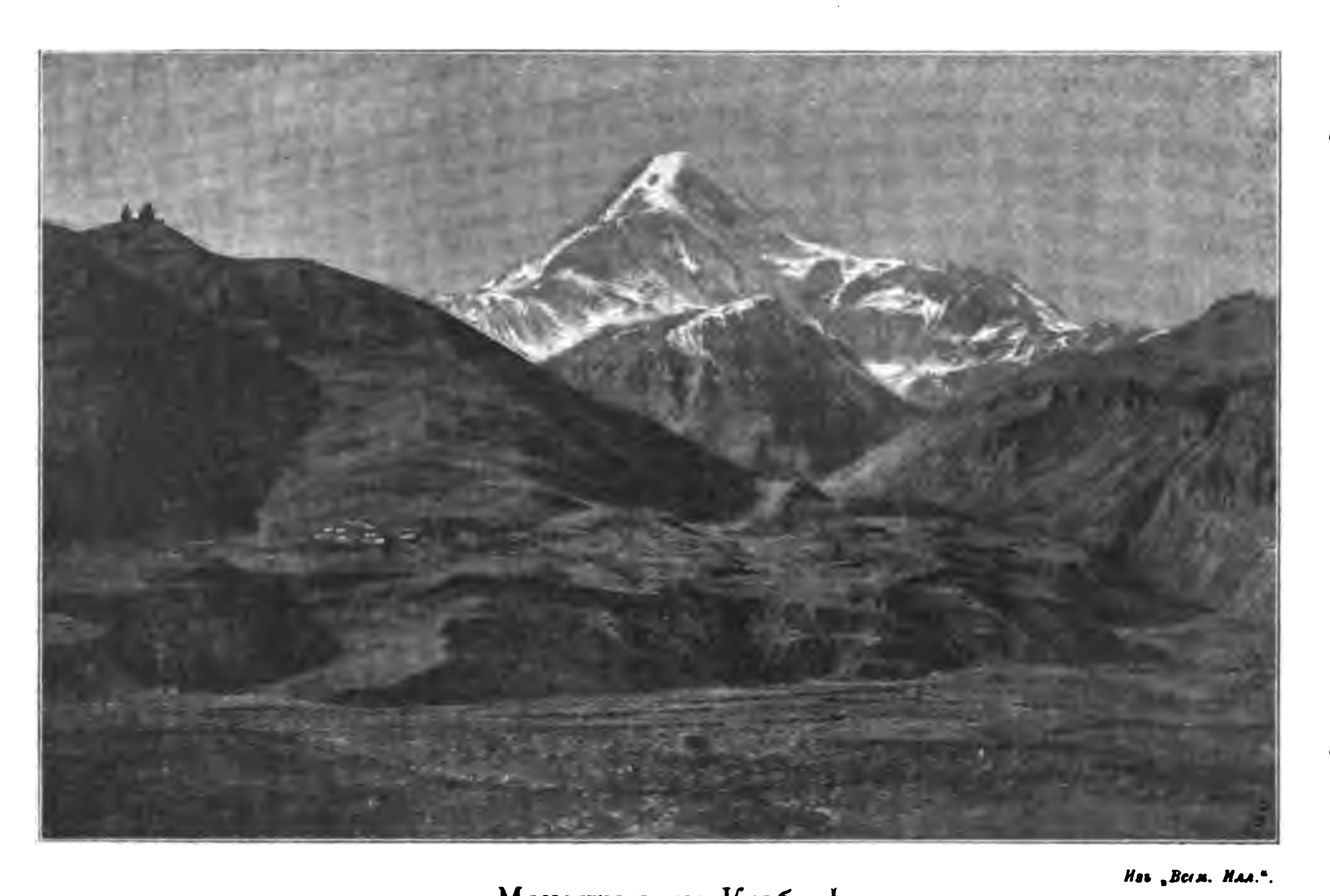
БЕЗУМНЫХЪ ЛѢТЪ УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ.

(1830 г.).

По словамъ одного изъ критиковъ, элегія „Безумныхъ лѣтъ“ замѣчательна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую характеристику Пушкина, какъ поэта.

Въ этой замѣчательной по своей искренности элегіи поэтъ разсматриваетъ свое прошедшее, настоящее и будущее: въ *прошедшемъ* находитъ только „безумные“ годы, которые оставили по себѣ неизгладимые слѣды печали; въ *настоящемъ* представляется одинъ унылый путь; въ *будущемъ* трудъ, горе и волненія. Но Пушкинъ, какъ поэтъ, ожидаетъ наслажденія въ сферѣ артистической,—въ своей поэтической дѣятельности, которая способна облегчить житейскія невзгоды. Чувствуя приближеніе старости, Пушкинъ надѣется, что, быть можетъ, любовь оживитъ его унылую душу. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ элегіяхъ, Пушкинъ желаетъ примириться съ жизнію, сосредоточивъ свое вниманіе на лучшей сторонѣ, какую жизнь можетъ представить въ его положеніи. Большая часть элегій Пушкина, какъ и „Безумныхъ лѣтъ“, оканчивается быстрымъ переходомъ отъ унылаго его настроенія къ утѣшительному, примиряющему поэта съ дѣйствительною жизнію.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Изъ „Всем. Илл.“.

Монастырь на Казбекѣ.

Стихотворенія Пушкина.

СТАНСЫ [1]).

(Митрополиту Филарету).

(1830 г.).

Пушкинъ въ 1828 г. 26 мая, въ день своего рожденія, написалъ слѣдующее стихотвореніе, которое, по справедливому замѣчанію критики, было выраженіемъ одной изъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія, минутъ, неизбѣжныхъ для всякой живой и сильной натуры:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Московксій митрополитъ Филаретъ, прочитавши это стихотвореніе Пушкина и увидѣвши выраженіе безнадежнаго взгляда поэта на жизнь, обратился къ нему съ обличительно-увѣщательнымъ словомъ, облеченнымъ въ стихотворную форму — и представляющимъ перефразировку стихотворенія Пушкина: „Даръ напрасный“. Стихи митрополита Филарета извѣстны были Пушкину только по рукописи [2].

Не напрасно, не случайно,
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ—
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

---

[1]) Стихотвореніе, составленное изъ строфъ, имѣющихъ самостоятельное значеніе по смыслу.

[2]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. т. 3, стр. 405.

Стихотворенія Пушкина.

Пушкинъ на это стихотвореніе митрополита Филарета въ 1830 г. отвѣтилъ вдохновенною рѣчью („Въ часы забавъ иль праздной скуки“), гдѣ въ поэтической формѣ выражаетъ ту мысль, что онъ, какъ поэтъ и глубокій христіанинъ, въ силахъ отвергнуть „мракъ земныхъ суетъ“ и внимать „арфѣ серафима“.

Въ поясненіе того, что Пушкинъ способенъ былъ подниматься до возвышеннаго религіознаго настроенія, служатъ многіе факты изъ его жизни: въ глубинѣ души Пушкина съ дѣтства теплилось искреннее религіозное чувство; уклоненія его въ противоположную сторону были не болѣе, какъ мимолетныя сомнѣнія, либо юношескія шалости, въ которыхъ онъ въ позднѣйшіе годы горько раскаивался. Любопытно имъ самимъ переданное замѣчаніе въ разговорѣ съ человѣкомъ другихъ убѣжденій: „Сердце мое склонно къ матеріализму, но умъ отвергаетъ его“.

Въ часы забавъ иль праздной скуки
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

МАДОННА.

(Сонетъ [1]).

(1830 г.).

Въ стихотвореніи „Мадонна" выражается мысль о томъ, какое благотворное вліяніе можетъ оказывать на душу высоко-художественное произведеніе. Пушкинъ давно желалъ видѣть Мадонну Рафаэля. Въ „Запискахъ А. О. Смирновой" (стр. 244 и 266) разсказывается, что онъ внимательно вслушивался, когда путешественники, возвратившись изъ-заграницы, передавали свои впечатлѣнія отъ видѣнныхъ въ Италіи картинъ знаменитыхъ художниковъ. Тогда „глаза Пушкина горѣли, онъ вздыхалъ"... Во время такихъ бесѣдъ Пушкинъ не-разъ спрашивалъ мнѣнія знатоковъ живописи о картинѣ Рафаэля, находящейся въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ.

Стихотвореніе „Мадонна", замѣчаетъ проф. Сумцовъ, вышло изъ одного и того же душевнаго настроенія, по временамъ охватывавшаго Пушкина настроеніе это восходитъ къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ Пушкина — лампадкѣ передъ иконой Божіей Матери; оно отчетливо выразилось уже въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" 1822 г., въ стихахъ:

Лампады свѣтъ уединенный;
Кивотъ печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ.

Случайное обстоятельство — пріобрѣтеніе изображенія Мадонны — вызвало въ душѣ поэта рой старыхъ воспоминаній и старыхъ впечатлѣній.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—

[1]) Сонетъ (отъ итал. Sonetto—пѣсенка) есть стихотвореніе изъ 14 стиховъ, раздѣленное на двѣ части, изъ коихъ первая состоитъ изъ двухъ четверостишій (кватринъ) съ двумя парами риѳмъ; другая изъ трехъ трехстишій (терцинъ) съ двумя, тремя или четырьмя риѳмами.

Одна съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали кроткіе, во славѣ и лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

ЭХО.

(1831 г.).

Въ стихотвореніи „Эхо" символически изображается тонкая чуткость и отзывчивость поэта, не встрѣчающаго отклика своимъ пѣснямъ. „Нѣмѣетъ мысль", говоритъ Гоголь, „предъ безчисленностію предметовъ поэзіи Пушкина. „Чѣмъ онъ не поразился и передъ чѣмъ онъ не остановился?"—продолжаетъ Гоголь. „Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ балалайкой и трепакомъ у кабака,—вездѣ, всюду; на модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ, — все становится его предметомъ. На все, что ни есть во внутреннемъ человѣкѣ, начиная отъ его высокой и великой черты до малѣйшаго вздоха его слабости и ничтожной примѣты, его смутившей, онъ откликнулся такъ же, какъ откликнулся на все, что ни есть въ природѣ видимой и внѣшней. Все становится у него отдѣльною картиной, все предметъ его; изъ всего, какъ ничтожнаго, такъ и великаго, онъ исторгаетъ одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога,—его высшую сторону, знакомую только поэту".

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ же нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

(1831 г.).

Стихотвореніе „Къ тѣни полководца“ посвящено русскому фельдмаршалу, Михаилу Иларіоновичу Кутузову (1745—1813), главнокомандующему русскими войсками въ 1812 г. Мысли и чувства въ душѣ Пушкина возбуждены были въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, гдѣ находится могила Кутузова на правой сторонѣ отъ сѣвернаго входа въ соборѣ, между гранитными колоннами („громадами“). Ввѣряя Кутузову судьбу Россіи, Императоръ Александръ I превозмогъ въ себѣ предубѣжденіе противъ него и сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію. „Публика желала назначенія Кутузова“, говорилъ Императоръ, „я назначилъ его“. 11 августа 1812 года, въ воскресенье князь Кутузовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ армію. Народъ толпился по улицамъ и провожалъ полководца пожеланіями счастливаго пути и восклицаніями: „спаси насъ! побей супостата!“ (Шильдеръ, Императоръ Александръ I. т. 3. стр. 98—99). Въ стихотвореніи „Къ тѣни полководца“ Пушкинъ изображаетъ Кутузова героемъ, „къ святой сѣдинѣ“ котораго воззвалъ „народной вѣры гласъ“.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай“! Ты всталъ и спасъ...

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись — и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

(1831 г.).

Стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи" представляетъ возвышенное произведеніе въ области политической лирики; оно написано Пушкинымъ по слѣдующему поводу: во время польскаго возстанія одинъ изъ членовъ временнаго правительства въ Варшавѣ, Іоахимъ Лелевель, въ пламенной рѣчи по поводу этого возстанія, произнесенной имъ въ національномъ собраніи, выразилъ свое сочувствіе къ Пушкину, какъ къ поэту, произведенія котораго проникнуты свободолюбіемъ и какъ бы доброжелательствомъ полякамъ. Была ли эта рѣчь напечатана въ иностранныхъ газетахъ, инымъ ли какимъ-нибудь путемъ, но она дошла до свѣдѣнія русскаго правительства, о чемъ Пушкину сообщилъ дальній родственникъ семейства Гончаровыхъ — графъ Григорій Александровичъ Строгановъ. По поводу этого-то сообщенія Пушкинъ писалъ (по французски) графу: (переводъ) „Графъ! Печально мнѣ приходится искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги Вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ".

„Отповѣдью" Пушкина и было, между прочимъ, написанное имъ стихотвореніе „Клеветникамъ Россіи", въ которомъ поэтъ является выразителемъ народнаго чувства.

чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой [1] грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?

Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, [2] иль вѣрный Россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.
Оставьте насъ; вы не читали
Сіи кровавыя скрижали; [3]
Вамъ не понятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль [4] и Прага, [5]
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы [6]
Мы не признали наглой воли
Того, предъ кѣмъ [7] дрожали вы?
За то-ль что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь [8], покойный на постели
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ? [9]
Иль русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды [10]
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанетъ Русская земля? —
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

[1]) прекращеніемъ всякихъ сношеній. [2]) надменный полякъ. [3]) исторію войнъ Россіи съ другими народами. [4]) Московскій кремль, свидѣтель славы Россіи въ 1812 г. [5]) предмѣстье Варшавы, взятое штурмомъ Суворовымъ при Екатеринѣ II. [6]) въ 1812 г. [7]) предъ Наполеономъ. [8]) Кутузовъ. [9]) Измаилъ, крѣпость турецкая, на берегахъ Дуная, взята была штурмомъ Суворовымъ при Екатеринѣ II. [10]) таврическаго полуострова.

ЮДИѲЬ.

(Отрывокъ).

(1832 г.).

Въ біографіи Пушкина обыкновенно приводится много фактовъ, указывающихъ на то, что душой его нерѣдко овладѣвало религіозное одушевленіе подъ дѣйствіемъ чтенія Священнаго Писанія. Въ запискахъ А. О. Смирновой находимъ, между прочимъ, слѣдующія слова Пушкина: „Я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ (нянѣ), но и ранѣе я много читалъ Евангеліе“ (ч. I. стр., стр. 266.).

„Юдиѳь“ представляетъ отрывокъ изъ произведенія Пушкина, составленный подъ дѣйствіемъ чтенія книги Іудиѳь, въ которой повѣствуется, какъ въ 589 г. до Р. Хр. ассиріяне подъ начальствомъ Олоферна осаждали Ветилую. При составленіи отрывка „Юдиѳь“ Пушкинъ, очевидно, имѣлъ въ виду слѣдующія мѣста изъ VII главы „книги Іудиѳь“:

„Олофернъ приказалъ всему войску своему и всему народу своему, пришедшему къ нему на помощь, подступить къ Ветилуѣ, занять высоты нагорной страны и начать войну противъ сыновъ Израилевыхъ. И въ тотъ же день поднялись всѣ сильные мужи ихъ... Остановившись на долинѣ близъ Ветилуи при источникѣ, они протянулись въ ширину отъ Доѳаима до Велѳема... Сыны же Израиля, увидѣвъ множество ихъ, очень смутились... возвали къ Господу Богу своему, потому что они пришли въ уныніе... Опустѣли водоемы (ассиріане овладѣли источниками) и ни въ одинъ день они не могли пить воды досыта, потому что давали имъ пить мѣрою. И уныли дѣти ихъ, и жены ихъ и юноши... И подняли они единодушно великій плачъ среди собранія, и громко взывали къ Господу Богу...

Когда владыка ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота.
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился...

НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ.

(1833 г.).

Этотъ отрывокъ написанъ въ ту пору жизни Пушкина, когда онъ достигъ нравственной крѣпости и сталъ строже, чѣмъ прежде, относиться къ самому себѣ и ко всему прошлому.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая гривой пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

Стихотворенія Пушкина.

СТРАННИКЪ.

(1834 г.).

Стихотвореніе „Странникъ" есть почти буквальное переложеніе первой главы изъ книги, написанной въ прозѣ: „Путешествіе пилигрима въ небесную страну и духовная война". Книга составлена однимъ древнимъ англійскимъ писателемъ. Стихотвореніе это, по словамъ Анненкова, составляющее поэму само по себѣ, открываетъ въ Пушкинѣ то глубокое духовное начало, которое уже проникло собою мысль его, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ по характеру своему образамъ чисто эпическимъ. Въ рукописяхъ Пушкина остались такіе матеріалы, изъ коихъ видно, что онъ прилежно изучалъ повѣствованіе Четьихъ-Миней и Пролога какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ, онъ выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное сходство съ самой пьесой „Странникъ". „Вложи (діаволъ) убо ему мысль о родителехъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающи велію отца и матере любовь, иже къ нему имѣша. И помогаше ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имуть скорбь и тугу и плачъ о тебѣ, яко невѣдующимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближніи жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебе ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущали его яко уже изнемощи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, оно же отъ смущенія помысловъ изсше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема".

Изъясняя смыслъ стихотворенія „Странникъ", Достоевскій говоритъ, что, читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали вмѣстѣ съ ними....

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ воплях изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ:
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.
„О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена“,
Сказалъ я, „вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!.. Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?.. О горе, горе“!

III.

Мои домашніе въ смущеніи пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

Стихотворенія Пушкина.

IV.

Пошелъ я вновь бродить, уныньемъ изнывая
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженникъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. „Коль жребій твой таковъ",
Онъ возразилъ, „и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?"
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: „Не видитъ ли твой взоръ чего-нибудь?"
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверзтымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
„Иди жъ", онъ продолжалъ, „держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсвыхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!" И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ;
Иные ужъ за мною гнались — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата!...

Стихотворенія Пушкина.

МОЛИТВА.

(1836 г.).

Стихотвореніе „Молитва“ есть переложеніе въ стихотворную форму начала молитвы Ефрема Сирина, которая читается въ Великій постъ: „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми. Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми, рабу Твоему“.

Стихотвореніе Пушкина „Молитва“ написано въ періодъ мужества и крѣпости его таланта и, обнаруживая въ поэтѣ усиливавшееся съ каждымъ годомъ религіозное настроеніе, производило на современниковъ сильное впечатлѣніе. Въ своихъ „Запискахъ“ А. О. Смирнова замѣчаетъ: „Пушкинъ прочелъ намъ „Молитву Ефрема Сирина“, которую переложилъ въ стихи; онъ все еще ею не доволенъ. Жуковскій пришелъ отъ нея въ восторгъ до такой степени, что, поцѣловавъ Пушкина, сказалъ ему: „Ты, ты — мое неоцѣненное сокровище!“

Отцы, пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ:
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей,
Не дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ твой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи“.

—

КОГДА ВЕЛИКОЕ СВЕРШАЛОСЬ ТОРЖЕСТВО.

Поводомъ къ стихотворенію „Когда великое свершилось торжество“ послужило слѣдующее обстоятельство, разказанное А. О. Смирновой въ ея „Запискахъ“: Пушкинъ видѣлъ на выставкѣ картину Брюлова „Распятіе“; для большаго порядка въ залѣ, который былъ открытъ для публики, около этой картины были поставлены двое часовыхъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ посѣщенія выставки Пушкинъ сказалъ Смирновой: „Не могу выразить, какое впечатлѣніе произвелъ на меня тамъ этотъ часовой; я подумалъ о римскихъ солдатахъ, которые охраняли гробъ и препятствовали его вѣрнымъ ученикамъ приближаться къ нему“. Жуковскій по поводу прочитаннаго Пушкинымъ стихотворенія „Когда великое свершалось торжество“ замѣтилъ: „Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство: онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я!“ (Т. I. стр. 245).

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножія теперь креста честнова,
Какъ будто у крыльца правителя градскова
Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

Стихотворенія Пушкина.

(1836 г.).

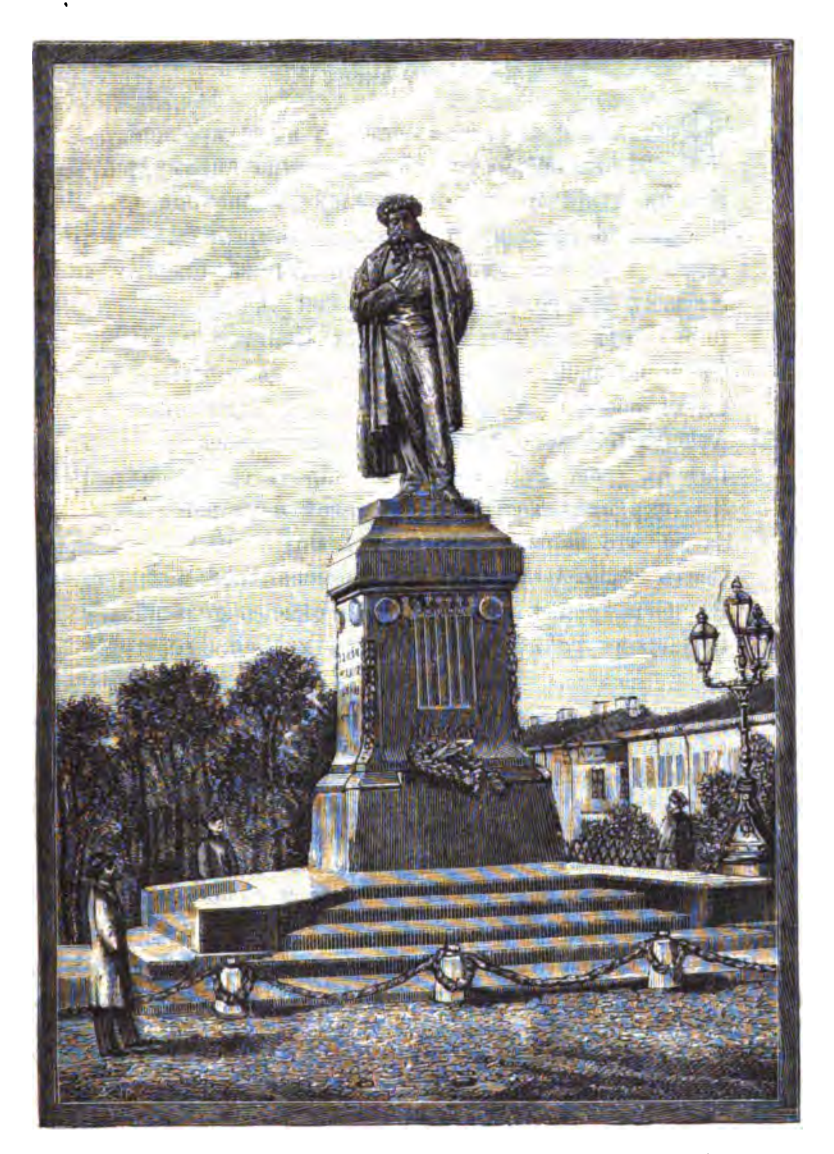
Exegi monumentum [1].

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.
Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ [2].
Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

[1]) Эпиграфъ поставленъ Пушкинымъ вмѣсто заглавія и взятъ изъ оды Горація: „Ad Melpomenem“, который подражалъ Державинъ въ своемъ стихотвореніи „Памятникъ“.

[2]) Гоголь въ письмѣ къ В. А. Жуковскому, упомянувъ о стихотвореніи „Памятникъ“ Пушкина, говоритъ, что „въ минуты сознанія своего“ наши поэты сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвальствомъ, если бы ихъ жизнь не была тому подкрѣпленіемъ“. Сдѣлавъ выдержку изъ „Памятника“ 4-й строфы, Гоголь замѣчаетъ, что стоитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. „Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы подать руку падшему! Черта истинно русская... У нашего народа нѣтъ ненависти къ преступнику... Здѣсь что-то болѣе: не желаніе оправдать его, или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата, какъ повелѣлъ Христосъ намъ утѣшать другъ друга. Пушкинъ слишкомъ высоко цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго“.

——

Изъ „Всем. Илл.“.

Памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ.

Стихотворенія Пушкина.

„Памятникъ“ Пушкина есть передѣлка оды Горація „Къ Мельпоменѣ“ (732 г.), которую мы и приводимъ здѣсь въ переводѣ А. Фета:

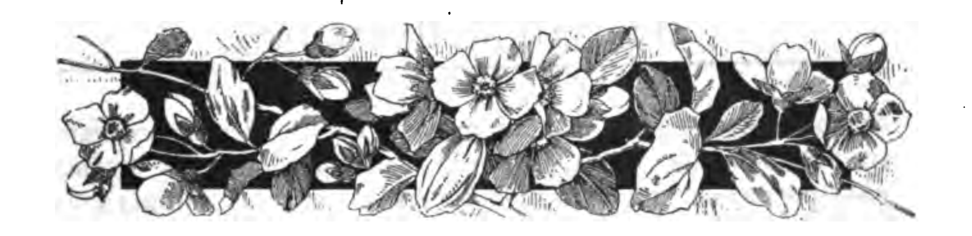
Къ Мельпоменѣ [1].

Воздвигъ я памятникъ вѣчнѣе мѣди прочной,
И зданій царственныхъ превыше пирамидъ;
Его ни ѣдкій дождь, ни аквилонъ полночной,
Ни рядъ безчисленный годовъ не истребитъ.
Нѣтъ, я не весь умру, и жизни лучшей долей,
Избѣгну похоронъ, и славный мой вѣнецъ
Все будетъ зеленѣть, доколѣ въ Капитолій
Съ безмолвной дѣвою верховный ходитъ жрецъ [2].
Слухъ обо мнѣ пройдетъ на берегъ говорливый
Ауфида быстраго и до безводныхъ странъ [3],
Гдѣ съ трона судитъ Давнъ [4] народъ трудолюбивый —
Что изъ ничтожества былъ славой я избранъ,
За то, что первый я на голосъ Эолійскій [5]
Свелъ пѣснь Италіи. О, Мельпомена! свей
Въ награду мнѣ за трудъ сама вѣнецъ дельфійскій
И лавромъ увѣнчай руно моихъ кудрей.

А. Фетъ.

[1]) *Горацій*, посвящая въ 732 году, три первыя книги одъ Меценату, заключаетъ ихъ, въ видѣ эпилога, этой одой, въ которой онъ ясно говоритъ о важности своей заслуги и своемъ безсмертіи. [2]) Доколь будутъ приноситься жертвы Вестѣ и Юпитеру Капитолійскому, т. е., по понятію Римлянъ, вѣчно. [3]) Берега Ауфида — родина Горація. [4]) Давнъ, первый царь Апуліи. Горацій и здѣсь земляковъ своихъ поставилъ на первомъ планѣ. [5]) Горацій гордился тѣмъ, что первый началъ подражать Эолійскимъ пѣвцамъ.

Пушкинъ, примѣняя къ себѣ оду Горація, измѣнилъ въ ней сравнительно съ другими подражателями Горацію тѣ стихи, гдѣ Пушкинъ говоритъ о религіозномъ чувствѣ („Велѣнію Божію, о муза, будь послушна“) и выражаетъ сознаніе нравственной высоты свой поэзіи („Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“).

Отзывы ученыхъ и писателей о значеніи Пушкина.

Слово митрополита Макарія (произнесенное въ соборномъ храмѣ Страстнаго монастыря, послѣ панихиды по А. С. Пушкинѣ, по случаю открытія ему въ Москвѣ памятника).

И сотвори ему вѣчную память.

Нынѣ свѣтлый праздникъ русской поэзіи и отечественнаго слова. Россія чествуетъ торжественно знаменитѣйшаго изъ своихъ поэтовъ открытіемъ ему памятника, а церковь отечественная, освящая это торжество особымъ священнослуженіемъ и молитвами о вѣчномъ упокоеніи души чествуемаго, возглашаетъ вѣчную память. Всѣ, кому дорого родное слово и родная поэзія, на всѣхъ пространствахъ Россіи, безъ сомнѣнія, участвуютъ сердцемъ въ настоящемъ торжествѣ и какъ бы присутствуютъ въ лицѣ васъ, достопочтеннѣйшіе представители и любители отечественной словесности, науки и искусства! А тебѣ, Москва, градъ первопрестольный, естественно ликовать нынѣ болѣе всѣхъ: ты была родиной нашего славнаго поэта; на одной изъ твоихъ возвышенностей воздвигнутъ въ честь его достойный памятникъ и подъ твоимъ гостепріимнымъ кровомъ совершается нынѣ сынами Россіи, стекшимися къ тебѣ со всѣхъ сторонъ, настоящее торжество.

Мы чествуемъ человѣка избранника, котораго Самъ Творецъ отличилъ и возвысилъ посреди насъ необыкновенными талантами и коему указалъ этими самыми талантами на осо-

бенное призваніе въ области русской поэзіи. Чествуемъ нашего величайшаго поэта, который понялъ и вполнѣ созналъ свое призваніе; не зарылъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога, а употребилъ ихъ на то самое дѣло, на которое былъ избранъ и посланъ, и совершилъ для русской поэзіи столько, сколько не совершилъ никто. Онъ поставилъ ее на такую высоту, на которой она никогда не стояла и надъ которою не поднялась доселѣ. Онъ сообщилъ русскому слову въ своихъ твореніяхъ такую естественность и простоту и вмѣстѣ такую обаятельную художественность, какихъ мы напрасно стали бы искать у прежнихъ нашихъ писателей. Онъ создалъ для насъ такой стихъ, какого до того времени не слыхала Россія, стихъ въ высшей степени гармоническій, который поражалъ, изумлялъ, восхищалъ современниковъ и доставлялъ имъ невыразимое эстетическое наслажденіе и который надолго останется образцовымъ для русскихъ поэтовъ; мы чествуемъ не только величайшаго нашего поэта, но и поэта нашего народа, какимъ явился онъ, если не во всѣхъ, то въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ. Онъ отозвался своей чуткою душой на всѣ преданія русской старины и русской исторіи, на всѣ своеобразныя проявленія русской жизни. Онъ глубоко проникся русскимъ духомъ, и все воспринятое имъ отъ русскаго народа претворилъ своимъ геніальнымъ умомъ, воплотилъ и передалъ тому же народу въ сладкозвучныхъ пѣсняхъ своихъ, которыми и услаждалъ соотечественниковъ и укрѣплялъ въ чувствахъ патріотизма и любви ко всему родному. Мы воздвигли памятникъ нашему великому народному поэту потому, что еще прежде онъ самъ воздвигъ себѣ „памятникъ нерукотворный“ въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ; и въ этомъ памятникѣ воздвигъ памятникъ и для насъ, для всей Россіи, который никогда не потеряетъ для нея своей цѣны и къ которому потому „не заростетъ народная тропа“. Къ нему будутъ приходить отдаленные потомки, какъ приходимъ мы и какъ приходили современники.

Сыны Россіи! Освящая нынѣ памятникъ знаменитѣйшему изъ нашихъ поэтовъ, какъ дань признательности къ его необыкновеннымъ талантамъ и необыкновенымъ твореніямъ, которыя онъ намъ оставилъ, можемъ ли удержаться, чтобы не

вознести живѣйшей благодарности къ Тому, Кто даровалъ намъ такого поэта, Кто надѣлилъ его такими талантами, Кто помогъ ему исполнить свое призваніе! А съ этою столь естественною для насъ въ настоящія минуты благодарностью, можемъ ли не соединить и теплой молитвы отъ лица всей земли Русской, да посылаетъ ей Господь еще и еще геніальныхъ людей и великихъ дѣятелей не на литературномъ только, но и на всѣхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія! Да украсится она, наша родная, во всѣхъ краяхъ достойными памятниками въ честь достойнѣйшихъ сыновъ своихъ. Аминь.

Изъ „Бесѣды преосвящ. Никанора, архіепископа Херсонскаго, при поминовеніи раба Божія Александра (поэта Пушкина) по истеченіи 50-лѣтія по смерти его“.

Былъ ли Пушкинъ совсѣмъ невѣрующій? — Нѣтъ. Достоевскій изрекъ, что былъ онъ всечеловѣкъ. Мы же скажемъ пока, что былъ онъ двойственный человѣкъ, плотской, душевный и духовный. Служилъ онъ больше плоти, но не могъ заглушить въ себѣ и своего богато одареннаго духа. Глубоко постигалъ онъ и невѣріе и вѣру, и не только постигалъ, но и чувствовалъ, вмѣщая въ себѣ и то и другое. Читайте его безвѣріе [1];

[1]) Признаемъ это высокое стихотвореніе истинно назидательнымъ:

О, вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдахъ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою.
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душей,
Своей ужасною томимый пустотой;
То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей волненья.

это съ себя онъ пишетъ такую глубоко-трагическую картину. Тѣмъ не менѣе онъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что Законъ Божій онъ зналъ хорошо. По его словамъ, онъ слишкомъ съ библіей знакомъ, хотя тутъ же и злоупотребляетъ своимъ знакомствомъ (изд. *Ефремова*, Т. VII, стр. 180). Читалъ онъ библію часто, ища въ ней источникъ вдохновенія и поэзіи; но и тутъ находилъ, что „Святой Духъ только иногда (не всегда) бывалъ ему по сердцу, а вообще онъ предпочиталъ Гете и Шекспира. И тутъ же рядомъ беретъ онъ уроки чистаго аѳеизма, встрѣтивъ именно въ Одессѣ „англичанина, глухого къ вѣрѣ философа, умнаго аѳея, который исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать, что не можетъ быть Суще-

---

Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обнимаетъ онъ измѣну,
И невозвратную узнаетъ онъ имъ цѣну,—
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣрѣ сынъ,
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастные, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое затменье.
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И ободренную съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
„Настанетъ — говоритъ — назначенно свиданье“.
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!

ства разумнаго, Творца и Вседержителя, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства и безсмертія души. Поэтъ находилъ эту систему не столь утѣшительною, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, „болѣе всего правдоподобною“ (Т. VII, стр. 187). Въ то же время поэтъ отклоняетъ подозрѣніе, будто самъ онъ проповѣдывалъ безбожіе. Онъ призываетъ Бога постоянно, клянется Богомъ и душею своею клянется (Т. VII, стр. 305), допускаетъ промыслъ Божій (Т. VII, стр. 287). Говоритъ и о божествѣ Христа. А въ то же время по настроенію минуты вдругъ выражается: „ради вашего“ (т. е. не моего) „Христа“. Мѣтко разсуждаетъ о соотношеніи христіанства съ язычествомъ, Моисея съ Аристотелемъ, папизма съ протестан-

---

Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!
Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?..
Видали ль вы его надъ хладною могилой?..
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожитъ!..
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью,
„Счастливцы!“ мыслитъ онъ; почто не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!“
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
Несчастнаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

ствомъ, иліады съ библіей, Давида съ Гомеромъ. Псалмамъ Давида удивляется; тексты Экклезіаста цитируетъ. Пѣснь пѣсней перелагаетъ въ стихи, конечно, извращая духовный ея смыслъ (Т. VII, стр. 343). Онъ молится Богу. Ходитъ въ церковь (Т. VII, стр. 316, 349). Посѣщаетъ монастыри. Приступаетъ къ таинствамъ, исповѣдуется, по крайней мѣрѣ, иногда. Слушаетъ молебны на дому, не только въ церкви. Заказываетъ панихиды (VII, 7). Странно, что въ годовщину смерти поэта Байрона, онъ пишетъ: „нынче (7 апрѣля 1825 года) Байронъ умеръ. 7 апрѣля 1824 года день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой п... удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просфиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія". Шутилъ ли онъ при этомъ? Шутилъ, издѣвался очень часто, но не здѣсь. Думаю, что нашъ поэтъ думалъ связать себя съ Байрономъ, служа о немъ, англичанинѣ, полуневѣрѣ, русскую заупокойную обѣдню. Высоко-замѣчателенъ отзывъ нашего поэта о Байронѣ. „Горестно видѣть",— разсуждаетъ нашъ поэтъ (V, 107 —110), „что нѣкоторые вмѣшиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства, или зависти къ какому-либо извѣстному писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. *Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ:* если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи. Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ самъ отрицалъ. Но вотъ еще обстоятельство. Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность на лентѣ. Думали, что это былъ любимый портретъ или восточный амулетъ. Но оказалось, что это былъ крестъ,

данный ему однимъ римско-католическимъ монахомъ, съ предсказаніемъ, которое поразительнымъ образомъ сбылось въ жизни и смерти поэта. „Распятіе отыскано“, — продолжаетъ нашъ поэтъ,—„по кончинѣ Байрона подлѣ его смертнаго одра.“ — „Прибавимъ“, — многозначительно заключаетъ нашъ поэтъ,—„что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то всетаки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“.— Не себѣ ли самому произнесъ приговоръ нашъ поэтъ, произнося приговоръ поэту Байрону, что *„вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ“* нашего поэта, какъ и въ душѣ Байрона, *„скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ?* Можетъ быть даже, что *скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной*“. Такой приговоръ и въ самомъ дѣлѣ произнесъ о немъ, тотчасъ по его смерти, ближайшій и умнѣйшій другъ его, князь Вяземскій: „Пушкинъ никогда не былъ умъ твердый (esprit fort, въ смыслѣ ума твердо-скептическаго), по крайней мѣрѣ, *не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей, напротивъ онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ*“ (напр. *Господи, Владыко живота моего*), *„зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ*“.

Прибавить ли, что въ послѣдніе годы перемѣнились взгляды нашего поэта и на служителей Божіихъ, о которыхъ прежде не упоминалъ онъ иначе, какъ съ насмѣшкою? Теперь же онъ значенію духовенства и духовному образованію приписываетъ высшую государственную важность (VII, 45), признавая, что греко-православное исповѣданіе даетъ русскому народу особый народный характеръ; что въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ; что огражденное святыней религіи оно всегда было посредникомъ между народомъ и высшею властію; что монахамъ русскіе обязаны нашею исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ.. Упоминать ли, что теперь,

глубже изучивъ исторію собиранія русскаго государства стягивающею силою власти, чего прежде иногда касался съ язвительною остротою, теперь онъ кинулъ всякій либеральный бредъ (VII, 61) и находитъ въ своей поэтической лирѣ звуки, глубоко сочувственные и признательные во славу царей, вождей, правителей русскаго народа и ихъ подвиговъ, хотя и преже бунтъ и революція никогда ему не нравились VII, 44); хотя въ то же время онъ состоялъ въ перепискѣ со всѣми виновниками 14 декабря, и не раздѣлилъ ихъ грустную судьбу только по суевѣрно истолкованной случайности, точнѣе же, по благотворному мановенію спасающаго перста Божія. Теперь же онъ и Бога молитъ: „не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ“,—по слову поэта-историка,— „которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя и чужая головы не дороги“ (VII, 344). Вообще несомнѣнно то, что въ послѣднихъ годахъ совершался въ немъ нравственный переворотъ, переворотъ глубокій, но медленный и тяжелый.

Теперь онъ началъ уразумѣвать и смыслъ жизни и любить ее. Думалъ еще устроить свое счастье перемѣною своего положенія. „Какъ смутное похмелье, тяжело ему было безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. Но какъ вино, печаль минувшихъ дней, въ его душѣ была чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй. Сулило ему трудъ и горе грядущаго волнуемое море. Но не хочу, о други, умирать,—взываетъ онъ. Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать. Порой опять гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь. И можетъ быть, на мой закатъ печальный блеснетъ любовь улыбкою прощальной“. Увы! Обманчивая надежда. Она-то и ускорила его закатъ печальный, хотя и блеснула на него улыбкою прощальной. Онъ даже сознательно трудился надъ переработкою въ себѣ внутренняго нравственнаго строя; но сознавалъ, что трудился не особенно успѣшно, по той именно причинѣ, что много грѣховъ тяготѣло надъ его душею и грѣхъ тянулъ его на старую стезю къ погибели. „Напрасно онъ бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ, чувствуя, что грѣхъ алчный гонится за нимъ вотъ по пятамъ; такъ ревомъ яростнымъ пустыню оглашая, взметая пыль и

гриву потрясая, и ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ сыпучій, голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій“. Онъ чуялъ за собою гибель неминучую. Вѣроятно, при этомъ проносилось предъ умомъ поэта священное изреченіе первоверховнаго апостола: *се супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Душа поэта уже крѣпко завязла въ когти грѣха, изъ которыхъ самъ собою вырваться онъ былъ безсиленъ. Нуженъ былъ сильный ударъ со стороны спасительнаго Провидѣнія, чтобъ исторгнуть эту великую душу отъ конечнаго растерзанія.

По слову св. апостола Петра, человѣколюбецъ Богъ иногда тяжко наказываетъ въ сей жизни людей, нерѣдко даже безвременною мучительною смертью, какъ наказалъ потопомъ современниковъ Ноя, съ особой спасительною цѣлью, *да судъ и осужденіе люди пріимутъ по человѣку плотію*, пострадавъ во плоти, *поживутъ же по Бозѣ духомъ* (1 Петр. 4, 6). По другому священному же изреченію, *ими же мы согрѣшаемъ, тѣми и мучимся:* то есть, чѣмъ согрѣшаемъ, тѣмъ и казнимся, *снѣдая своихъ путей плоды* (Прит. 1, 30). Поэтъ надѣялся, что на его закатъ печальный любовь блеснетъ улыбкою прощальной. Эта-то надежда и привела его шагъ за шагомъ къ роковому исходу. Сватовство принесло его гордости цѣлый рядъ униженій. Супружество для него уже въ поздніе годы, при растраченныхъ сокровищахъ сердца, съ цвѣтущею пока еще не распустившейся юностью, принесло ему много житейскаго труда, заботъ, и усталость нравственную и физическую, на которую, по обычаю высказываться въ слухъ всего міра, онъ жалуется самъ. Въ то же время на этотъ роскошно распускающійся цвѣтъ, окруженный обаятельною и соблазнительною, настоящею, особенно же прошедшею славою мужа, налетѣлъ цѣлый рой шмелей, пробавляющихся чужимъ медомъ, производя несносное для уха и сердца мужа жужжаніе. Имъ оставалось только увазывать на прошлое супруга, который нарушилъ столько супружескихъ союзовъ и самъ же разблаговѣстилъ объ этомъ по всему свѣту, оскорбляя и нравственность и приличіе, рыцарскую почтительность къ слабому полу, и простую общечеловѣческую справедливость, да нашептывать нѣжные стихи, которыхъ онъ же оставилъ свѣту больше, чѣмъ всякій

поэтъ, на собственную погибель. И давно призываемая имъ смерть стала у него за плечами. Христіанскаго смиренія и на этотъ разъ у него не оказалось. Оказался онъ и здѣсь сыномъ вѣка, угодникомъ міра, слугою исконнаго человѣкоубійцы. какимъ былъ издавна, и самъ себѣ изрылъ яму погибели. Игра въ жизнь и смерть свою и чужую, къ которой онъ приступалъ уже три раза, а готовъ былъ приступать и чаще съ шутками и насмѣшками, которую онъ сладко воспѣвалъ въ такихъ прелестныхъ, но объективно-равнодушныхъ безъ тѣни укора стихахъ, теперь эта игра не сошла съ рукъ такъ счастливо, какъ три раза прежде. Глупая пуля, пущенная не особенно мудрою, и потому не дрогнувшею рукою, нашла виноватаго и свалила гордаго и въ эту минуту своимъ упорствомъ мудреца. Да и въ эту роковую минуту ему мало стало самому быть убитымъ: ему непремѣнно хотѣлось быть еще и убійцею. Раздраженно-ревнивый супругъ, надъ каковыми поэтъ въ прежнее время такъ ѣдко и забавно смѣялся, теперь крайне неравнодушно отстаивалъ свое собственное семейное счастье и наказанъ за нарушеніе счастья чужого, къ которому прежде являлъ столько веселаго и коварнаго равнодушія. Да, дѣйствительно, грѣхъ гнался за нимъ по пятамъ его, какъ левъ, и растерзалъ его своими когтями. Осталось только испустить духъ, предавъ его въ руцѣ ли Божіи или же врага Божія, исконнаго человѣкоубійцы.

Церковь всегда осуждала поединки, проистекающіе изъ личнаго самолюбія, изъ мести за личную обиду; хотя съ мірской точки зрѣнія, нашъ поэтъ и не могъ не признавать эту развязку всѣхъ неисходныхъ затрудненій своей жизни, какъ не могъ не принять и вынужденный имъ самимъ вызовъ. Понятна сдержанность россійскаго первосвятителя, тогдашняго петербургскаго митрополита Серафима, который, какъ слышалъ я еще въ началѣ 40-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ, воспротивился отданію полныхъ погребальныхъ убитому поэту почестей личнымъ участіемъ въ отпѣваніи и вообще архіерейскимъ служеніемъ. Мимо осужденнаго церковію поединка пройдемъ съ прискорбнымъ молчаніемъ. А остановимся, въ наше назиданіе, надъ смертнымъ одромъ отходящаго поэта,

чтобы видѣть, что его кончина была хотя и не безболѣзненная и не мирная, тѣмъ не менѣе все же христіанская.

„Россія",—пишетъ кроткая и благочестивая душа — Жуковскій, — „потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни размышленіемъ и наукою готовился дѣйствовать полною силою. Россія лишилась своего любимаго, народнаго поэта. Онъ исчезъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; исчезъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ. При началѣ своего царствованія Государь присвоилъ поэта себѣ; Государь развязалъ руки ему въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; Государь слѣдилъ за нимъ до послѣдняго его часа. Бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, поэтъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего высокаго хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны Государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась: въ одномъ—чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ — живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу поэта и наконецъ слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. Государь отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Отзывы о Пушкинѣ.

Въ шесть часовъ вечера простреленный поэтъ привезенъ былъ въ отчаянномъ положеніи домой. Приняты были первыя врачебныя мѣры. Въ первыя же минуты умирающій спросилъ одного изъ врачей: „что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно? — Не могу скрыть отъ васъ, — отвѣчали ему, — вы въ опасности. — Скажите лучше, умираю. — Считаю долгомъ не скрывать отъ васъ и того. — Благодарю васъ, — сказалъ поэтъ, — вы поступили какъ честный человѣкъ." — Потомъ, подумавъ, прибавилъ: „мнѣ нужно устроить мой домъ." — „Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ?" — При этомъ вопросѣ поэтъ, обративъ глаза на свою библіотеку, сказалъ: „прощайте, друзья." Немного погодя спросилъ: „развѣ вы думаете, что я часу не проживу?" — „О, нѣтъ. Но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ?" — Повѣщены были друзья умирающаго: Плетневъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другіе, которые и поспѣшили къ смертному его одру. Прибыли самые знаменитые врачи, въ числѣ ихъ врачъ Государя Арендтъ. Этотъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Принявъ нужныя мѣры и разставаясь сь умирающимъ, Арендтъ сказалъ: „ѣду къ Государю, не прикажете ли что сказать ему?" — „Скажите", — отвѣчалъ умирающій, — „что умираю и прошу у него прощенія". — Прощенія у Государя просилъ онъ за себя и своего секунданта. Первымъ словомъ его женѣ было: „какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня. Будь покойна: ты не виновата; я знаю, что ты не виновата." А врачей просилъ, чтобы они не давали излишнихъ надеждъ женѣ, не скрывали отъ нея, въ чемъ дѣло: „она", — говорилъ онъ, — „не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ." Вообще же о женѣ заботился, чтобы какъ можно меньше она была личною свидѣтельницею его страданій. Въ первый вечеръ, по желанію родныхъ и друзей поэта, одинъ изъ врачей спросилъ, не желаетъ ли онъ исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно. — „За кѣмъ прикажете послать?" — Возьмите перваго ближайшаго священника." — Положено было призвать священника утромъ. И разумно сдѣлано, что отложено было до утра: потому что съ вечера первой ночи, съ 27-го на 28-е января,

началась его душевная агонія. Къ ночи боль отъ раны возросла до высочайшей степени. То была настоящая пытка. Физіономія страждущаго измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось, глаза его готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки охолодѣли, пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку, но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ, чтобы жена не услышала и не испугалась. „Зачѣмъ эти мученья?“—говорилъ онъ,—„безъ нихъ я бы умеръ спокойно.“ Наконецъ боль, повидимому, начала утихать, но лицо выражало глубокое страданіе, руки попрежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. Эта пытка продолжалась часа два или три.

Когда Арендтъ съ вечера отправился во дворецъ, то Государя не засталъ. Около полуночи онъ получаетъ отъ Государя повелѣніе немедленно ѣхать къ умирающему прочитать ему письмо, собственноручно Государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. „Я не лягу, я буду ждать,“ приказывалъ Государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что же стояло въ этомъ письмѣ! „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свое попеченіе.“ Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого Онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекраснаго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу поэта на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. „Я не лягу, я буду ждать!“ О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Когда Арендтъ прочиталъ поэту письмо Государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ письмо и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ ему оставить письмо. Нѣсколко разъ умирающій повторялъ: „отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо!

гдѣ письмо?" Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ и спросилъ на то позволеніе у Государя. Это произошло ночью. Въ 8 часовъ утра 28 января Арендтъ опять прибылъ. Въ его присутствіи прибылъ и священникъ, именно о. Петръ, что въ Конюшенной. Страдалецъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ, увѣряетъ Жуковскій. Князю Вяземскому духовникъ говорилъ со слезами о благочестіи, съ коимъ умирающій исполнилъ долгъ христіанскій. Надобно замѣтить, что во все время, до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Онъ призвалъ своего секунданта, и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его, однако, изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Потомъ говоритъ: „жену! позовите жену!" — Этой прощальной минуты описать нельзя. Потомъ потребовалъ дѣтей: они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. „Кто здѣсь?" спросилъ онъ. Назвали Жуковскаго и Вяземскаго. „Позовите", сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Жуковскій подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую къ нему руку, и поцѣловалъ. Сказать ему Жуковскій ничего не могъ отъ волненія. Умирающій махнулъ рукою, и Жуковскій отошелъ, но чрезъ минуту возвратился къ его постели и спросилъ: „можетъ быть, увижу Государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя?" —„Скажи",—отвѣчалъ умирающій,—„что мнѣ жаль умереть: былъ бы весь его." Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ: „смерть идетъ." Когда подошелъ къ нему еще одинъ изъ друзей, умирающій посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожавъ ему руку: казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: „Карамзину!" Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда эта благочестивая женщина отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: „перекрестите меня", что та и исполнила. Арендту говоритъ: „жду царскаго слова, чтобы умереть спо-

койно". Между тѣмъ, когда Жуковскій доложилъ Государю слова умирающаго,—„скажи ему отъ меня,"—приказалъ Государь,—„что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои".—Жуковскій возвратился къ умирающему съ утѣшительнымъ словомъ Государя. Выслушавъ благовѣстника, поэтъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. „Вотъ какъ я утѣшенъ!"—сказалъ онъ,—„скажи Государю, что я желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи".

Сперва предписанія врачей онъ всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но далѣе сдѣлался послушенъ, какъ дитя; и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. „Худо мнѣ", говоритъ страдалецъ одному изъ врачей (Далю) съ улыбкою. Но этотъ врачъ, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: „мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты".—„Нѣтъ!" возразилъ онъ,—„мнѣ здѣсь не житье, я умру, да, видно, такъ и надо".Затѣмъ страдалецъ взялъ его за руку и спрашиваетъ: „скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?"—„Мы за тебя надѣемся, право надѣемся".—„Ну, спасибо!" отвѣчалъ онъ. Но, повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь на 29-е число онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. „Ахъ, какая тоска!" —иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову,—„сердце изнываетъ!" Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили и, не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: „такъ, такъ хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно". Женѣ онъ велѣлъ передавать, что „все, слава Богу, легко". Между тѣмъ, посылая одобрить жену надеждою, умирающій самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: „который часъ?" и, получивъ отвѣтъ, продолжалъ прерывающимся голосомъ: „долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуйста... поскорѣй"!... Это повторялъ онъ нѣсколько разъ: „скоро ли конецъ"?... и всегда прибавлялъ: „пожалуйста, поскорѣй"!... Но вообще послѣ мукъ первой ночи, онъ былъ удивительно

терпѣливъ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго черстваго слова! Если онъ и просилъ врачей не заботиться о продолженіи его жизни, то единственно оттого, что зналъ о неминуемости смерти и терпѣлъ ужаснѣйшія мученія. Знаменитый врачъ Арендтъ, который видѣлъ много смертей на своемъ вѣку, и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ отъ постели его со слезами на глазахъ и говорилъ, что никогда не видѣлъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Въ продолженіе особенно первой томительной долгой ночи, „глядѣлъ я",— пишетъ другой врачъ (Даль), одинъ остававшійся у постели умирающаго,—„съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти. Ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ. Я сидѣлъ, не смѣя дохнуть и думалъ: вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость философіи жизни,— здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла; гдѣ живое мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безотвѣтное"... Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движеніе руками или отрывисто стоналъ, но такъ, что почти не могли его слышать. „Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего", сказалъ ему врачъ, „но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче".—„Нѣтъ", отвѣчалъ онъ прерывчиво: „нѣтъ... не надо... стонать;... жена... услышитъ;.. смѣшно же... чтобъ это... меня... пересилило... не хочу". Когда, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ своему убійцѣ, его секундантъ спросилъ: „не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь, въ случаѣ смерти, касательно этого человѣка?" — „требую", — отвѣчалъ умирающій, — „чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и *хочу умереть христіаниномъ*".

Поутру 29-го января сказано рѣшительно, что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно, руки начали остывать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки. Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукой. Ударило два часа пополудни 29 января,—и въ страдальцѣ оставалось жизни на три четверти часа. Бодрый духъ еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забвеніе на нѣсколько секундъ туманили мысли и

душу. Тогда умирающій нѣсколько разъ подавалъ врачу (Далю) руку, сжималъ и говорилъ: „подымай же меня, пойдемъ, да выше, пойдемъ“. Явно стало, что „отходитъ“! Но умирающій открылъ глаза и сказалъ внятно: „позовите жену“. Жена опустилась на колѣни у изголовья умирающаго и приникла лицомъ къ челу мужа, а послѣдній, положивъ ей руку на голову, сказалъ: „Ну, ничего, слава Богу, все хорошо, поди“. Видя наступленіе послѣдней минуты, друзья, ближніе молча окружили изголовье отходящаго. Докторъ Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ руки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: „кончена жизнь“. Докторъ не дослышалъ и спросилъ тихо: „что кончено?“—„Жизнь кончена“, отвѣчалъ онъ внятно и положительно. „Тяжело дышать, давитъ“, были послѣднія слова его.

Тутъ всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу, руки и ноги остыли. Отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное. Еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ,—и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его. „Мы долго стояли надъ нимъ,—пишетъ Жуковскій,—молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое совершилось предъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видѣлъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо! Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ?

И что̀ бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минутку воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти божественно-тайное, лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! И какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина."

„Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ",—пишетъ другой очевидецъ, — „сдружиться со смертью, такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ." Третій очевидецъ (Плетневъ) говорилъ: „глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти." „Ручаюсь совѣстію," — пишетъ князь Вяземскій, — „что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличія. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Изъ сказаннаго здѣсь можно видѣть, въ какихъ чувствахъ и въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ и намъ каждому подобную кончину. О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки, говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Всѣ признаютъ эту бѣдственную исторію какою-то фатальностію, которую невозможно объяснить и невозможно было предупредить."

Да, это былъ приговоръ Провидѣнія, спасительная мѣра Божія человѣколюбія. Богъ послалъ почившему бѣдственную кончину, *да судъ пріиметъ онъ по человѣку плотію, поживетъ же по Бозѣ* и въ Бозѣ великимъ своимъ *духомъ*. Евангельскому разбойнику нужно было умереть на крестѣ, чтобы изречь свое исповѣданіе: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ*, и услышать обѣтованіе: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи.* Видно, благочестивѣйшій государь

Николай Павловичъ, передъ которымъ была раскрыта душа поэта, имѣлъ основаніе преподать ему напутственный во гробъ совѣтъ исполнить христіанскій долгъ. И это основаніе заключалось, безъ сомнѣнія, въ половинчатой вѣрѣ почившаго, въ вѣрѣ, перемѣшанной съ невѣріемъ, заглушенной многими заблужденіями ума и сердца. Умирая въ тяжкихъ мукахъ на своемъ крестѣ, рабъ Божій Александръ, мы вѣримъ, только въ эту минуту воззвалъ къ милосердію Отца небеснаго рѣшительнымъ гласомъ блуднаго сына: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой. Но пріими мя, якоже единаго отъ наемникъ твоихъ.*

А говорили мы все это, чтобы выяснить себѣ и другимъ, что величайшій нашъ поэтъ былъ дѣйствительно любимый сынъ Отца небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблуждающійся, а въ тяжкой смерти сынъ кающійся; что онъ родился христіаниномъ, жилъ полу-христіаниномъ и полу-язычникомъ, а умеръ христіаниномъ, примиреннымъ со Христомъ и церковію.

Говорить ли теперь о томъ, почему, за что̀ это мы молимся о рабѣ Божіемъ Александрѣ? Въ отвѣтъ скажемъ одно, что онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ людей россійской исторіи. Дѣйствительно онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный, вѣчный, да, и вѣчный, насколько вѣчно что-либо въ подлунной,—памятникъ, который вознесся главою непокорной выше александійскаго столпа. Возьмите во вниманіе, что Гомеръ и Софоклъ, Виргилій и Горацій осіяли свое отечество славою больше, чѣмъ самые славные народные вожди. Самые народы уже умерли, а слава поэтовъ и мыслителей живетъ. Вліяніе народныхъ вождей на все человѣчество или вовсе не простиралось, или давно уже кончилось; вліяніе же поэтовъ, ораторовъ, философовъ простирается во всѣ концы земли, живетъ и переживетъ вѣка и тысячелѣтія. Таковъ и нашъ Пушкинъ, величайшая слава нашего отечества, настоящее и будущее всемірное вліяніе русскаго генія и русскаго духа. Стоитъ ли намъ помолиться за него?

Другой вопросъ, имѣемъ ли мы право молиться за него? Родился онъ христіаниномъ; жилъ хотя и полухристіаниномъ, но умеръ христіаниномъ, примиреннымъ съ Богомъ и совѣстію и Христовою церковію; умеръ кающимся сыномъ Отца небес-

наго; умеръ въ мукахъ наложеннаго имъ на себя креста, какъ и евангельскій разбойникъ умеръ на заслуженномъ же имъ крестѣ, съ воплемъ покаянія и вѣры и надежды внити въ рай вслѣдъ за симъ распятымъ Спасителемъ.

Политическіе и религіозные взгляды Пушкина *.

Пушкинымъ всегда въ высокой степени владѣло патріотическое чувство. Первыя проявленія этого чувства въ юношескихъ стихотвореніяхъ носили тотъ отпечатокъ оффиціальнаго патріотизма, какой нѣкогда исключительно господствовалъ въ торжественной одѣ XVIII вѣка въ понятіяхъ цѣлой массы общества; вѣкъ этотъ гордился славой русскаго оружія, величался внѣшнимъ могуществомъ государства, но не задавалъ себѣ вопроса о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и самого общества. Понятно, что этотъ внѣшній патріотизмъ отвѣчалъ извѣстной ступени развитія самого общества: оно удовлетворялось имъ, пока не назрѣла потребность отдать себѣ отчетъ во внутреннихъ условіяхъ своего существованія. Въ первые годы царствованія Александра важность этихъ условій для государства была въ значительной мѣрѣ сознана, общество ожидало крупныхъ преобразованій, и интересы общественнаго блага и чувства гражданскаго долга стали распространяться все въ большемъ кругу людей образованныхъ, и ожиданія становились тѣмъ болѣе нетерпѣливы во второй половинѣ царствованія.

По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ встрѣтилъ еще болѣе возбужденій въ этомъ направленіи, и цѣлый рядъ стихотвореній и эпиграммъ указывалъ его сочувствія къ либеральной сторонѣ общественнаго мнѣнія. Но это направленіе его мысли и поэзіи не было прочно: впослѣдствіи, когда онъ не видѣлъ кругомъ себя людей, непосредственно затрагивавшихъ его чувство своимъ одушевленіемъ, передъ нимъ стала открываться другая сторона дѣйствительности. Полное паденіе политиче-

*) Въ извлеченіи изъ сочиненія А. Н. Пыпина: „Пушкинъ. Историческое его значеніе".

скихъ замысловъ, которыхъ онъ въ точности не зналъ, но которые угадывалъ въ средѣ ближайшихъ людей, указало ему ихъ фантастическую сторону, и онъ, если не отказался совсѣмъ отъ своего скоропреходящаго либерализма, то сильно къ нему охладѣлъ и преклонился передъ силой государственности. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не могъ быть политическимъ дѣятелемъ, какъ никогда не могъ быть чиновникомъ по всѣмъ свойствамъ своей натуры; онъ слишкомъ поглощенъ былъ художественнымъ творчествомъ, слишкомъ увлекался непосредственной жизнью, которая захватывала его лично и искала потомъ своего выраженія въ этомъ творчествѣ. Но его общественныя увлеченія были закрѣплены въ художественныхъ произведеніяхъ, проникнутыхъ истинной поэзіей и искренностью данной минуты, и они оставляли не одно поэтическое впечатлѣніе: поэтъ являлся сторонникомъ того или другого общественнаго направленія. Отсюда долго тянувшіеся споры о томъ, какая сторона нашего общественнаго развитія имѣла въ Пушкинѣ своего послѣдователя и защитника: въ то время какъ одни указывали въ немъ приверженца общественной свободы, другіе приписывали ему поэтическое утвержденіе оффиціальнаго консерватизма и т. д. Колебанія Пушкина были именно колебаніями не мыслителя, а художника, который не разрѣшалъ теоретическихъ вопросовъ, но увлекался движеніями чувства, былъ способенъ заразиться благороднымъ энтузіазмомъ, дать ему высокое поэтическое выраженіе, но въ другихъ условіяхъ могъ откликнуться и на другіе мотивы,— въ обоихъ случаяхъ искренно и сохраняя теплое сочувствіе къ тѣмъ падшимъ идеалистамъ, дѣло которыхъ было уже для него чуждо, но въ которыхъ онъ продолжалъ цѣнить самоотверженное убѣжденіе.

Подобное колебаніе мы встрѣчаемъ въ еще болѣе возвышенной области,—въ области идей религіозныхъ. Въ первоначальной эпикурейской поэзіи Пушкина не было мѣста религіозному чувству и греческая миѳологія какъ будто не даромъ заняла въ ней такое обширное мѣсто: культъ наслажденія жизнью былъ далеко не христіанскій. Въ обычномъ воспитаніи, а тогда особенно, въ юношескую пору весьма рѣдко являлась мысль о спасеніи души, это было естественное отраженіе гос-

подствовавшихъ нравовъ, а у Пушкина въ частности было слѣдствіемъ его ранняго чтенія. Легкомысленное отношеніе къ предметамъ религіи завершилось впослѣдствіи поэмой, которая осталась въ непечатной литературѣ единственнымъ образчикомъ своего рода. И тѣмъ не менѣе Пушкинъ въ зрѣлые годы былъ человѣкомъ религіознымъ. Одинъ изъ біографовъ примѣняетъ къ самому Пушкину слова, сказанныя имъ о Байронѣ, когда по поводу одного случая въ жизни англійскаго поэта Пушкинъ говорилъ: „видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ Байронѣ скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“. Такимъ образомъ надо признать, что религіозное вольномысліе было опять вычитанное и поддержано было окружающей средой, не выражая его настоящаго настроенія. Впослѣдствіи Пушкинъ глубоко раскаявался въ этомъ „временномъ своенравіи“, но фактъ оставался,—и подобные факты объясняютъ, между прочимъ, то крайне враждебное отношеніе къ Пушкину, какое мы находимъ, напримѣръ, въ воспоминаніяхъ бар. Корфа.

Почему Пушкинъ не касался въ своихъ произведеніяхъ библейскихъ лицъ и событій? *

Высокое мнѣніе Пушкина о поэтическихъ достоинствахъ священнаго Писанія и его благоговѣйное отношеніе къ нему были причиной того, что великій русскій поэтъ не рѣшился воспроизводить библейскія лица и событія. Предшественники Пушкина, да и нѣкоторые изъ современныхъ ему поэтовъ, смѣло брались за переложеніе псалмовъ и разныхъ отрывковъ изъ библіи, ибо не давали себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаютъ. Но Пушкинъ былъ „взыскательный художникъ и, мѣряясь силами то съ Байрономъ, то съ Шекспиромъ, то съ

*) „Русское Обозрѣніе“ 1897 г. ноябрь, стр. 389—392. Изъ статьи Н. И. Черняева: „Пророкъ Пушкина въ связи съ его же подражаніями Корану“.

Вальтеръ Скоттомъ, упорно воздерживался отъ воспроизведенія поэтическихъ красотъ Божественнаго Откровенія. Онъ прекрасно понималъ, что ихъ передача представляетъ величайшія трудности и требуетъ, кромѣ крупнаго дарованія, цѣлаго ряда другихъ условій. И онъ былъ, конечно, правъ, ибо уловить духъ не только Пятокнижія, Пророковъ, Евангелія, Апостоловъ, но даже духъ нѣкоторыхъ аскетовъ и отцовъ Церкви, молитвы которыхъ вошли въ составъ церковнаго богослуженія,—это задача, которая оказывалась непосильною для величайшихъ поэтовъ. Вчитываясь въ Священное Писаніе, Пушкинъ, можетъ быть, и думалъ о немъ, какъ о вѣнцѣ своей художественной дѣятельности, но не хотѣлъ писать подражаній, которыя бы обезцвѣчивали оригиналъ и стояли бы ниже его по красотѣ формы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы Пушкинъ началъ перелагать въ стихи псалмы, пророковъ и т. д., онъ создалъ бы много прекраснаго, но онъ едва ли бы создалъ такія піесы, которыя удовлетворяли бы собственнымъ его требованіямъ отъ искусства и стояли бы на одномъ уровнѣ съ подлинникомъ. То, къ чему не рѣшался приступать Шекспиръ, и то, что не удавалось Байрону, едва ли бы могло удасться и Пушкину. „Псалмы, пророки, книга Іова, Евангеліе, — все это такая поэзія, до которой далеко поэтамъ“, сказалъ Государь Николай Павловичъ А. О. Смирновой. („Записки“ ея, стр. 221).

Такого же мнѣнія, судя по всему, былъ и Пушкинъ. И вотъ почему онъ не посягалъ на то, на что столь легко посягали другіе, менѣе его даровитые поэты.

Незадолго до смерти онъ, какъ бы въ видѣ опыта, попробовалъ смѣряться силами съ св. Ефремомъ Сиринымъ и переложить въ стихи поразительную по красотѣ молитву „Господи и Владыко живота моего“. Переложенію предшествовало по истинѣ геніальное вступленіе: *„Отцы пустынники и жены непорочны“*.

Какъ прекрасны эти стихи! Отъ нихъ такъ и вѣетъ молитвеннымъ настроеніемъ, житіями святыхъ, матерью пустыней и глубокимъ пониманіемъ дивной красоты нашего великопостнаго богослуженія. Но вотъ, начинается переложеніе самой молитвы св. Ефрема Сирина, и вы съ первыхъ же словъ чувствуете, что оно не удалось и не могло удаться Пушкину, и что его

стихотворная копія стоитъ по формѣ (не говоримъ уже о содержаніи) несравненно ниже оригинала. *„Владыко дней моихъ, духъ праздности унылой...* Это, конечно, прекрасные стихи, но если сопоставить ихъ поэзію съ поэзіей молитвы св. Ефрема Сирина, они не выдерживаютъ сравненія и покажутся водянистыми и блѣдными. Сжатость и сила языка и замкнутость каждой изъ трехъ отдѣльныхъ частей молитвы св. Ефрема Сирина совершенно пропали въ Пушкинскомъ переложеніи. Отступленія отъ подлинника, допущенныя поэтомъ, только обезцвѣчиваютъ его, ничего не прибавляя къ его красотѣ. Воззваніе „Владыко дней моихъ“ не имѣетъ того величія, какимъ отличается обращеніе къ Богу Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего“ и кажется прозаичнымъ въ сравненіи съ нимъ. „Унылая праздность“ совсѣмъ не то, что „уныніе и праздность“. Ефремъ Сиринъ просилъ у Бога избавить его не только отъ „унылой праздности“, но отъ праздности вообще, также точно онъ проситъ о спасеніи не только отъ „унынія“, сопряженнаго съ „праздностью“, но и отъ всякаго другого „унынія“, которое служитъ первою ступенью къ отчаянію и къ совершенному упадку духа. Эпитетъ, которымъ характеризуетъ Пушкинъ любоначаліе, великолѣпенъ, но, безъ всякой надобности, растягиваетъ первое прошеніе молитвы. Послѣднія слова перваго прошенія у св. Ефрема Сирина („не даждь ми“) представляютъ образецъ могучаго и выразительнаго лаконизма, который исчезаетъ въ Пушкинской передачѣ („не дай душѣ моей“). Трудно, далѣе, подыскать оправданіе для перестановки прошеній, которую допустилъ Пушкинъ, сдѣлавшій среднюю часть молитвы св. Ефрема Сирина послѣднею, а послѣднюю — среднею, благодаря чему онъ лишилъ себя возможности заключить свое переложеніе тою хвалой Богу, которою заканчивается молитва св. Ефрема Сирина. Всѣ три прошенія ея, замѣтимъ кстати, представляютъ стройное и строго послѣдовательное гармоническое цѣлое. Этого нѣтъ у Пушкина. Трудно также подыскать оправданіе соединенію сей молитвы въ одинъ періодъ посредствомъ союзовъ *но* и *и*, ибо именно раздѣльность прошеній придаетъ ей какую-то своеобразную, трудно выразимую красоту. А развѣ восклицаніе: „О, Боже“ — то же самое, что „Ей, Го-

споди, Царю?“ Да и замѣну словомъ „смиреніе“ слова „смиренномудрія“ нельзя назвать удачною. Неудачна также замѣна словъ: „Даруй ми, рабу Твоему“ словами:„ мнѣ въ сердцѣ оживи“. Въ своемъ великомъ смиреніи св. Ефремъ Сиринъ не почиталъ себя обладателемъ высшихъ добродѣтелей и просилъ не *объ оставленіи ея въ своемъ сердцѣ*, а *о дарованіи ея*, какъ послѣднему грѣшнику. Выбросивъ изъ молитвы слово *рабъ*, Пушкинъ тѣмъ самымъ стушевалъ ея церковный характеръ, придалъ ей оттѣнокъ свѣтскости и не дорисовалъ той покорности волѣ Божіей, которою дышитъ молитва великаго аскета.

Другими словами, Пушкинъ геніально передалъ впечатлѣніе, производимое этою молитвой на сердца вѣрующихъ, но оказался безсильнымъ передать ея красоту. Это знаменательный фактъ. Онъ доказываетъ, что у Пушкина, не смотря на весь его необъятный талантъ, не смотря на его геній, чего-то не доставало для того, чтобы писать переложенія „божественныхъ“ молитвъ и Священнаго Писанія. Объясняется ли это отсутствіемъ подходящаго настроенія и тѣми условіями жизни, которую велъ Пушкинъ, или „божественныя“ молитвы и Священное Писаніе производили на Пушкина уже черезчуръ сильное впечатлѣніе, лишавшее его того созерцательнаго спокойствія, которое необходимо для творчества, — какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: не смотря на все свое преклоненіе передъ Библіей и „божественными“ молитвами, Пушкинъ почти совершенно не пользовался ими для своихъ созданій и, будучи въ послѣдніе годы жизни человѣкомъ безспорно вѣрующимъ и религіознымъ, ничего не написалъ ни о Моисеѣ, который такъ плѣнялъ его воображеніе, ни о пророкахъ, ни о земной жизни Спасителя.

Отзывы о Пушкинѣ.

Отношеніе Пушкина къ Библіи и православной церкви. *

Религіозное направленіе начинаетъ проявляться у Пушкина особенно съ 1833 года, говоритъ Анненковъ, но мы скажемъ, что съ этого времени пришла очередь этому настроенію проявиться въ литературной дѣятельности Пушкина. Что глубже лежало, то позже и всплыло. Напротивъ, слѣды религіозныхъ интересовъ мы найдемъ неизмѣримо раньше. Что Пушкинъ ихъ долго вынашивалъ, это неудивительно: если для обработки лирическаго стихотворенія девять лѣтъ не казались ему долгимъ срокомъ, то для проявленія столь важнаго направленія и еще болѣе отдаленные сроки не покажутся долгими. Мы положительно знаемъ, что еще въ Одессѣ и Кишиневѣ Пушкинъ читалъ Библію, и что это чтеніе бывало ему по сердцу. Но мы знаемъ, какая буря страстей тогда еще имъ владѣла; быть можетъ, онъ искалъ въ Библіи защиты и отъ Демона, и отъ Гунчисона, но пока они были сильнѣе его. Воспользуемся свидѣтельствомъ Мицкевича, относящимся къ эпохѣ вслѣдъ за созданіемъ Бориса Годунова: „Въ его разговорахъ, которые становились все болѣе и болѣе серьезными, нерѣдко слышались зачатки его будущихъ твореній. Онъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, о которыхъ и не снилось его соотечественникамъ.“ Въ Михайловскомъ у Пушкина были Четьи—Минеи, къ которымъ онъ и возвратился впослѣдствіи. Вліяніе дѣйствительно церковно-славянскаго, а не лѣтописнаго языка замѣтно во многихъ мѣстахъ Бориса Годунова, а стихотвореніе „Пророкъ“ до того проникнуто библейскими образами и выраженіями, что его можно назвать столь же славянскимъ, сколько и русскимъ Въ 1829 году Пушкинъ возвратился съ Кавказа, и вотъ какія мысли привозитъ оттуда. „Что дѣлать съ черкесами?“—спрашиваетъ Пушкинъ. „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія, но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ

*) Выдержки изъ рѣчи В. Никольскаго, проф. Александровскаго Лицея, С.-Петербургской духовной Академіи и Женскихъ Педагогическихъ курсовъ, произнесенной на торжественномъ актѣ въ 1881 году. (стр. 47—54).

и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ и не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ мужъ вѣры и смиренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Азіи, Америки и Африки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живаго вылизывать(?) мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ". Эти мысли не замедлили найти и поэтическій отголосокъ: ихъ плодомъ осталась недоконченная поэма „Галубъ", вѣрнѣе, „Тазитъ". Сама по себѣ поэма еще не говоритъ о той мысли, которой она должна была служить выраженіемъ. Но сохранились двѣ программы: въ первой останавливаетъ вниманіе, два раза встрѣчающееся и оба раза подчеркнутое слово *монахъ*. Вторая, по которой и написано начало поэмы, уже яснѣе опредѣляетъ значеніе монаха. Вотъ она: „1) Похороны. 2) Черкесъ-христіанинъ. 3) Купецъ. 4) Рабъ. 5) Убійца. 6) Изгнаніе. 7) Любовь. 8) Сватовство. 9) Отказъ. 10) Миссіонеръ. 11) Война. 12) Сраженіе. 13) Смерть. 14) Эпилогъ" (11, 430). Очевидно, Пушкинъ хотѣлъ въ ней развить мысль, выра-

женную раньше. Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или *мальчика*, а затѣмъ нужда, голодъ, *мученическая смерть*..... Поэма осталась недоконченною, потому что дѣйствительность не давала потребныхъ матеріаловъ, а фантазировать Пушкинъ не любилъ, да и не умѣлъ. Идея поэмы, однако же, ясна:—гибель перваго послѣдователя новыхъ идей.

Будемъ слѣдить по стихотвореніямъ Пушкина за образами, которые господствуютъ въ его воображеніи. Пушкинъ видитъ монастырь на Казбекѣ:

Туда-бъ въ заоблачную келью
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

Онъ приходитъ въ царскосельскіе сады:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшей головой!
Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ — и зарыдалъ!

Въ 30-мъ году онъ пишетъ митрополиту Филарету:

Въ часы забавъ иль праздной скуки...

32-й годъ полонъ образами изъ западныхъ религіозныхъ преданій, таковы: Начало повѣсти, Юдифь, Родригъ, Романсъ: „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный", подражаніе Данту... Здѣсь Пушкинъ ищетъ исхода своему настроенію еще внѣ себя, въ образахъ чуждыхъ, заимствованныхъ. Но настроеніе охватываетъ его глубже и сильнѣе. Этотъ переходъ мы видимъ въ 33-мъ году. Вслѣдъ за переводомъ изъ Буньяна („Странникъ") идетъ стихотвореніе, очевидно, выражающее личную мысль поэта:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ....

Изъ двухъ стихотвореній 34 года одно „Къ Н*** полно библейскихъ образовъ", другое: „Мицкевичъ" запечатлѣно библей-

скимъ характеромъ. Наконецъ 36-й годъ даетъ намъ стихотворенія:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество...

Подражаніе итальянскому: „Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ“, — и наконецъ этотъ рядъ заключается 22-го іюля, ровно за полгода до смерти, стихотвореніемъ: „Молитва“.

Но все это, такъ сказать, только пробы пера въ сравненіи съ тѣми широкими замыслами, которые питалъ поэтъ. Католичество, реформація, изобрѣтеніе пороха, книгопечатаніе должны были переносить въ какую-то загадочную драму и послужить основою для рѣшенія какого-то неизвѣстнаго, важнаго, но несомнѣнно церковно-религіознаго вопроса. Только неясные осколки подъ произвольнымъ названіемъ: „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ остались отъ этого глубокаго замысла. Для насъ достаточно и этого, чтобы знать, чѣмъ была занята, куда стремилась мысль поэта въ послѣдніе годы его дѣятельности. Но мы знаемъ, что каждое литературное намѣреніе Пушкина имѣло долгую подготовительную работу въ жизни и въ черновыхъ его бумагахъ. И на этотъ разъ онъ не обманываетъ нашихъ ожиданій. Друзья поэта свидѣтельствуютъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія, и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. Вотъ печатный отзывъ Пушкина объ Евангеліи: „Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!“ (V, 421).

Черновыя тетради Пушкина наполнены выписками изъ Четьихъ-Миней и Пролога. Въ 35 году онъ помогаетъ и совѣтомъ и

дѣломъ своему товарищу, князю Эристову, въ составленіи историческаго словаря о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви, дѣлаетъ о немъ, по выходѣ въ свѣтъ, печатный отзывъ, наконецъ самъ перелагаетъ на простой языкъ, понятный всякому человѣку, даже мало искушенному въ грамотѣ, повѣствованіе Пролога о житіи преподобнаго Саввы игумена. Записка эта сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3-го, представленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожехъ, новаго чудотворца (изъ Пролога).

Но если только въ послѣдніе годы жизни Пушкинъ сталъ проникаться церковностью, то вопросъ о значеніи Церкви въ Россіи занималъ его неизмѣримо раньше. Вотъ что писалъ онъ въ 1822 году. „Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но, лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностью. Отъ сего и происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ „особенный національный характеръ."

„Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своего папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣ-

щеніемъ. Екатерина знала все это — и имѣла свои виды". Мы не остановимъ вниманія на рѣзкости сужденія: это были черновыя, домашнія замѣтки про себя. Не коснемся и политической стороны дѣла. Но сужденіе о значеніи Церкви для нашего просвѣщенія, и особенно мысль о томъ, что православіе есть основа нашего національнаго характера, нашей народности, достойны особеннаго замѣчанія. Правда, г. Анненковъ говоритъ, что члены литературнаго общества Арзамасъ, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, отличались непоколебимой „вѣрой въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства—монархизма и православія съ свободой лицъ, сословій и учрежденій, и приведенное мнѣніе Пушкина считаетъ отголоскомъ этихъ арзамасскихъ ученій. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на чемъ основано это показаніе. Но, какъ бы то ни было, мысли были заронены и въ свое время принесли плодъ.

Вліяніе европейскихъ писателей на Пушкина. *

Умъ необыкновенно сильный и чисто русскій по отвращенію отъ всего туманнаго, неяснаго, характеръ прямой, ненавидящій всякую фальшь и фразу, энергію, напоминающую Петра и Ломоносова, Пушкинъ отдался на служеніе одному дѣлу — служенію родной литературѣ, и создалъ ея *классическій періодъ*, сдѣлалъ ее полнымъ выраженіемъ основъ національнаго духа и великой учительницей общества. Пушкинъ совершилъ свой подвигъ съ безпримѣрнымъ трудолюбіемъ и безпримѣрной любовью къ дѣлу. Убѣжденный, что безъ труда нѣтъ „истинно великаго", онъ учится всю жизнь, учится у всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ и у всѣхъ литературныхъ школъ; отъ всякой беретъ все, что было въ ней лучшаго, истиннаго и вѣчнаго, откидывая слабое и временное. Но онъ не останавливается на пріобрѣтенномъ, а ведетъ его дальше и по лучшей дорогѣ. Псевдоклассицизмъ оставилъ въ немъ на-

*) Отрывокъ изъ статьи проф. А. И. Кирпичникова „Пушкинъ А. С." въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона т. XXV, стр. 846—847.

клонность къ соблюденію мѣры, къ строгому обдумыванію результатовъ вдохновенія, къ тщательности отдѣлки и къ изученію *роднаго языка*. Но онъ пошелъ въ этомъ отношеніи дальше, нежели академики многочисленныхъ академій Европы, вмѣстѣ взятые: онъ обратился къ исторіи языка и къ языку народному. Сентиментализмъ Бернардена, Карамзина и Ричардсона, проповѣдь Руссо натолкнули Пушкина на созданіе плѣнительныхъ образовъ простодушныхъ и любящихъ дѣтей природы и инстинкта. Апоѳеозъ поэзіи и отвращеніе отъ прозы практической, филистерской жизни, доведенное до абсурда Шлегелями, у Пушкина выразилось твердымъ убѣжденіемъ въ независимости искусства отъ какихъ бы то ни было извнѣ наложенныхъ цѣпей и въ его высокогуманномъ вліяніи. Баллады Бюргера и Жуковскаго, поэма Вальтера-Скотта и „озерныхъ поэтовъ“ воодушевили Пушкина къ созданію „Вѣщаго Олега“, „Утопленника“, „Русалки“ и пр. Поклоненіе среднимъ вѣкамъ и рыцарству явилось у него какъ пониманіе ихъ и художественное воспроизведеніе въ „Скупомъ рыцарѣ“ и „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“. Байронъ былъ долго „властителемъ его думъ“; онъ усвоилъ у него смѣлый и глубокій анализъ души человѣческой, но нашелъ примиреніе для его безутѣшной міровой скорби въ дѣятельной любви къ человѣчеству. Собственное художественное чутье и критическія положенія Лессинга, хотя и дошедшія до Пушкина черезъ третьи руки, обратили его къ изученію Шекспира и романтической драмы, которое привело его не къ слѣпому подражанію внѣшнимъ пріемамъ, а къ созданію „Бориса Годунова“, „Каменнаго гостя“ и др. Горячее національное чувство, всегда таившееся въ душѣ Пушкина и укрѣпленное возрожденіемъ идеи народности въ Западной Европѣ, привело его не къ квасному патріотизму, не къ китайскому самодовольству, а къ изученію родной старины и народной поэзіи, къ созданію „Полтавы“, сказокъ и пр. Пушкинъ сталъ вполнѣ европейскимъ писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался русскимъ народнымъ поэтомъ, такъ какъ только съ этихъ поръ онъ могъ сказать Европѣ *свое слово*. Глубоко искренняя поэзія Пушкина всегда была реальна въ смыслѣ вѣрности природѣ и всегда представляла живой и вліятельный протестъ какъ противъ

академической чопорности и условности, такъ и противъ сантиментальной фальши; но сперва она изображала только одну красивую сторону жизни. Позднѣе, руководимый собственнымъ инстинктомъ, однако, не безъ вліянія западныхъ учителей своихъ — Пушкинъ становится реалистомъ въ смыслѣ всесторонняго воспроизведенія жизни; но у него, какъ у истиннаго художника, и обыденная дѣйствительность остается прекрасной, проникнутой внутреннимъ свѣтомъ любящей души человѣческой.

Взгляды Пушкина на условія поэтическаго творчества и воздѣйствіе этого творчества на самого Пушкина *.

Съ освобожденіемъ поэтическаго творчества Пушкина отъ „узъ“ піитическихъ правилъ, измѣнялся кореннымъ образомъ и взглядъ его на самое существо и условія поэтическаго творчества. Ложный классицизмъ признавалъ зиждительнымъ началомъ поэзіи восторгъ, исповѣдуя, что восторгъ „внезапно плѣняетъ умъ“. На мѣсто восторга Пушкинъ ставитъ вдохновеніе и такъ его опредѣляетъ: „Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію *понятій*, слѣдственно и *объясненію* оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго.* Восторгъ не предполагаетъ силы *ума*, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, не постояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. *Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества.* Она исключаетъ *постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго.*“ Итакъ, *трудъ* служитъ исходнымъ пунктомъ поэтическаго творчества и составляетъ необходимое условіе истинно великаго. Дополняя недосказанное Пушкинымъ въ этомъ глубокомысленномъ опредѣленіи поэтическаго вдохновенія, можно съ увѣренностью сказать, что онъ считалъ

---

*) Изъ полнаго собранія сочиненій проф. Н. С. Тихонравова, т. III. ч. 2, стр. 512—516.

трудъ, т. е. ученье, столь же необходимымъ для поэта, какъ и для геометра. Вотъ почему онъ искренно сожалѣлъ, что „мало у насъ писателей, которые бы *учились*; большая часть только разучиваются“. Послѣдовательность процесса поэтическаго творчества Пушкинъ съ поразительною ясностью опредѣлилъ въ немногихъ вопросительныхъ фразахъ, которыя Чарскій обращаетъ къ импровизатору (въ „Египетскихъ ночахъ“). „Какъ! чужая *мысль* чуть коснулась вашего слуха и ужъ стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею *носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно*? Итакъ, для васъ не существуетъ ни *труда*, ни *охлажденія*, ни этого *безпокойства*, которое предшествуетъ *вдохновенію*?“ Черновыя тетради Пушкина, въ которыхъ (какъ въ альбомѣ Онѣгина) —

Среди безсвязнаго маранья
Мелькали *мысли*, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена,
И *думы тайной письмена*,—

эти черновыя тетради, вмѣстѣ съ собственными откровеніями великаго поэта, убѣждаютъ, что *такіе* именно фазисы проходило его поэтическое творчество при созданіи „Евгенія Онѣгина“, „Бориса Годунова“, „Полтавы“... Когда поэтъ не „чувствовалъ приближеніе Бога“, когда онъ не находилъ въ душѣ своей „расположенія къ дальнѣйшему принятію впечатлѣній, къ соображенію и изъясненію понятій“, онъ оставлялъ перо. „Я пишу („Бориса Годунова“),—высказывается Пушкинъ,—и вмѣстѣ думаю. Большая часть сценъ требовала *только* обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее“. „Борисъ Годуновъ“ былъ первымъ большимъ произведеніемъ, надъ которымъ Пушкинъ испробовалъ этотъ „новый для него способъ работы“. Процессъ созданія этой трагедіи не только выяснилъ поэту зрѣлость его богатыхъ творческихъ силъ, но и далъ ему вкусить высокихъ нравственныхъ наслажденій... „Писанная мною *въ строгомъ уединеніи* (признается Пушкинъ), *вдали охлаждающаго свѣта*, плодъ добросовѣстныхъ *изученій*, постояннаго *труда*, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: *живое занятіе вдохнове-*

нію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія"... Такъ, поэтъ, отъ ранней юности „любившій свѣтъ и шумъ его, ненавидѣвшій одиночество," оцѣнилъ освѣжающее вліяніе „строгаго уединенія".

Я зналъ и *трудъ* и *вдохновенье*,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье.

Въ уединеніи Пушкинъ какъ бы перерождался:

Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ.
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый.
Къ *трудамъ* рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Въ невольномъ уединеніи изгнанія Пушкинъ проявилъ несокрушимую силу нравственнаго чувства, а „нравственное чувство, по словамъ поэта, какъ и талантъ, дается не всякому". Въ изгнаніи оставлялъ онъ свои „заблужденья"—

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для *сердца* новую вкушаю *тишину*,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій *трудъ*, и жажду *размышленій*.
. . . .
Учусь удерживать *вниманье долгихъ думъ*;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Таковы были основы и условія поэтическаго творчества Пушкина. Писателей старой школы не могли не поразить оригинальностью воззрѣнія слѣдующіе стихи въ извѣстномъ посланіи Жуковскому:

И быстрый *холодъ вдохновенья*
Власы подъемлетъ на челѣ.

Отзывы о Пушкинѣ.

„Холодъ вдохновенья“ былъ выдающеюся чертою творческой дѣятельности Пушкина въ ту эпоху, когда и силы его развились совершенно, и когда онъ чувствовалъ, что могъ творить. Поэтъ, знавшій „сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ“, даетъ намъ видѣть въ своихъ твореніяхъ результаты продолжительнаго труда, просвѣщенной мысли и постоянно озарявшаго его вдохновенія, когда во всей полнотѣ обнаруживалась „сила его ума, располагавшаго частями въ отношеніи къ цѣлому“. И могущественно было нравственное воздѣйствіе процесса поэтическаго творчества на самого Пушкина. Въ минуты наитія „вдохновенія“ силою ума очищалась нравственная атмосфера поэта, „гордый разумъ усыплялъ его желанья и страданья“, умѣрялъ борьбу „демоническихъ“ силъ въ его груди и заставлялъ „исчезать заблужденья въ его измученной душѣ“. Чтобы перелить въ художественныя произведенія „стихи своего сердца“, Пушкину нужно было провести все то, чѣмъ волновалось и болѣзненно билось это сердце, чрезъ чистилище поэтическаго творчества и поставить волненія жизни, свои надежды и отчаянія, свои грѣхи и заблужденія передъ спокойнымъ судомъ своего нравственнаго чувства, своего высокаго разума. „Холодъ вдохновенья“ отрезвлялъ поэта. Къ Пушкину въ полномъ объемѣ прилагается то, что самъ онъ сказалъ о временномъ „властителѣ своихъ думъ“ — Байронѣ: „Онъ *исповѣдался* въ своихъ *стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзіи*“. Поэтъ, высоко цѣнившій въ писателѣ *искренность*, сознавалъ значеніе *такой* уединенной исповѣди: „презирать судъ людей не трудно (писалъ онъ),—презирать судъ собственный невозможно“. По глубоко вѣрному замѣчанію П. В. Анненкова, „вообще поэтическое творчество было у Пушкина какъ будто поправкой волненій жизни. Оно сглаживало рѣзкія ея проявленія, смягчало и облагораживало все, что было въ нихъ случайно-грубаго, неправильнаго и жесткаго. По неизмѣнному закону отраженія творческаго произведенія на самомъ художникѣ, умѣрялся и въ послѣднемъ пылъ увлеченія и замолкали струны, которыя звучали бы безъ того тревожно и несогласно, можетъ быть, еще долгое время“. И потому особый глубокій смыслъ имѣло въ устахъ Пушкина прочувствованное восклицаніе:

Да здравствуютъ *Музы*, да здравствуетъ *Разумъ!*

Отзывы о Пушкинѣ.

Результатъ такого процесса,— реальная и свѣтлая поэзія Пушкина приносила съ собою въ общество „бодрость для духа и свѣжесть для мысли"; она воспитывала въ читателяхъ не только эстетическій вкусъ, но и нравственное чувство.

Сущность поэзіи Пушкина *.

Пушкинъ былъ совершеннымъ выраженіемъ своего времени. Одаренный высокимъ поэтическимъ чутьемъ и удивительною способностью принимать и отражать всевозможныя ощущенія, онъ перепробовалъ всѣ тоны, всѣ лады, всѣ аккорды своего вѣка; *онъ заплатилъ дань всѣмъ великимъ современнымъ событіямъ, явленіямъ и мыслямъ*, всему, что только могла чувствовать тогда Россія, переставшая вѣрить въ несомнѣнность *вѣковыхъ правилъ, самою мудростію извлеченныхъ изъ писаній великихъ геніевъ* (слова эти — курсивомъ въ оригиналѣ и относятся къ тогдашнему поклоненію установленнымъ авторитетамъ), и съ удивленіемъ узнавшая о другихъ мірахъ мыслей и понятій и новыхъ, неизвѣстныхъ ей до того взглядахъ на давно извѣстныя ей дѣла и событія. Несправедливо говорятъ, будто онъ подражалъ Шенье, Байрону и другимъ. Байронъ владѣлъ имъ не какъ образецъ, но какъ явленіе, какъ властитель думъ вѣка, а я сказалъ, что Пушкинъ заплатилъ свою дань каждому великому явленію. Да — Пушкинъ былъ выраженіемъ современнаго ему міра, представителемъ современнаго ему человѣчества, — но *міра русскаго, но человѣчества русскаго.* Что дѣлать? Мы всѣ геніи—самоучки; мы все знаемъ, ничему не учившись, все пріобрѣли, веселясь и играя, словомъ:

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь.

Пушкинъ отъ шумныхъ оргій разгульной юности переходилъ къ суровому труду,

„чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ",

---

*) Выбранныя мѣста изъ сочиненій Ап. Григорьева „Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина", стр. 234—236, 238—240, 247.

отъ труда опять къ младымъ играмъ, сладкому бездѣлью и легкокрылому похмелью. Ему *не доставало только нѣмецко-художественнаго воспитанія (?)* Баловень природы, онъ шаля и играя, похищалъ у ней плѣнительные образы и формы, и, снисходительная къ своему любимцу, природа роскошно одѣляла его тѣми цвѣтами и звуками, за которые другіе жертвуютъ ей наслажденіями юности, которые покупаютъ у ней цѣною отреченія отъ жизни... Какъ чародѣй, онъ въ одно и то же время исторгалъ у насъ и смѣхъ и слезы, игралъ по волѣ нашими чувствами... Онъ пѣлъ,—и какъ изумлена была Русь звуками его пѣсенъ: и не диво, она еще никогда не слыхала подобныхъ; какъ жадно прислушивалась она къ нимъ; и не диво: въ нихъ трепетали всѣ нервы ея жизни! Я помню это время, счастливое время, когда въ глуши провинціи, въ глуши уѣзднаго городка, въ лѣтніе дни, изъ растворенныхъ оконъ, носились по воздуху эти звуки, *„подобные шуму водъ или журчанью ручья“*.

Невозможно обозрѣть всѣхъ его созданій и опредѣлить характеръ каждаго: это значило бы перечесть и описать всѣ деревья и цвѣты Армидина сада. У Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній; *у него по большей части все поэмы:* его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, его „Андрей Шенье“, его могучая бесѣда съ „Моремъ“, его вѣщая дума о „Наполеонѣ“ — поэмы. Но самые драгоцѣнные алмазы его поэтическаго вѣнка, безъ сомнѣнія, суть: „Евгеній Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“. Я никогда не кончилъ бы, если бы началъ говорить о сихъ произведеніяхъ.

* * *

Пушкинъ—наше все: Пушкинъ представитель—всего нашего *душевнаго, особеннаго,* такого, что остается нашимъ *душевнымъ,* особеннымъ послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ пока единственный полный очеркъ нашей народной личности, самородокъ, принимавшій въ себя, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ другими особенностями и организмами, — все то, что принять слѣдуетъ, отбрасывавшій все, что отбросить слѣдуетъ, полный и цѣльный, но еще не красками, а только контурами набросанный образъ народной

нашей сущности, — образъ, который мы долго еще будемъ оттѣнять красками. Сфера душевныхъ сочувствій Пушкина не исключаетъ ничего, до него бывшаго, и ничего, что послѣ него было и будетъ правильнаго и органически-нашего. Сочувствія Ломоносовскія, Державинскія, ' Новиковскія, Карамзинскія, сочувствія старой русской жизни и стремленія новой, — все вошло въ его полную натуру, въ той строгой мѣрѣ, въ какой бытіе послѣ-потопное является сравнительно съ бытіемъ допотопнымъ, въ той мѣрѣ, которая опредѣляется русскою душою. Когда мы говоримъ здѣсь о русской сущности, о русской душѣ, — мы разумѣемъ не сущность народную, до-Петровскую, и не сущность послѣ-Петровскую, а органическую цѣлость: мы вѣримъ въ Русь, какова она есть, какою она оказалась или оказывается послѣ столкновеній съ другими жизнями, съ другими народными организмами, послѣ того, какъ она, воспринимая въ себя различные элементы, — одни брала и беретъ какъ родственные, другіе отрицала и отрицаетъ какъ чуждые и враждебные... Пушкинъ-то и есть наша такая, на первый разъ очеркомъ, но полно и цѣльно, обозначившаяся душевная физіономія, физіономія, выдѣлившаяся, вырѣзавшаяся уже ясно изъ круга другихъ народныхъ, *типовыхъ* физіономій, — обособившаяся сознательно, именно вслѣдствіе того, что уже вступила въ кругъ ихъ. Это нашъ самобытный типъ, уже мѣрявшійся съ другими европейскими типами, проходившій сознаніемъ тѣ фазисы развитія, которые они проходили, но боровшійся съ ними сознаніемъ, но вынесшій изъ этого процеса свою физіономическую, типовую самостоятельность.

Показать, какъ изъ всякаго броженія выходило въ Пушкинѣ цѣльнымъ это *типовое*, было бы задачей труда огромнаго.

Пушкинъ выносилъ въ себѣ все. Онъ долго, напримѣръ, носилъ въ себѣ въ юности мутно-чувственную струю ложнаго классицизма (эпоха лицейскихъ и первыхъ послѣ-лицейскихъ стихотвореній); изъ нея онъ вышелъ наивенъ и чистъ, да еще съ богатымъ запасомъ живучихъ силъ для противодѣйствія романтической туманности, отъ которой ничто не защищало несравненно менѣе цѣльный талантъ Жуковскаго. Эта мутная струя впослѣдствіи очистилась у него до наивнаго пластицизма древности, и, благодаря стройной мѣрѣ его натуры, ни

одна словесность не представитъ такихъ чистыхъ и совершенно ваятельныхъ стихотвореній, какъ Пушкинскія. Но и въ этомъ отношеніи, какъ онъ самъ, такъ и все, что пошло отъ него по прямой линіи (Майковъ, Фетъ въ ихъ антологическихъ стихотвореніяхъ), умѣли уберечься въ границахъ здраваго, яснаго смысла и здраваго, достойнаго разумно-нравственнаго существа, сочувствія...

Въ цѣльной натурѣ Пушкина и въ ея борьбѣ съ различными, тревожившими ее и пережитыми ею типами и заключается для насъ слово разгадки... Повторяю еще разъ — Пушкинъ все наше перечувствовалъ (разумѣется, только какъ поэтъ, въ благоуханіи): отъ любви къ загнанной старинѣ („Родословная моего героя“) до сочувствій реформѣ („Мѣдный всадникъ“); отъ нашихъ страстныхъ увлеченій эгоистически обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савелья („Капитанская дочка“); отъ нашего разума до нашей жажды самоуглубленія, жажды „матери пустыни“; и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія и весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита—смерть, которая унесла его столь же преждевременно, какъ братьевъ его по духу, такихъ же набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, Рафаэля Санціо и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все, разметывающееся въ ширину, и коренится какъ дубъ односторонняя глубина...

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить грани процессовъ, набросать полные и цѣльные, но одними очерками обозначенные идеалы, и такая-то натура была у Пушкина. Онъ наше все, не устану повторять я, не устану, *вопервыхъ*, потому, что находятся въ наше время критики, которые объявляютъ, что Пушкинъ умеръ весьма кстати, ибо иначе не сталъ бы въ уровень съ современными движеніями и пережилъ бы самого себя,—*вовторыхъ*, потому, что многіе блестящіе и проницательные умы, сознавая великое значеніе въ нашей жизни Пушкина, какъ воспитателя художественнаго, не обращаютъ вниманія на его нравственное значеніе, на то, что во всей современной литературѣ нѣтъ ничего истинно замѣчательнаго, что̀ бы въ зародышѣ своемъ не находилось у Пушкина.

Отзывы о Пушкинѣ.

Нѣсколько словъ о Пушкинѣ, какъ народномъ поэтѣ *.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому, иногда позабывшись, стремится Русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только-что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку Чеченца съ казакомъ,— слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣ-

*) Изъ сочиненій Н. В. Гоголя, т. 4, четвертое изданіе его наслѣдниковъ, стр. 105—107.

вецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ быть, оттого и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и отъ того произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную, магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностью проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду *.

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ ис-

*) Подъ именемъ Пушкина разсѣявалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это—обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. Это вначалѣ смѣшитъ, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости не прекращающимися. Такимъ образомъ начали наконецъ Пушкину приписывать: „Лѣкарство отъ холеры“, „Первую ночь“ и тому подобное. *Гоголь.*

кусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая піеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой піесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облаковъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышитъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерывъ, чтобъ отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: „изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что было“. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ, совершенно похожій: но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея напряженія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до этого, характеръ народа б. ч. былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно.

Отзывы о Пушкинѣ.

Пушкинъ и его способность перевоплощенія въ духъ чужихъ народовъ *.

Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ-быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю отъ себя: и пророческое. Да, въ появленіи его заключается для всѣхъ насъ, русскихъ, нѣчто безспорно пророческое. Пушкинъ какъ разъ приходитъ въ самомъ началѣ правильнаго самосознанія нашего, едва лишь начавшагося и зародившагося въ обществѣ нашемъ послѣ цѣлаго столѣтія съ Петровской реформы, и появленіе его сильно способствуетъ освѣщенію темной дороги нашей новымъ направляющимъ свѣтомъ. Въ этомъ-то смыслѣ Пушкинъ есть пророчество и указаніе. Я дѣлю дѣятельность нашего великаго поэта на три періода. Въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Пушкинъ подражалъ европейскимъ поэтамъ: Парни, Андрэ Шенье и другимъ, особенно Байрону. Да, безъ сомнѣнія, поэты Европы имѣли великое вліяніе на развитіе его генія, да и сохраняли вліяніе это во всю его жизнь. Тѣмъ не менѣе, даже самыя первыя поэмы Пушкина были не однимъ лишь подражаніемъ, такъ что и въ нихъ уже выразилась чрезвычайная самостоятельность его генія. Въ подражаніяхъ никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которыя явилъ Пушкинъ, напримѣръ, въ „Цыганахъ“ — поэмѣ, которую я всецѣло отношу еще къ первому періоду его творческой дѣятельности. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ. И если

*) Изъ рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго, произнесенной 8-го іюня 1880 г. въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности.

они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у цыганъ въ ихъ дикомъ, своеобразномъ бытѣ своихъ міровыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и нелѣпой жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударяются въ соціализмъ, котораго еще не было при Алеко, ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя, какъ и Алеко, что достигнутъ въ своемъ фантастическомъ дѣланіи цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ. И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого, да и какъ понять ему это: онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой, онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ какъ институтка въ закрытыхъ стѣнахъ. Ну и что же въ томъ, что, принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже, весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по вольности своего дворянства, маленькую фантазійку прельститься людьми, живущими „безъ закона", и на-время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Мишку? Понятно, женщина, „дикая женщина", по выраженію одного поэта, всего скорѣе могла подать ему надежду на исходъ тоски его, и онъ съ легкомысленною, но страстною вѣрой бросается къ Земфирѣ: „Вотъ, дескать, гдѣ исходъ мой, вотъ, гдѣ, можетъ быть, мое счастье, здѣсь, на лонѣ природѣ, далеко отъ свѣта, здѣсь, у людей, у которыхъ нѣтъ цивилизаціи и законовъ!" И что же оказывается: при первомъ столкновеніи своемъ съ условіями этой дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его — безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Отзывы о Пушкинѣ.

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но „гордый-то человѣкъ" реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить. Нѣтъ, эта геніальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса, „проклятаго вопроса", по народной вѣрѣ и правдѣ: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ", вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму. „Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ, найди себя въ себѣ, овладѣй собой, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою". Еще яснѣе рѣшеніе этого „проклятаго вопроса" выражено въ „Евгеніи Онѣгинѣ", поэмѣ уже не фантастической, но осязательно реальной, въ которой воплощена настоящая русская жизнь съ такою творческою силой и съ такой законченностію, какой и не бывало до Пушкина, да и послѣ его пожалуй.

* * *

Онѣгинъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга, непремѣнно изъ Петербурга, это необходимо было въ поэмѣ, и Пушкинъ не могъ упустить такой крупной реальной черты въ біографіи своего героя. Онѣгинъ это тотъ же Алеко, особенно потомъ, когда онъ восклицаетъ въ тоскѣ:

Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?

Но теперь, въ началѣ поэмы, онъ пока еще на половину фатъ и свѣтскій человѣкъ, и слишкомъ еще мало жилъ, чтобъ успѣть вполнѣ разочароваться въ жизни. Но и его уже начинаетъ посѣщать и безпокоить

Бѣсъ благородный скуки тайной.

Въ глуши, въ сердцѣ своей родины, онъ, конечно, не у себя, онъ не дома. Онъ не знаетъ, что ему тутъ дѣлать, и чув-

ствуетъ себя какъ бы у себя же въ гостяхъ. Впослѣдствіи, когда онъ скитается въ тоскѣ по родной землѣ и по землямъ иностраннымъ, онъ, какъ человѣкъ безспорно умный и безспорно искренній, еще болѣе чувствуетъ себя и у чужихъ себѣ самому чужимъ. Правда, и онъ любитъ родную землю, но ей не довѣряетъ. Конечно, слыхалъ и объ родныхъ идеалахъ, но имъ не вѣритъ. Вѣритъ лишь въ полную невозможность какой бы то ни было работы на родной нивѣ. Не такова Татьяна: это типъ твердый, стоящій твердо на своей почвѣ. Она глубже Онѣгина и, конечно, умнѣе его. Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ своимъ предчувствуетъ, гдѣ и въ чемъ правда, что и выразилось въ финалѣ поэмы. Можетъ быть, Пушкинъ даже лучше бы сдѣлалъ, еслибы назвалъ свою поэму именемъ Татьяны, а не Онѣгина, ибо безспорно она главная героиня поэмы. Это положительный типъ, а не отрицательный, это типъ положительной красоты, это апоѳеоза русской женщины, и ей предназначалъ поэтъ высказать мысль поэмы въ знаменитой сценѣ послѣдней встрѣчи Татьяны съ Онѣгинымъ. Но манера глядѣть свысока сдѣлала то, что Онѣгинъ совсѣмъ даже не узналъ Татьяну, когда встрѣтилъ ее въ первый разъ, въ глуши, въ скромномъ образѣ чистой, невинной дѣвушки, такъ оробѣвшей предъ нимъ съ перваго разу. Да и не могъ онъ узнать ее: развѣ онъ знаетъ душу человѣческую? Это отвлеченный человѣкъ, это безпокойный мечтатель во всю его жизнь. Не узналъ онъ ее и потомъ въ Петербургѣ, въ образѣ знатной дамы, когда, по его же словамъ, въ письмѣ къ Татьянѣ, „постигалъ душой всѣ ея совершенства“. Но это только слова. Она прошла въ его жизни мимо него неузнанная и неоцѣненная имъ; въ томъ и трагедія ихъ романа. Искатель міровой гармоніи, прочтя ей проповѣдь и поступивъ все-таки очень честно, отправился съ міровою тоской своею и съ пролитою въ глупенькой злости кровью на рукахъ своихъ, скитаться по родинѣ, не примѣчая ея и, кипя здоровьемъ и силою, восклицать съ проклятіями:

Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. Въ безсмертныхъ строфахъ романа поэтъ изобразилъ ее посѣтившею домъ этого столь чуднаго и загадочнаго для нея человѣка. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красотѣ и глубинѣ этихъ строфъ. Вотъ она въ его кабинетѣ, она разглядываетъ его книги, вещи, предметы, старается угадать по нимъ душу его, разгадать свою загадку, и „нравственный эмбріонъ“ останавливается наконецъ въ раздумьи, со странною улыбкой, съ предчувствіемъ разрѣшенія загадки, и губы ея тихо шепчутъ:

Ужъ не пародія ли онъ?

Да, она должна была прошептать это, она разгадала. Въ Петербургѣ, потомъ, спустя долго, при новой встрѣчѣ ихъ, она уже совершенно его знаетъ. Татьяна не испорчена: она, напротивъ, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того, что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это, какъ русская женщина, вполнѣ, въ этомъ ея апоѳеоза. Она высказываетъ правду поэмы. Кому же, чему же она вѣрна? Какимъ это обязанностямъ? Этому-то старику генералу, котораго она не можетъ же любить, потому что любитъ Онѣгина, и за котораго вышла потому только, что ее „съ слезами заклинаній молила мать“, а въ обиженной, израненной душѣ ея было тогда лишь отчаяніе и никакой надежды, никакого просвѣта? Да, вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему и ею гордящемуся. Пусть ее „молила мать“, но вѣдь она, а не кто другая, дала согласіе, она вѣдь, она сама поклялась быть честною женой его. Пусть она вышла съ отчаянія, но измѣна ея покроетъ его стыдомъ, позоромъ и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи другого? Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а и въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ не честный,

безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ-за того только, что тутъ мое счастье? Но какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастьи?

Чистая русская душа Татьяны рѣшаетъ вотъ какъ: „пусть, наконецъ, никто и никогда, а этотъ старикъ тоже, не узнаетъ моей жертвы и не оцѣнятъ ея, но не хочу быть счастливою, загубивъ другого!“. Тутъ трагедія, она и совершается, и перейти предѣла нельзя, уже поздно, и вотъ Татьяна отсылаетъ Онѣгина. Скажутъ: да вѣдь несчастенъ же и Онѣгинъ: одного спасла, а другого погубила. Позвольте, тутъ другой вопросъ, и даже, можетъ быть, и самый важный въ поэмѣ. Кстати вопросъ: почему Татьяна не пошла съ Онѣгинымъ? Я вотъ какъ думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, еслибъ умеръ ея старый мужъ и она овдовѣла, то и тогда бы она не пошла за Онѣгина. Надобно же понимать всю суть этого характера! Вѣдь она же видитъ, кто онъ такой: вѣчный скиталецъ увидалъ вдругъ женщину, которою прежде пренебрегъ, въ новой блестящей, недосягаемой обстановкѣ,—да вѣдь въ этой обстановкѣ-то, пожалуй, и вся суть дѣла. Вѣдь этой дѣвочкѣ, которую онъ чуть не презиралъ, теперь поклоняется весь свѣтъ,— свѣтъ, этотъ страшный авторитетъ для Онѣгина, несмотря на всѣ его міровыя стремленія, — вотъ вѣдь, вотъ почему онъ бросается къ ней ослѣпленный. Вотъ мой идеалъ, восклицаетъ онъ, вотъ мое спасеніе, вотъ исходъ тоски моей, я проглядѣлъ его, а „счастье было такъ возможно, такъ близко!“ И какъ прежде Алеко къ Земфирѣ, такъ и онъ устремляется къ Татьянѣ, ища въ новой причудливой фантазіи всѣхъ своихъ разрѣшеній. Да развѣ этого не видитъ въ немъ Татьяна, да развѣ она не разглядѣла его уже давно? Вѣдь она твердо знаетъ, что онъ въ сущности любитъ только свою новую фантазію, а не ее, смиренную какъ и прежде Татьяну! Вѣдь если она пойдетъ за нимъ, то онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо. У него никакой почвы, это былинка, носимая вѣтромъ. Не такова она вовсе: у ней и въ отчаяніи, и въ страдальческомъ сознаніи, что погибла ея жизнь, все-таки есть нѣчто твердое и незыблимое, на что опирается ея душа. Это ея воспоминанія дѣтства, воспоминанія родины, въ деревенской глуши, въ которой началась ея сми-

ренная чистая жизнь,—это „крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной няни“. О, эти воспоминанія и прежніе образы ей теперь всего драгоцѣннѣе. Тутъ уже многое, потому что тутъ цѣлое основаніе, тутъ нѣчто незыблемое и неразрушимое. Тутъ соприкосновеніе съ родиной, съ роднымъ народомъ, съ его святынею. А у него что̀ есть и кто онъ такой? Не идти же ей за нимъ изъ сострада́нія, чтобы только потѣшить его, чтобы хоть на время изъ безконечной любовной жалости подарить ему призракъ счастья, твердо зная напередъ, что онъ завтра же посмотритъ на это счастье свое насмѣшливо. Нѣтъ, есть глубокія и твердыя души, которыя не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ.

Итакъ въ „Онѣгинѣ“, въ этой безсмертной и недосягаемой поэмѣ своей, Пушкинъ явился великимъ народнымъ писателемъ, какъ до него никогда и никто. Онъ разомъ, самымъ мѣткимъ, самымъ прозорливымъ образомъ отмѣтилъ самую глубь нашей сути, нашего верхняго надъ народомъ стоящаго общества. Отмѣтивъ типъ русскаго скитальца, скитальца до нашихъ дней и въ наши дни, первый угадавъ его геніальнымъ чутьемъ своимъ, съ историческою судьбой его и съ огромнымъ значеніемъ его и въ нашей грядущей судьбѣ, рядомъ съ нимъ поставивъ типъ положительной и безспорной красоты въ лицѣ русской женщины, Пушкинъ, и, конечно, тоже первый изъ писателей русскихъ, провелъ передъ нами въ другихъ произведеніяхъ этого періода своей дѣятельности цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ. Главная красота этихъ типовъ въ ихъ правдѣ, правдѣ, безспорной и осязательной, такъ что отрицать ихъ уже нельзя, они стоятъ, какъ изваянные *). Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, а коль вѣра, стало быть и надежда, великая надежда за русскаго человѣка.

*) Это, по мнѣнію Достоевскаго, второй періодъ дѣятельности Пушкина, когда онъ „нашелъ свои идеалы въ родной землѣ, воспріялъ и возлюбилъ ихъ всецѣло своею любящей и прозорливою душой“.

Отзывы о Пушкинѣ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни —

сказалъ самъ поэтъ по другому поводу, но эти слова его можно прямо примѣнить ко всей его національной творческой дѣятельности.

Всѣ эти сокровища искусства и художественнаго прозрѣнія оставлены нашимъ великимъ поэтомъ какъ бы въ видѣ указанія для будущихъ, грядущихъ за нимъ художниковъ, для будущихъ работниковъ на этой же нивѣ. Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и послѣдовавшихъ за нимъ талантовъ. Не было бы Пушкина, не опредѣлилась бы, можетъ быть, такою непоколебимою силой наша вѣра въ нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народныя силы, а затѣмъ и вѣра въ наше грядущее самостоятельное назначеніе въ семьѣ европейскихъ народовъ.

* * *

Къ третьему періоду дѣятельности Пушкина можно отнести тотъ разрядъ его произведеній, въ которыхъ преимущественно засіяли идеи всемірныя, отразились поэтическія образы другихъ народовъ и воплотились ихъ геніи. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній явились уже послѣ смерти Пушкина. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигдѣ и ни у кого. Въ самомъ дѣлѣ, въ европейскихъ литературахъ были громадной величины художественные геніи — Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ великихъ геніевъ, который бы обладалъ такою способностью всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себя съ такою силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ-быть, съ ними народа, духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призванія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народно-

стямъ, европейскіе поэты чаще всего превоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по-своему. Даже у Шекспира, его италіянцы, напримѣръ, почти сплошь тѣ же англичане. Пушкинъ лишь одинъ изо всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность. Вотъ сцены изъ „Фауста“, вотъ „Скупой рыцарь“ и баллада: „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“. Перечтите „Донъ-Жуана“, и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не испанецъ. Какіе глубокіе, фантастическіе образы въ поэмѣ: „Пиръ во время чумы“! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи, эта чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы, эта пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,

это англійская пѣсня, это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго. Вспомните странные стихи („Странникъ“):

Однажды странствуя среди долины дикой.

Это почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора, — но развѣ это только переложеніе? Вотъ рядомъ съ религіознымъ мистицизмомъ, религіозныя же строфы изъ Корана или „Подражанія Корану“: развѣ тутъ не мусульманинъ, развѣ это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила ея? А вотъ и древній міръ, вотъ „Египетскія Ночи“, вотъ эти земные боги, сѣвшіе надъ народомъ своимъ богами, уже презирающіе геній народный и стремленія его, не вѣрящіе въ него болѣе. Нѣтъ, положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушки-

на, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а по-нашему и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и выразилась наиболѣе его національная русская сила, выразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко всемірности и ко всечеловѣчности? Ставъ вполнѣ народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотчасъ же, какъ только прикоснулся къ силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы. Тутъ онъ угадчикъ, тутъ онъ пророкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое для насъ Петровская реформа, и не въ будущемъ только, а даже и въ томъ, что уже было, произошло, что уже явилось во очію? Что означала для насъ эта реформа? Вѣдь не была же она только для насъ усвоеніемъ европейскихъ костюмовъ, обычаевъ, изобрѣтеній и европейской науки. Русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а, несомнѣнно, уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ. Мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію; къ единенію всечеловѣческому! Мы невраждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовію приняли въ душу нашу геніи чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племеныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ самаго перваго шагу различать, понимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безпорно все-европейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, „всечеловѣкомъ“, если хотите. И все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое.

Отзывы о Пушкинѣ.

Для настоящаго русскаго европейца и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени такъ же дорогъ, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію Петровской реформы, вы найдете уже слѣды и указанія этой мысли, этого мечтанія моего, если хотите, въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ, можетъ-быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобъ отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги! И впослѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, то-есть конечно не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовію всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону! Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Этому надлежало быть высказаннымъ. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ, я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: „это намъ-то, дескать, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?“ Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское можетъ быть изо всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина.

Отзывы о Пушкинѣ.

Воспитательное значеніе Пушкина *.

Чувство, лежащее въ основаніи произведеній Пушкина, всегда такъ тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно! И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной! Что составляетъ содержаніе мелкихъ піесъ Пушкина? Почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастія и горя всей его жизни. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не признаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна, она умиряетъ муку души и цѣлитъ раны сердца. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасно потому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина всякое чувство еще прекрасно, какъ чувство изящное. Мы здѣсь разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина всегда въ высшей степени прекрасна; нѣтъ, каждое чувство, лежащее въ основаніи каждаго его стихотворенія, изящно, граціозно и виртуозно само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка артиста. Есть всегда что-то особенно благородное, нѣжное, кроткое, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношѣства, образователемъ юнаго чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, мечтательнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута насквозь дѣйствительностью; она не кладетъ на лицо жизни бѣлилъ и румянъ, но показываетъ ее въ ея естественной, истин-

*) Изъ полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, ч. 8, стр. 395—396.

ной красотѣ; въ поэзіи Пушкина есть небо, но имъ всегда проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгорячающая воображеніе,— ложь, которая ставитъ человѣка во враждебныя отношенія съ дѣйствительностью, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безвременно и безплодно истощать свои силы на гибельную съ нею борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, такое артистическое изящество человѣческаго чувства! Нужны ли доказательства въ подтвержденіе нашей мысли? Почти каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ.

Значеніе Пушкина для русской исторіографіи *.

Значеніе Пушкина не ограничивается его мѣстомъ въ исторіи того, что онъ самъ считалъ собственно литературой, т. е. въ исторіи литературы художественной. У него есть мѣсто и въ болѣе тѣсной литературной области; въ его творчествѣ есть сторона спеціальная, но близкая всякому, для кого русское слово — родное. Его творенія представляютъ интересъ и для русскаго историка.

Нельзя обойти Пушкина въ нашей исторіографіи, хотя онъ не былъ историкомъ по ремеслу, — ни по призванію, прибавятъ, можетъ быть, иные. Вѣрнѣе, онъ только мало зналъ отечественную исторію, хотя и не меньше большинства образованныхъ русскихъ своего времени. Но онъ живѣе ихъ чувствовалъ этотъ недостатокъ и гораздо болѣе ихъ размышлялъ о томъ, что зналъ. Изъ его замѣтокъ и журнальныхъ статей видимъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него историческій трудъ Карамзина, какъ онъ слѣдилъ за современной исторической письменностью. По мѣрѣ созрѣванія его мысли и таланта усиливалась и его историческая любознательность Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ много занимал-

*) Въ сокращеніи рѣчь проф. В. О. Ключевскаго, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета 6-го іюня, въ день открытія памятника Пушкину (напечатана въ „Русской Мысли“ 1880 г., іюнь).

ся родной стариной даже въ архивахъ. Онъ иногда обращался къ русскому прошедшему, чтобы найти матеріалъ для поэтическаго творчества, взять фабулу для поэтическаго созданія. Но я хочу сказать не объ этихъ пьесахъ. „Борисъ Годуновъ", „Полтава", „Мѣдный Всадникъ" — читая ихъ, мы готовы забыть, что это — историческіе сюжеты: эстетическое наслажденіе оставляетъ здѣсь слишкомъ мало мѣста для исторической критики.

Иное значеніе имѣло для Пушкина ближайшее къ нему столѣтіе. Онъ выросъ среди живыхъ преданій и свѣжихъ легендъ XVIII в. Екатерининскіе люди и дѣла стояли къ нему ближе, чѣмъ онъ самъ стоитъ къ намъ. Тамъ онъ угадывалъ зарожденіе понятій, интересовъ и типовъ, которыми дорожилъ особенно или которые встрѣчалъ постоянно вокругъ себя. Объ этомъ вѣкѣ онъ заботливо собиралъ свѣдѣнія и зналъ много. Пушкинъ былъ историкомъ тамъ, гдѣ не думалъ быть имъ и гдѣ часто не удается стать имъ настоящему историку. „Капитанская дочка" была написана между дѣломъ, среди работъ надъ пугачевщиной; но въ ней больше исторіи, чѣмъ въ „Исторіи Пугачевскаго бунта", которая кажется длиннымъ объяснительнымъ примѣчаніемъ къ роману.

Нашъ XVIII в. гораздо труднѣе своихъ предшественниковъ для изученія. Главная причина тому — большая сложность жизни. Общество замѣтно пестрѣетъ. Вмѣстѣ съ соціальнымъ раздѣленіемъ увеличивается въ немъ и разнообразіе культурныхъ слоевъ, типовъ. Люди становятся менѣе похожи другъ на друга по мѣрѣ того, какъ дѣлаются неравноправнѣе. Съ половины вѣка выступаютъ рядомъ образчики типовъ разнохарактернаго и разновременнаго происхожденія.

Между этими типами есть одинъ. Онъ зародился лѣтъ 200 назадъ и, вѣроятно, долго проживетъ послѣ насъ. Ему трудно дать простое и точное названіе: въ разныя поколѣнія онъ являлся въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ. Достаточно указать на два имени въ его генеалогіи, чтобы видѣть степень его измѣнчивости. Едва ли не первымъ блестящимъ образчикомъ этого типа былъ администраторъ и дипломатъ XVIII в. А. Л. Ордынъ-Нащокинъ. Но скучающій отъ бездѣлья Евгеній Онѣгинъ былъ въ прямой нисходящей поэтическимъ

потомкомъ этого историческаго дѣльца. Дадимъ этому типу имя сложное, какъ и онъ самъ. Это — русскій человѣкъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ. Вотъ уже 200 лѣтъ этотъ типъ господствуетъ надъ остальными и по вліянію на наше общество и по своему интересу для историка.

Пушкинъ наблюдалъ вокругъ себя этотъ типъ и изъ этихъ наблюденій создалъ свою эпопею Евгенія Онѣгина. Сознательно или нѣтъ, на разновременныхъ варіантахъ того же типа съ особенной любовью останавливался онъ и въ преданіяхъ прошедшаго. Этимъ онъ и помогъ много историку въ изученіи любопытнаго типа. Въ длинномъ рядѣ эскизовъ и повѣстей, конченныхъ и не конченныхъ, въ „Арапѣ Петра Великаго", въ „Дубровскомъ", въ „Капитанской дочкѣ" и др. передъ читателемъ проходятъ разнохарактерныя фигуры этого типа, появлявшіяся на пространствѣ слишкомъ ста лѣтъ.

Позади ихъ всѣхъ стоитъ чопорный Гаврила Афанасьевичъ Р. въ „Арапѣ Петра В." Это — невольный, зачисленный въ европейцы по указу русскій. Всѣ его понятія и симпатіи принадлежатъ еще старой, не-европейской Россіи, хотя онъ не прочь послужить на новой службѣ и сдѣлать карьеру. Это еще не типъ европеизованнаго русскаго, а скорѣе русская гримаса европеизаціи, первая и кислая. Вкусъ новой культуры еще не привился; но это вопросъ недолгаго времени. Въ лицѣ молодого К., Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизаціи въ парижскихъ салонахъ, представленъ русскій петиметръ XVIII в., великосвѣтскій русскій шалопай на европейскую ногу, „скоморохъ", по выраженію стараго кн. Лыкова въ Арапѣ, или „обезьяна да не здѣшняя", какъ названъ онъ въ одной комедіи Сумарокова. Троекуровъ въ „Дубровскомъ" — постарѣвшій петиметръ въ отставкѣ, пріѣхавшій въ деревню дурить на досугѣ. У младшихъ петровскихъ дѣльцовъ часто бывали такія дѣти. Живя въ болѣе распущенное время, они теряли знанія и выдержку отцовъ, не теряя ихъ аппетитовъ и вкусовъ. Невѣжественный и грубый Троекуровъ, однако, старается дать дочери модное воспитаніе съ гувернеромъ французомъ и выдаетъ замужъ за самаго моднаго барина. Троекуровы родились при Елизаветѣ, процвѣтали въ столицѣ, дурили по захолу-

стьямъ при Екатеринѣ II, но посѣяны они еще раньше. Это — миніатюрныя провинціальныя пародіи временщиковъ столицы, которыхъ превосходно характеризовалъ гр. Н. Панинъ, назвавъ „припадочными людьми". „Какъ увидишь его, Троекурова, говорилъ мѣстный дьячекъ, — страхъ и ужасъ! а спинато сама такъ и гнется, такъ и гнется"... Особенно удался Пушкину въ „Дубровскомъ" кн. Верейскій, достойный зять Троекурова. Это — настоящее созданіе Екатерининской эпохи, цвѣтокъ, выросшій на почвѣ закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянскаго просвѣщенія. Кн. Верейскій — едва ли не самый ранній экземпляръ новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество съ конца царствованія Екатерины. За границей они растрачивали богатый дѣдовскій и отцовскій запасъ нервовъ и звонкой наличности и возвращались въ Россію платить долги. Кн. Верейскій *жилъ* за моремъ и, пріѣхавъ *умирать* въ Россію, напрасно пытался оживить угасшія силы и затѣями сельской роскоши, и расцвѣтшей на сельскомъ привольѣ дочерью Троекурова. Отсюда „непрестанная" скука кн. Верейскаго, которая съ его легкой руки стала непремѣнной особенностью дальнѣйшихъ видовъ этого типа. Дубровскій отецъ — лицо любопытное по своей литературной судьбѣ. Это — любимое некомическое лицо нашей комедіи XVIII в., ея Правдинъ, Стародумъ или какъ тамъ еще оно называлось. Но оно никогда не удавалось ей. Это потому, что екатерининская комедія хотѣла изобразить въ немъ человѣка стараго петровскаго покроя, а при Екатеринѣ II такой покрой выводился. Пушкинъ отмѣтилъ его вскользь, двумя-тремя чертами, и, однако, онъ вышелъ у него живѣе и правдивѣе, чѣмъ въ комедіи XVIII в. Среди образовъ XVIII в. не могъ Пушкинъ не отмѣтить и „недоросля" и отмѣтилъ его безпристрастнѣе Фонъ-Визина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ каррикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль — не каррикатура и не анекдотъ, а самое простое и вседневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это — самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля

или точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, уже человѣкѣ XIX в., „временъ новѣйшихъ Митрофанѣ“. Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ.

Такова у Пушкина коллекція художественно-историческихъ портретовъ, которые всѣ изображаютъ одинъ и тотъ же типъ въ его видоизмѣненіяхъ. Рядъ ихъ замыкается современникомъ поэта Е. Онѣгинымъ. Герой особаго рода, онъ, однако, сродни своимъ предшественникамъ: и Троекуровъ, и Верейскій, и Митрофаны всѣхъ сортовъ — всѣ они прямые или боковые его предки. Онѣгинъ — лицо, столько же историческое, сколько поэтическое. Мы знаемъ, чѣмъ *были* Онѣгины послѣ 1815 г. Поэма Пушкина разсказываетъ, чѣмъ *стали* они послѣ 1825 г. Это — Чацкіе, уставшіе говорить и съ разбитыми надеждами, а потому скучающіе. Позже, у Лермонтова они являются страдающими отъ скуки на горахъ Кавказа, какъ другіе въ то время страдали, хотя и не отъ одной скуки, за горами Урала.

Такъ у Пушкина находимъ довольно связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ за 100 лѣтъ слишкомъ. Когда эти лица рисовались, масса мемуаровъ XVIII в. и начала XIX в. лежала подъ спудомъ. Въ наши дни они выходятъ на свѣтъ. Читая ихъ, можно дивиться вѣрности глаза Пушкина. Пушкинъ — не мемуаристъ и не историкъ; но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристомъ онъ встрѣчаетъ — художника. Въ этомъ значеніе Пушкина для нашей исторіографіи, по крайней мѣрѣ, главное и ближайшее значеніе.

Отзывы о Пушкинѣ.

Вліяніе Пушкина на послѣдующихъ русскихъ поэтовъ *.

Всѣ знаменитости первой величины, конечно, не даромъ поступили въ такъ называемый „храмъ безсмертія": у всѣхъ у нихъ много, а у иныхъ, какъ, напримѣръ, у Пушкина, гораздо болѣе правъ на долговѣчность, нежели у Грибоѣдова. Ихъ нельзя близко и ставить одного съ другимъ. Пушкинъ громаденъ, плодотворенъ, силенъ, богатъ. Онъ для русскаго искусства то же, что Ломоносовъ для русскаго просвѣщенія вообще. Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху, самъ создалъ другую, породилъ школы художниковъ, — взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ и до чего не договорился Пушкинъ.

Несмотря на геній Пушкина, передовые его герои, какъ герои его вѣка, блѣднѣютъ и уходятъ въ прошлое. Геніальныя созданія его, продолжая служить образцами и источникомъ искусству — сами становятся исторіей. Мы изучили Онѣгина, его время, его среду, взвѣсили, опредѣлили значеніе этого типа, но не находимъ уже живыхъ слѣдовъ этой личности въ современномъ вѣкѣ, хотя созданіе этого типа останется неизгладимымъ въ литературѣ...

Отъ Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ теперь еще пока никуда не уйдешь. Школа Пушкино-Гоголевская продолжается доселѣ, и всѣ мы, беллетристы, только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ. Даже Лермонтовъ, фигура колоссальная, весь, какъ старшій сынъ въ отца, вылился въ Пушкина. Онъ ступалъ, такъ сказать, въ его слѣды. Его „Пророкъ" и „Демонъ", поэзія Кавказа и Востока, и его романы — все это развитіе тѣхъ образцовъ поэзіи и идеаловъ, какіе далъ Пушкинъ.

Пушкинъ, какъ я сказалъ, отецъ, родоначальникъ русскаго искусства, какъ Ломоносовъ — отецъ науки въ Россіи. Въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и зачатки, изъ которыхъ развились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ, какъ въ Аристотелѣ крылись сѣмена, зародыши и

---

*) Избранныя мѣста изъ полнаго собранія сочиненій И. А. Гончарова, т. 8, стр. 135, 239—241.

намеки почти на всѣ послѣдовавшія вѣтви знанія и науки. И у Пушкина, и у Лермонтова вѣетъ одинъ родственный духъ, слышится одинъ общій строй лиры, иногда являются будто одни образы, — у Лермонтова, можетъ быть, болѣе мощные и глубокіе, но за то менѣе совершенные и блестящіе по формѣ, чѣмъ у Пушкина. Вся разница въ моментѣ времени. Лермонтовъ ушелъ дальше временемъ, вступилъ въ новый періодъ развитія мысли, новаго движенія европейской и русской жизни и опередилъ Пушкина глубиною мысли, смѣлостью и новизной идей и полета. Пушкинъ, говорю, былъ нашъ учитель — и я воспитался, такъ сказать, его поэзіею. Гоголь на меня повліялъ гораздо позже и меньше; я уже писалъ самъ, когда Гоголь еще не закончилъ своего поприща. Самъ Гоголь, объективностью своихъ образовъ, конечно, обязанъ Пушкину же. Безъ этого образца и предтечи искусства — Гоголь не былъ бы тѣмъ Гоголемъ, какимъ онъ есть. Прелесть, строгость и чистота формы — тѣ же. Вся разница въ бытѣ, въ обстановкѣ и въ сферѣ дѣйствія — а творческій духъ одинъ, у Гоголя весь перешедшій въ отрицаніе.

Поэтому неудивительно, что черты Пушкинской, Лермонтовской и Гоголевской творческой силы — доселѣ входятъ въ нашу плоть и кровь, какъ плоть и кровь предковъ переходитъ къ потомкамъ.

Надо сказать, что у насъ, въ литературѣ, (да я думаю и вездѣ) особенно два главные образа женщинъ постоянно являются въ произведеніяхъ снова параллельно, какъ двѣ противоположности: характеръ положительный — Пушкинская Ольга и идеальный — его же Татьяна. Одинъ — безусловное, пассивное выраженіе эпохи, типъ, отливающійся, какъ воскъ, въ готовую, господствующую форму. Другой — съ инстинктами самосознанія, самобытности, самодѣятельности. Отъ того первый ясенъ, открытъ, понятъ сразу (Ольга въ Онѣгинѣ, Варвара въ „Грозѣ"). Другой, напротивъ, своеобразенъ, ищетъ самъ своего выраженія и формы, и отъ того кажется капризнымъ, таинственнымъ, мало-уловимымъ. Есть они у нашихъ учителей и образцовъ, есть и у Островскаго въ „Грозѣ"—въ другой сферѣ; они же, смѣю прибавить, явились и въ моемъ „Обрывѣ". Это два господствующіе характера, на которые въ основныхъ

чертахъ, съ разными оттѣнками, болѣе или менѣе дѣлятся всѣ женщины.

Дѣло не въ изобрѣтеніи новыхъ типовъ — да коренныхъ общечеловѣческихъ типовъ и немного, — а въ томъ, какъ, у кого они выразились, какъ связались съ окружающей ихъ жизнью, и какъ послѣдняя на нихъ отразилась.

Пушкинская Татьяна и Ольга какъ нельзя болѣе отвѣчали своему моменту... Пушкинъ, какъ великій мастеръ этики двумя ударами своей кисти, да еще нѣсколькими штрихами — далъ намъ вѣчные образцы, по которымъ мы и учимся безсознательно писать, какъ живописцы по античнымъ статуямъ.

Внѣшняя сторона производеній Пушкина *.

Приведемъ слова одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ филологовъ, весьма опредѣленно указывающія на состояніе нашего литературнаго языка и на значеніе Пушкина въ этомъ языкѣ. Вотъ что было сказано нѣсколько лѣтъ назадъ:

„Въ поэтическомъ словѣ Пушкина пришли къ окончательному равновѣсію всѣ стихіи русской рѣчи“.

„Изящество рѣчи Пушкина вышло не изъ хаоса. Хаосъ прекратился до него, и уже до него возникъ стройный и правильный порядокъ. Но въ дѣятельности нашего поэта окончилось развитіе этого порядка; въ ней, наконецъ, успокоился внутренній трудъ образованія языка; въ Пушкинѣ творческая мысль заключила рядъ своихъ завоеваній въ своей области, раздѣлалась съ нею, и освободилась для новыхъ задачъ, для иной дѣятельности. Настоящій русскій языкъ есть уже языкъ совершенно создавшійся, принявшій всѣ впечатлѣнія образующей силы и дающій полную возможность для всякаго умственнаго развитія“.

„Русскій языкъ, слава Богу, окончательно образовался и не нуждается ни въ какихъ блюстителяхъ. Писатели, которые

*) Выдержки изъ „Замѣтокъ о Пушкинѣ и др. поэтахъ“ Н. Страхова, стр. 21, 37—41.

въ настоящее время грѣшатъ противъ духа и законовъ языка, вредятъ только своей мысли: языку же вредить отнюдь не могутъ и заботы о немъ совершенно излишни".

„Геніемъ Пушкина завершенъ рядъ славныхъ усилій, которыя дали русскому слову силу всемірную, силу служить прекраснымъ орудіемъ духу жизни и развитія. Первый и главный признакъ полнаго равновѣсія, въ какое поэзія Пушкина привела всѣ стихіи русской рѣчи, видимъ мы въ совершенной свободѣ ея движеній".

„У Пушкина впервые легко и непринужденно сошлись въ одну рѣчь и церковно-славянская форма, и народное реченіе, и реченіе этимологически чуждое, но усвоенное мыслью, какъ ея собственное, ни одному языку исключительно не принадлежащее и всѣми языками равно признанное выраженіе". („Русск. В.", 1856, кн. 2. Статья М. Н. Каткова).

* * *

Пушкинъ не былъ нововводителемъ. Онъ не создалъ никакой новой литературной формы и даже не пробовалъ создавать. Онъ писалъ точно такіе же элегіи, посланія, поэмы, сонеты, романсы, какіе обыкновенно писались тогда у насъ и въ иностранныхъ литературахъ. „Евгеній Онѣгинъ" имѣетъ форму произведеній Байрона, форма „Капитанской дочки" взята съ романовъ Вальтеръ-Скотта, а „Борисъ Годуновъ" есть, повидимому, прямой сколокъ съ трагедій Шекспира. Чтобы убѣдиться, какъ мало было у Пушкина реформаторскихъ стремленій въ этомъ отношеніи, стоитъ припомнить, что на „Бориса Годунова" онъ смотрѣлъ какъ на огромное *нововведеніе* только потому, что до тѣхъ поръ трагедіи у насъ писались въ французской классической формѣ, и что ему пришлось *первому* вводить шекспировскую форму. „Борисъ Годуновъ", какъ извѣстно, былъ раскупленъ съ неслыханною быстротою, но въ литературѣ и между друзьями поэта былъ встрѣченъ холодомъ и молчаніемъ. Такъ какъ Пушкинъ былъ твердо увѣренъ во внутреннихъ достоинствахъ своего произведенія, то онъ приписывалъ его неуспѣхъ только одному — *новости* формы. Что же онъ вывелъ отсюда? Весьма любопытно, что онъ почти готовъ былъ обвинить самого себя. Вотъ что онъ писалъ:

Отзывы о Пушкинѣ.

„Каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную стороны. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы". (Т. I, стр. 146. Изд. Анненк.).

И нѣсколько далѣе:

„Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и не охотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. *Нововведенія* опасны и, *кажется, не нужны*", (стр. 147).

Въ этихъ словахъ выражается не одно огорченіе; они слишкомъ точны и ясны, и притомъ вполнѣ согласуются съ обыкновенною практикою Пушкина. Мы видимъ на опытѣ, что для него всѣ формы были равны; съ удивительною гибкостію онъ цѣнилъ и уловлялъ всѣ достоинства данной формы и умѣлъ приспособляться къ ея стѣсненіямъ. Вотъ отчего онъ былъ *скептикъ*, т. е. ни за какою формою не признавалъ ни безусловной законности, ни безусловной негодности; вотъ отчего онъ не былъ, какъ онъ выражается, *суевѣрно порабощенъ* формамъ, т. е. былъ вполнѣ свободенъ отъ нихъ, могъ по произволу держаться той, какая ему вздумается. Въ каждой онъ чувствовалъ себя почти одинаково ловко; онъ вливалъ въ нихъ обыкновенно столько содержанія, что оно, такъ сказать, поглощало форму.

Были въ его время привычные образы, привычныя украшенія для поэтическихъ произведеній; таковы, напримѣръ, миѳологическіе образы, Муза, Аполлонъ, Вакхъ, Киприда и пр. Пушкинъ цѣликомъ принялъ и до конца дней сохранилъ ихъ. Онъ употребляетъ ихъ даже въ самыхъ искреннихъ, вырвавшихся изъ сердца стихахъ:

Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На *играхъ Вакха и Киприды*, и пр.

И какъ хорошо выходитъ! Ибо дѣло всегда не столько въ словахъ и образахъ, сколько въ томъ, что они выражаютъ.

Любимый размѣръ Пушкина опять самый обыкновенный, самый общеупотребительный, — четырехстопный ямбъ Ломоносовскихъ одъ. Если мы вспомнимъ, какъ играли стихомъ Жуковскій, Дельвигъ и потомъ Лермонтовъ, то убѣдимся, что у Пушкина не было желанія разнообразить размѣры, или выдумывать новые. Его стихъ не ему принадлежитъ; онъ по справедливости долженъ быть приписанъ Ломоносову, владѣвшему имъ съ совершенно поэтическимъ мастерствомъ. Пушкинъ, написавшій самъ нѣсколько одъ (напр. „Чудесный жребій совершился", „Великій день Бородина", — при чемъ онъ только упростилъ форму строфы), нашелъ, сверхъ того, что нѣтъ нужды искать другихъ размѣровъ для другихъ родовъ стихотвореній, и что въ томъ же стихѣ онъ можетъ выражать и множество другихъ чувствъ. И здѣсь, форма для него была безразлична; стихъ получалъ другой звукъ вслѣдствіе внутренняго теченія рѣчи, а не внѣшняго своего размѣра.

Но всего яснѣе обнаружилась эта безпримѣрная гибкость и подвижность Пушкинскаго генія въ языкѣ. Пушкинъ такъ точно чувствовалъ значеніе, оттѣнокъ, красоту, физіономію каждаго слова и каждаго оборота словъ, что не исключалъ изъ своей рѣчи ни единаго слова и ни единаго оборота. Онъ употреблялъ ихъ всѣ, какъ скоро приходило ихъ мѣсто и наступала въ нихъ надобность. Поэтому, никакой изысканности, манерности, односторонности нѣтъ въ языкѣ Пушкина. Можно сказать, что онъ навсегда закончилъ образованіе нашего литературнаго языка; въ самомъ дѣлѣ, онъ лишилъ насъ возможности отличиться старомодностію или нововведеніями, потому что дѣломъ и примѣромъ разрѣшилъ литературѣ всякія старомодности и всякія нововведенія, съ однимъ условіемъ — чтобы они были умѣстны и нужны. Въ настоящее время можно и должно имѣть свой *слогъ*, но попытка имѣть свой языкъ невозможна и смѣшна, ибо это значило бы уклоняться отъ употребленія какихъ-нибудь словъ или оборотовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ именно они должны быть употреблены.

Отзывы о Пушкинѣ.

Вотъ почему у насъ нѣтъ писателя такого обильнаго словами и оборотами, какъ Пушкинъ. Въ этомъ и заключается истинное мастерство языка. Если сравнить языкъ Пушкина съ языкомъ Карамзина, то можно подумать, что языкъ Пушкина гораздо старѣе, такъ какъ въ немъ встрѣчается множество формъ, уже изгнанныхъ Карамзинымъ. Славянизмы, старыя слова также мало пугали Пушкина, какъ и формы простонародныя. До конца жизни онъ писалъ (особенно въ прозѣ) *сей*, *оный*, *токмо*, *потребный*, *являетъ* и т. д. Теперь, благодаря ему же, намъ это не странно; но прежде было не то, какъ свидѣтельствуетъ хотя бы война противъ *сихъ* и *оныхъ*.

Очень трудно, почти невозможно разумѣть что-нибудь опредѣленное подъ выраженіями *Пушкинскій стихъ*, *Пушкинскій слогъ*; и этотъ стихъ и этотъ слогъ до такой степени гибки и разнообразны, что ихъ, кажется, можно опредѣлить только отрицательными качествами, напр., отсутствіемъ всего лишняго, неумѣстнаго, односторонняго, монотоннаго. Такъ называемая Пушкинская фактура стиха едва ли не большею частію принадлежитъ Ломоносову, слѣдовательно есть какъ бы общая фактура, свойственная русскому языку. Несомнѣнно, что стихи Жуковскаго или Ломоносова имѣютъ особенности гораздо болѣе ясныя, гораздо большее своеобразіе въ звукѣ, чѣмъ безконечно разнообразные стихи Пушкина. Возьмите стихи:

О люди! Всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ, —
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Это чудесные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая простая русская рѣчь, которую можно характеризовать только тѣмъ, что въ ней нѣтъ ничего лишняго, ничего книжнаго, ничего натянутаго, и т. д. А вотъ другіе ямбы:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;

Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой...

Здѣсь также простота и отчетливость, но стихъ получилъ несравненную, волшебную музыкальность.

Рукописныя замѣчанія Пушкина на сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, выясняющія свойства стихотворной рѣчи *.

Тяжкая болѣзнь Батюшкова, въ которой онъ прожилъ почти тридцать пять лѣтъ вдали отъ всѣхъ знавшихъ его прежде, была причиной тому, что исторія началась для него заживо. Задолго до его кончины о немъ стали судить, какъ о покойникѣ, о дѣятелѣ прошлаго; дважды перепечатывались собранія его сочиненій безъ его вѣдома; онъ не зналъ, что критика поставила его въ рядъ русскихъ классическихъ писателей, непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина. Но хорошо зналъ это самъ Пушкинъ и всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ его таланту, къ „несозрѣвшимъ надеждамъ“, имъ внушеннымъ, и къ его дѣйствительнымъ заслугамъ на литературномъ поприщѣ.

Памятникомъ этого уваженія остается экземпляръ „Опытовъ“ Батюшкова, находившійся въ рукахъ Пушкина, вторая часть котораго, содержащая въ себѣ стихи, испещрена его рукописными замѣтками. Экземпляръ этотъ принадлежитъ старшему сыну поэта А. А. Пушкину. Благодаря содѣйствію П. И. Бартенева, Л. Н. Майковъ имѣлъ возможность разсмотрѣть эту драгоцѣнность, списалъ замѣтки Пушкина и напечаталъ въ книгѣ „Историко-литературные очерки“ статью: „Пушкинъ о Батюшковѣ“.

Замѣчанія Пушкина разбросаны на страницахъ книги случайно. Самая форма ихъ изложенія очень отрывочна. Обыкновенно Пушкинъ ограничивается двумя-тремя словами одобренія или порицанія, нерѣдко даже однимъ; иногда лишь ка-

*) Въ сокращеніи изъ „Историко-литературныхъ очерковъ“ Л. Н. Майкова, стр. 195—212, 214—217.

рандашная помѣта намекаетъ на то, что тѣ или другіе стихи обратили на себя вниманіе читателя: то сбоку отмѣтитъ онъ рядъ стиховъ, то подчеркнетъ отдѣльную строку или отдѣльное слово, то длинною чертой, проведенною черезъ все стихотвореніе, проявитъ свое неодобреніе.

Объ эпиграммахъ Батюшкова находимъ слѣдующую замѣтку Пушкина по поводу шутливаго „Отвѣта" А. И. Тургеневу (Оп., 153—156; Соч., I, 148—150): „Какъ неудачно почти всегда шутитъ Батюшковъ! Но его „Видѣніе" умно и смѣшно". Сатира „Видѣніе на берегахъ Леты" принадлежитъ къ числу стихотвореній, составившихъ первоначальную славу Батюшкова, и отзывъ Пушкина примыкаетъ къ общему мнѣнію объ этой піесѣ; но самъ авторъ, хотя и былъ доволенъ ею, однако сознавался, что „этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ".

Въ „Опытахъ" было помѣщено нѣсколько стихотворныхъ посланій Батюшкова къ друзьямъ, и въ томъ числѣ: „Мои Пенаты. Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому" (Оп., 121—137; Соч., I, 130—141). Въ этомъ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1811 году, поэтъ воспѣваетъ прелести мирной жизни у сельскаго домашняго очага. „Я назвалъ свое посланіе", писалъ Батюшковъ къ Вяземскому, — „посланіемъ къ Пенатамъ", потому что ихъ призываю въ началѣ, подъ ихъ покровительство зову къ себѣ въ гости и друзей, и дѣвокъ, и нищихъ, и, наконецъ, умирая, желаю, чтобъ они лежали и на моей гробницѣ". Вотъ какое сужденіе о „Моихъ Пенатахъ" находимъ мы въ замѣткахъ Пушкина: „Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланіи есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы — существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ — Суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ противорѣчитъ".

Перечитывая посланіе, Пушкинъ останавливается на его отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ перечеркиваетъ стихи 45—48:

Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!

какъ бы считая эти строки неумѣстными, однако сбоку пишетъ: „Сильные стихи“. Въ концѣ посланія, по поводу стиховъ 301—304:

Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?

находимъ такую замѣтку: „Стихи прекрасные, но опять то же противурѣчіе“. Этими словами Пушкинъ возвращается къ своей прежней мысли о смѣшеніи образовъ христіанскихъ съ языческими. Дѣло въ томъ, что Батюшковъ, за нѣсколько строкъ предъ описаніемъ панихиды, намекаетъ на свою смерть тѣмъ, что

Парки тощи
Нить жизни допрядутъ.

Заключительное замѣчаніе Пушкина показываетъ всю ту цѣну, какую онъ придавалъ знаменитому посланію: „Это стихотвореніе дышитъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна“.

И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!

замѣтка: „плоско“. Къ стиху 34:

Тогда я съ сильфами взлечу на небеса

приписано: „Вотъ сунуло куда!“ Наконецъ, стихи 39—43 отмѣчены чертою съ-боку и вызываютъ слѣдующее восклицаніе Пушкина: „Сильваны, нимфы и наяды — *межъ* сыромъ выписнымъ и гамбургскимъ журналомъ!“ Указывается, очевидно, на странное сочетаніе всѣхъ этихъ предметовъ въ стихахъ Батюшкова.

Также строги замѣчанія на посланіе къ А. И. Тургеневу (Оп., 142—145; Соч., I, 243—245). Къ стихамъ 19 и 20:

Лишь „дайте имъ!“ промолви — въ мигъ
Онѣ очутятся съ серьгами

приписано: „какъ плоско!“ Къ стихамъ 27—28:

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ

относится замѣтка: „Какая холодная шутка!“ Слово *но,* дважды встрѣчающееся въ стихахъ 29 и 30, даетъ поводъ къ отмѣткѣ: „Что за слогъ!“ Стихи 37—39:

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай — мнѣ сказывалъ мой дѣдъ

снабжены ироническою замѣткой: „Стихи достойные В. Л.“ (то-есть, Василья Львовича Пушкина). Въ стихѣ 50:

И стала грація *точь въ точь*

послѣднія слова подчеркнуты, и къ нимъ приписано: „опять!“ потому что тотъ же оборотъ рѣчи уже встрѣчался выше въ стихѣ 21. Заключительные стихи піесы:

Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

сопровождаются такою припиской: „Я не угадаю; если за здоровье Тургенева, то это плоско; если нѣтъ, такъ изъяснись. Охота печатать всякій вздоръ! *) Батюшковъ не виноватъ!“

Въ стихотвореніи „Отвѣтъ Гнѣдичу“ (Оп. 147; Соч., I, 67—68) начальные стихи:

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ

вызываютъ со стороны Пушкина шутку: „Батюшковъ женится на Гнѣдичѣ!“

*) Гнѣдичъ издавалъ „Опыты“ Батюшкова.

Отзывы о Пушкинѣ.

О посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (Оп., 160—166; Соч., I, 205—206) Пушкинъ отозвался такъ: „Цѣль посланія не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно".

Къ посланію къ Д. В. Дашкову (Оп., 77—80; Соч., I, 151—153) Пушкинъ отнесся съ похвалою. По поводу стиховъ 6—8:

Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ,
Я на распутьи видѣлъ ихъ...

онъ замѣчаетъ: „прекрасное повтореніе", а противъ стиховъ 23—26:

И тамъ, гдѣ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

пишетъ: „прелесть!".

По поводу стиха 40:

Мы „хвалимъ Господа" поемъ

онъ пишетъ: „*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы: *Царю Небесный*". За то стихъ 53:

Спокойся! Съ первыми громами

встрѣтилъ его одобреніе и сопровождается словомъ „прекрасно!".

Пушкинъ читалъ очень внимательно и снабдилъ многими замѣтками сказку „Странствователь и домосѣдъ". Такъ, по поводу стиха 4:

Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ

написано: „Стихъ не сказочный, натянутый". По поводу стиха 24:

Такіе завели другъ съ другомъ разговоры

читаемъ: „*Они* тутъ необходимо; *другъ съ другомъ* — нарѣчіе, а не существительныя имена". Въ стихахъ 34 и 35 подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *несходенъ* и *неспособенъ*. Въ стихѣ 97:

Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая

сдѣлана поправка: вмѣсто *въ полголосъ* поставлено „въ полголоса". Съ этого же стиха начинаются указанія на растянутость піесы. Подъ послѣдними стихами піесы читается окончатель-

ный приговоръ Пушкина: „Конецъ прекрасенъ. Но плана никакого нѣтъ, цѣли не видно — все вообще холодно, растянуто, ничего не доказываетъ и пр.“.

Посмотримъ, какъ онъ оцѣнивалъ достоинство переводовъ Батюшкова.

Изъ Тибулла Батюшковъ заимствовалъ три элегіи; переводы его не близкіе, что̀ называлось въ старину *вольные*, но они удачно сохраняютъ характеръ подлинника. Переводъ X-й элегіи I-й книги далъ Пушкину поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ. Къ стиху 29:

Мы *учинимъ* предъ нимъ обильны *возліянья*

—„проза“. Къ стихамъ 30 и 31:

Иль на чело его, въ знакъ *мирнаго вѣнчанья*
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей

приписано; „Увѣнчаемъ въ знакъ вѣнчанья!!!“ Къ стиху 44:

Обрызганъ кровію, *выигрываетъ бой*,

— „проза“. Наконецъ, стихи 46—48:

О подвигахъ своихъ рзсказываетъ древній воинъ,
Товарищъ юности и, сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ

вызываютъ со стороны Пушкина слѣдующую любопытную оговорку: „Было прежде: *чашъ пролитыхъ виномъ* — точнѣе“. По этому примѣру можно судить, какъ внимательно младшій поэтъ изучалъ старшаго, и какъ хорошо помнилъ то, что особенно нравилось ему и что особенно поражало въ произведеніяхъ учителя. Въ первоначальной редакціи Батюшковскаго перевода, помѣщенной въ „*Вѣстникѣ Европы*“ 1810 года и въ „Образцовыхъ Сочиненіяхъ“, стихъ 48 дѣйствительно читается такъ:

Пусть ратный станъ чертитъ *чашъ пролитыхъ виномъ*.

„Точнѣе“ въ словахъ Пушкина слѣдуетъ разумѣть не по отношенію къ болѣе вѣрной передачѣ подлинника, а къ большей точности русскаго выраженія; переводъ же Батюшкова въ обоихъ случаяхъ не близокъ, какъ можно видѣть по сравненію съ настоящими стихами Тибулла:

Отзывы о Пушкинѣ.

Ut mihi potanti possit sua dicere facta
Miles, et in mensa pingere castra mero.

Переводъ III-й элегіи III-й книги Тибулла вызвалъ со стороны Пушкина также немного замѣчаній. Онъ подчеркнулъ въ немъ два плохіе стиха, а именно стихъ 23:

Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!

и стихъ 39:

Когда суровыхъ *сестръ противно веретено...*

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній стихъ поразилъ Пушкина своею какофоніей, столь необычною въ гармоническихъ стихахъ Батюшкова. Кромѣ того, въ стихѣ 25:

Колѣнъ *предъ случаемъ* во вѣкъ не преклоняетъ

Пушкинъ нашелъ неудачнымъ или, можетъ быть, слишкомъ архаичнымъ употребленіемъ слова *случай* и приписалъ: „faveur — не то"; а въ стихѣ 38:

...Когда же паркъ *сужденье*

предложилъ замѣнить послѣднее слово другимъ, болѣе точнымъ выраженіемъ „приговоръ". Всего же любопытнѣе приписка, сдѣланная Пушкинымъ въ концѣ піесы: „Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ". Эти слова могутъ служить примѣромъ того, какъ изъ наблюденій надъ стихомъ Батюшкова Пушкинъ выводилъ общія правила стихотворной техники.

Въ стихахъ 4 и 5 піесы „Мщеніе" подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *невозвратно* и *пріятной*. О стихахъ 9 и 10 замѣчено: „лишнее и вялое". Стихи 12—15:

Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери *твоей*

сопровождаются критическимъ замѣчаніемъ: „И у Парни это мѣсто дурно, у Батюшкова хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравненіями". Кромѣ того, къ послѣднему слову стиха 15 предложена поправка: „своей" вмѣсто *твоей*. Далѣе, противъ стиха 17:

Отзывы о Пушкинѣ.

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей

замѣчено: „Что такое?“ Въ стихѣ 22 подчеркнуто некрасивое слово *краснѣяся,* а стихъ 23:

Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ

сопровождается восклицаніемъ: „Какой оборотъ!“ Къ стиху 48:

И *жребій* съ трепетомъ читаетъ

опять приписана поправка: „Должно быть: *свой* жребій“. О стихѣ 55:

Гдѣ юность пылкая *и взоръ считаетъ свой*

замѣчено: „темно,“ а по поводу заключительныхъ строкъ піесы:

Скажу: будь счастлива, въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы

читаемъ:

„Je dirai: qu'elle soit heureuse!
„Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur!

„Какая разница!“

Въ піесѣ „Привидѣніе“ (Оп., 39—42; Соч., I, 98—100) отмѣчены бѣдныя риѳмы въ стихахъ 40 и 41: *томной* и *подобной,* и подчеркнутъ дурной стихъ 58:

Часъ блаженнѣйшій!... но ахъ!

За то стихи 31—34:

Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ

сопровождаются отзывомъ: „прелесть“.

Наконецъ, знаменитая „Вакханка“ (Оп., 175—176; Соч., I, 261—262) дала поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ Пушкина. Къ стихамъ 11 и 12:

Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ

—„смѣло и счастливо“, а къ стихамъ 27 и 28:

И по рощѣ раздавались
„Эвоэ“ и нѣги гласъ

—„можетъ быть, слишкомъ громкое слово“. Кромѣ того, въ концѣ стихотворенія читаемъ: „Подражаніе Парни, но лучше подлинника, живѣе“.

Переводъ „Гезіода и Омира“ (Оп., 91—100; Соч., I, 247—251) встрѣченъ горячими похвалами Пушкина. Изъ сдѣланныхъ къ нему замѣтокъ лишь одна содержитъ въ себѣ неодобреніе, да и тутъ погрѣшность падаетъ, можетъ быть, не на самого Батюшкова, а на его издателя Гнѣдича. Дѣло въ томъ, что въ стихѣ 1 говорится о *Колхидѣ*, что подало поводъ къ такому восклицанію Пушкина: „невѣжество непростительное“. Дѣйствительно, вмѣсто Колхиды слѣдовало упомянуть Халкиду (городъ на островѣ Евбеѣ), ибо въ подлинникѣ читается Chalcis, а не Colchide. Далѣе стихи, 17—22 сопровождаются замѣткой: „прекрасно“. Къ стиху 23:

Пройдя изъ края въ край *гостепріимный міръ*

относится слѣдующее замѣчаніе: „Въ концѣ сказано: *Рожденный въ Самосѣ* и пр.: противурѣчіе“. Эта ссылка на послѣднія строки стихотворенія, въ которыхъ дѣйствительно говорится, что слѣпецъ Гомеръ нигдѣ въ Элладѣ не находитъ себѣ пристанища, а потому міръ въ отношеніи къ нему не можетъ быть названъ „гостепріимнымъ“. Затѣмъ, къ стихамъ 35—39 замѣтка: „прекрасно“. Противъ стиха 42 перевода изъ „Гезіода и Омира“ замѣчено:

О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

—„зачѣмъ *суровой?*“ Къ стихамъ 65 и 66:

и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги,

—„вотъ примѣръ удачной перемѣны цезуры“. Къ ст. 67:

И что жъ? Въ юдоли сей страдалецъ искони

—„библеизмъ неумѣстный“. Общее сужденіе Пушкина объ этомъ стихотвореніи видно изъ слѣдующихъ словъ, набросанныхъ подъ послѣдними строками піесы: „Вся элегія превосходна—жаль, что переводъ“.

Въ строфѣ 7-й къ стиху 5: „Плѣнникъ“

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ

приписано: „было прежде: *бѣлымъ снѣгомъ*". И дѣйствительно такой варіантъ находится въ „Образцовыхъ Сочиненіяхъ", гдѣ стихотвореніе Батюшкова было сперва напечатано. Въ строфѣ 8-й, въ стихѣ 2:

Гдѣ ждетъ меня *краса*

указано неправильное словоупотребленіе: „вмѣсто *красавица*; неудачно". Въ совершенно другомъ родѣ замѣтка къ послѣднимъ строкамъ строфы 2-й:

Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ

—„любимые стихи князя Петра Вяземскаго". Затѣмъ, въ концѣ стихотворенія набросано нѣсколько строкъ, въ которыхъ Пушкинъ соединилъ извѣстіе о происхожденіи піесы съ общимъ о ней отзывомъ: „Левъ Васильевичъ Давыдовъ въ плѣну у французовъ говорилъ одной женщинѣ: „Rendes-moi mes frimas". Батюшкову это подало мысль написать своего *плѣннаго*. Онъ не удаченъ, хотя полонъ прекрасными стихами. Русскій казакъ поетъ какъ трубадуръ, слогомъ Парни, куплетами французскаго романса".

Между ранними стихотвореніями Батюшкова встрѣчается піеса, о которой мы имѣемъ самый благосклонный отзывъ Пушкина: это — „Выздоровленіе" (Оп., 33—34; Соч., I, 49), стихотвореніе, написанное въ 1808 году. „Одна изъ лучшихъ элегій Батюшкова", говоритъ о немъ Пушкинъ. Въ текстѣ элегіи подчеркнутъ только стихъ 1:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

сопровождаемый любопытнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ строго Пушкинъ наблюдалъ точность въ поэтическихъ изображеніяхъ и поэтической рѣчи: „Не подъ *серпомъ*, а подъ *косою:* ландышъ растетъ въ лугахъ и рощахъ— не на пашняхъ засѣянныхъ". „Тѣни друга" (Оп. 48—51; Соч., I, 186—188) Пушкинъ говоритъ: „Прелесть и совершенство — какая гармонія!" Кромѣ того, о начальныхъ строкахъ этого стихотворенія онъ записалъ слѣдующее: „Дмитріевъ осуждалъ цезуру двухъ этихъ стиховъ. Кажется, несправедливо". „Пробужденіе" (Оп., 65; Соч., I, 225) дало случай къ двумъ замѣткамъ: къ стиху 9:

Ни быстрый бѣгъ коня ретива

—„усѣченіе гармоническое“, и къ послѣднимъ стихамъ:

И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами

—„смыслъ выходитъ: *холодными словами любви;* запятая не поможетъ“.

Къ „Воспоминанію“ (Оп., 38—32; Соч., I, 226—229), піесѣ, которая въ „Опытахъ“ была напечатана безъ второй, лучшей своей половины, относится лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Такъ, о стихахъ 10 и 11 сказано: „вяло“; къ стиху 24:

Средь *бурей* и *недугъ*

приписаны поправки: „бурь“, „недуговъ“; къ стиху 48:

Обитель древняя и доблести, и *нравовъ!*

отмѣтка: „галлицизмъ“. Затѣмъ о стихахъ 50—55, которыми піеса кончается въ „Опытахъ“, читаемъ: „Послѣдніе стихи славны своей гармоніей“.

Пушкинъ и его требованія отъ слога *.

Пушкинъ признаетъ однимъ изъ главныхъ требованій отъ слога — простоту его — качество, положенное имъ въ основу слога собственныхъ произведеній.

Пушкинъ цѣнилъ всякое проявленіе этой простоты, у кого бы ни находилъ ее. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, въ ноябрѣ 1823 г., онъ пишетъ: „Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“.

Недостатокъ простоты слога Пушкинъ высмѣивалъ, пародируя изысканныя выраженія писателей. Вотъ примѣръ изъ

*) Выбранныя мѣста изъ сочиненій Пушкина въ изданіи Л. Поливанова, т. 5-й, „О слогѣ“, стр. 5—7.

письма его къ брату Льву въ декабрѣ 1824: „Не забудь (прислать) и — говоря по-Делилевски — витую сталь, пронзающую главу бутылки, т. е. штопоръ“.

Въ поэтическомъ слогѣ цѣнилъ Пушкинъ то, что называлъ „размашкою слога“. Такъ, въ письмѣ отъ 25 мая 1825 г. къ Вяземскому онъ отдаетъ слогу Рылѣева предпочтеніе предъ слогомъ Козлова, имѣя въ виду эту живость его: „Эта поэма (Чернецъ), конечно, полна чувства и умнѣе „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ“. Достатачно было замѣтить Пушкину реторичность — и произведеніе болѣе не заслуживало его пощады. Такъ „Думы“ Рылѣева вызываютъ такой отзывъ: „Зато „Думы“ дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Что касается слога Д. Давыдова, то, по свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго, самъ Пушкинъ высказывалъ, что въ молодости старался подражать ему въ „крученіи стиха“, но это подраженіе не оставило слѣдовъ на произведеніяхъ Пушкина, свободныхъ отъ всякой искусственности. „Цвѣтущій“ слогъ и „блескъ“ его Пушкинъ, какъ видно изъ слѣдующей замѣтки о слогѣ, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ ставилъ въ неразрывную связь съ содержаніемъ. То же читаемъ въ его статьѣ „Вольтеръ“ гдѣ по поводу стихотворенія Вольтера къ сосѣду при посылкѣ ему розановъ, Пушкинъ замѣчаетъ: „Признаемся въ гососо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей“.

Въ противоположность пристрастію къ избитымъ изысканнымъ длиннотамъ слога, Пушкинъ высказываетъ требованіе въ выборѣ выраженій, если писатель отступаетъ отъ совершенной простоты слога. Какъ онъ самъ былъ строгъ въ точности даже поэтическаго языка своего, можно видѣть въ его письмахъ многократно. Такъ, желая похвалить стихи Плетнева онъ указываетъ „поэтическую точность“ выраженій. Съ

особеннымъ удовольствіемъ замѣчаетъ Пушкинъ успѣхъ Дельвига въ этомъ отношеніи: „Дельвигъ!... поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало". Какъ Пушкинъ задумывался надъ точнымъ значеніемъ каждаго слова, свидѣтельствуютъ, напр., слѣдующія строки его писемъ къ кн. Вяземскому, „Подъ в-л-а-ж-н-о-й буркой". Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда не чѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности". „На берегу завѣтныхъ водъ". Кубань — граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать обонполъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ „Вѣстника Европы" (14 окт. 1823). Такъ защищалъ Пушкинъ каждое слово свое отъ чужихъ нападеній. Еще примѣръ въ письмѣ къ кн. Вяземскому же: „Отвѣчаю на твою критику (по поводу письма Татьяны, см. т. IV, стр. 213): Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ, все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ (Татьяны). Письмо женщины, къ тому же 17-ти лѣтней, къ тому же влюбленной"! (29 нояб. 1824 г.). Критикуя стихи самого кн. Вяземскаго, онъ не пропускаетъ замѣтить. „Еще мучительнѣй вдвойнѣ" — едва ли не плеоназмъ" (въ февр. 1825) „Но ты, питомецъ тайной бури". Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли?... „Я созвалъ *нежданныхъ* гостей" — прелесть. Не лучше ли *незванныхъ*? Нѣтъ, cela serait de l'esprit".—Очень довольный „Мареой Посадницей" Погодина со стороны содержанія, Пушкинъ прибавляетъ: „Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ" (пис. къ Погодину въ дек. 1830). Съ другой стороны Пушкинъ отнюдь не стоялъ за ту „правильность" поэтическаго языка, которая обезцвѣчиваетъ языкъ. Вотъ, напр., его отзывъ о стихотвореніяхъ одного изъ лицеистовъ 1829 г. Деларю: „Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я никакого творчества, а много искусства.

Отзывы о Пушкинѣ.

Пушкинъ о русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ.

Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

* * *

Въ „Запискахъ" А. О. Смирновой приведенъ слѣдующій разговоръ между А. С. Пушкинымъ и А. С. Хомяковымъ:

Пушкинъ. Поэзія Библіи особенно доступна для чистаго воображенія; передавать этотъ удивительный текстъ современнымъ языкомъ — это кощунство даже относительно эстетики, вкуса и здраваго смысла. Мои дѣти будутъ читать вмѣстѣ со мною Библію въ подлинникѣ.

Хомяковъ (спрашиваетъ Пушкина). Посхавянски?

Пушкинъ (отвѣчаетъ). Пославянски; я самъ ихъ обучу ему. Сказки моей бабушки и Арины были скорѣе славянскія, чѣмъ русскія; нашъ народъ понимаетъ лучше славянскій, чѣмъ русскій, литературный языкъ. Ты не будешь оспаривать это, великій славянинъ? (Записки А. О. Смирновой, ч. I, стр. 10).

Какое мѣсто должны занимать сочиненія Пушкина въ сельской школѣ въ ряду другихъ книгъ для чтенія? *.

Вотъ что представляется мнѣ достижимымъ (между прочимъ) при четырехлѣтнемъ курсѣ ученія въ сельской школѣ:

Умѣніе читать съ полнымъ пониманіемъ доступную по содержанію прозу и стихотворенія Пушкинскаго періода. Всякій

*) Изъ сочиненія „Сельская школа" („Сборникъ статей", изданіе 3, стр. 55—60), бывшаго профессора Московскаго Университета, уже давно удалившагося въ родовое свое имѣніе Татево (Смоленской губ. Ржевскаго уѣзда) и трудящагося въ качествѣ простого учителя въ сельской школѣ.

хорошій ученикъ дѣльной сельской школы на 15-мъ году съ наслажденіемъ прочитаетъ „Капитанскую дочку“ и „Дубровскаго,“ „Бориса Годунова“, „Русалку“ и „Полтаву“.

Вся наша послѣ Пушкинская литература (за исключеніемъ развѣ разсказовъ А. Печерскаго) для него абсолютно неудобоварима.

Остановимся на этомъ замѣчательномъ явленіи. О немъ стоитъ подумать. Въ немъ есть двѣ стороны, которыя слѣдуетъ строго различать.

Первымъ препятствіемъ къ проникновенію въ народъ нашей новѣйшей литературы служитъ ея языкъ, и это опять въ двухъ отношеніяхъ. Языкъ этотъ все болѣе и болѣе обременяется, отчасти по нуждѣ, отчасти изъ небрежности, иностранными словами. Изъ газетъ, гдѣ эти слова часто неизбѣжны, они все болѣе и болѣе переходятъ въ журналы и книги, становятся необходимыми словари иностранныхъ словъ, необходимыми и въ сельской школѣ, не для учениковъ, а для учителей, которые безъ ихъ помощи не могутъ прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьезной книги.

Другое отличіе нашего современнаго литературнаго языка отъ языка Пушкинскаго періода заключается въ злоупотребленіи свободною, лишенною всякой симметріи періодическою формою, въ накопленіи вводныхъ и придаточныхъ предложеній, слабо сцѣпленныхъ между собою, — складъ рѣчи Гоголевскій, дающій писателю неограниченный просторъ для развитія и окраски своей мысли, но затрудняющій быстрое пониманіе и плавное чтеніе.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь Гоголевскій періодъ русской литературы остается и навсегда останется недоступнымъ русскому народу. Онъ не болѣе, какъ яркое отраженіе переходнаго состоянія русскаго. отчасти европейскаго общества, отраженіе такихъ внутреннихъ процессовъ его сознанія, которое не имѣетъ ни общечеловѣческаго, ни всенароднаго значенія. Нужно было пережить то, что пережило нынѣ старѣющееся поколѣніе, чтобы понять вполнѣ Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова.

Отзывы о Пушкинѣ.

Само собою разумѣется, что тутъ я говорю о результатахъ ученія въ сельской школѣ, а не о томъ матеріалѣ, который можетъ служить ему орудіемъ. Сказать два слова объ этихъ результатахъ необходимо, ибо сельская школа есть школа окончательная, а не подготовительная. Но и при этой оговоркѣ боюсь, чтобы сказанное мною не показалось страннымъ многимъ изъ моихъ читателей. Смѣю увѣрить ихъ, однако, что я говорю не на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а на основаніи опыта, купленнаго длиннымъ рядомъ исканій и ошибокъ. Сохраняю постоянныя сношенія съ бывшими учениками моей школы. Они гостятъ въ ней подолгу на святкахъ, проводятъ со мною цѣлые дни передъ праздникомъ для спѣвокъ. Имѣю случай много читать съ ними, много говорить съ ними о томъ, что они читаютъ. Что же дѣлать, если вся наша поддѣльная народная литература претитъ имъ, и мы принуждены обращаться къ литературѣ настоящей, неподдѣльной? Если при этомъ оказывается, что Некрасовъ и Островскій имъ въ горло не лѣзутъ, а слѣдятъ они съ замираніемъ сердца за терзаніями Брута, за гибелью Коріолана? Если Мильтоновскій сатана имъ понятнѣе Павла Ивановича Чичикова? („Потеряннаго Рая“ я и не думалъ заводить, они сами притащили его въ школу). Если „Записки Охотника“, этотъ перлъ Гоголевскаго періода, по прозрачной красотѣ формы принадлежащій Пушкинскому, оставляетъ ихъ равнодушными, а Ундина Жуковскаго съ первыхъ стиховъ овладѣваетъ ими? Если имъ легче проникнуть съ Гомеромъ въ греческій Олимпъ, чѣмъ съ Гоголемъ въ бытъ петербургскихъ чиновниковъ?

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотныхъ крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ и для учителей сельской школы, — вовсе не существуетъ? Что та „рабья манера писать“, въ которой она все болѣе изощряется, въ которой въ сущности и заключается весь ея вредъ для полуобразованныхъ классовъ, дѣлаетъ ее совершенно недоступною и непонятною для того грамотнаго люда, который стоитъ на ступени образованія элементарнаго, хотя бы самаго тщательнаго?

Но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ

и кончая Борисомъ Годуновымъ. Когда я еще не приступалъ къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый, реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ — бодрой вѣры и трезваго смиренія, міръ духовной жажды и здраваго смысла, — этотъ міръ столь новый и какъ будто давно знакомый, это его міръ, съ ранняго дѣтства плѣнявшій и манившій насъ. Онъ его пѣвецъ, онъ его пророкъ...

Пушкинъ! Наше образованное общество недостойно такого поэта. Да, мы воздвигли ему памятникъ. Мы рукоплескали вдохновеннымъ рѣчамъ, которыми немногіе избранные почтили его память. Но гдѣ тотъ „памятникъ нерукотворный“, который онъ воздвигъ себѣ, который онъ намъ ввѣрилъ, умирая? Онъ повергнутъ во прахъ, кучами грязи засыпана къ нему народная тропа.

Экземпляръ сочиненій Пушкина необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ, — единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество, это всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсные предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль.

ВАЖНѢЙШІЯ СОЧИНЕНІЯ

и

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ,

какъ пособія при изученіи Пушкина.

Кромѣ указанныхъ въ примѣчаніяхъ на страницахъ настоящей книги сочиненій, откуда заимствованы для нея выдержки, можно указать еще и на слѣдующіе печатные труды:

Анненковъ, П. В. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.
Его же. „Общественные идеалы Пушкина“.
Его же. „Литературные проэкты Пушкина“.
Бартеневъ, П. И. „Родъ и дѣтство Пушкина“ („Отеч. Зап.“ 1853, 11).
Его же. „А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи“.
Майковъ Л. Н. „Замѣтка по поводу 7 тома сочиненій Пушкина“ („Библіографич. Зап.“ 1858, т. 1).
Пыпинъ, А. Н. „Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ.
Гротъ, Я. К. „Первенцы Лицея и его преданія“ („Складчина“, 1874 г.).
Его же. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“.
Вяземскій, П. „А. С. Пушкинъ, по документамъ остафьевскаго архива 1815—1825 г.“. Тоже, 1826—1837 („Русск. Архивъ“, 1884).
Сухомлиновъ, М. И. „Императоръ Николай Павловичъ, цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина“. („Историч. Вѣстн.“ 1884, № 1).
Межовъ, В. И. Puschkiniana. Библіографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина. (Указатель литературы о Пушкинѣ до 1886 г.).
Пономаревъ, С. И. „Пушкинъ въ родной поэзіи“.
Дружининъ. „А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій“ („Библіотека для чтенія“, 1855, т. 130. Сочин. Дружинина, т. VI).
Аверкіевъ. „Письма о Пушкинѣ“ („Русскій Вѣстникъ“, 1880).
Зѣлинскій, В. „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина“ (Критика 20-хъ и начала 30-хъ годовъ, семь частей).
Воскресенскій, С. „Евгеній Онѣгинъ“ (Разборъ романа).
Его же. Лирика Пушкина.
Трубачевъ, С. Пушкинъ въ русской критикѣ 1820—1880 гг.
Спасовичъ. Собраніе его сочиненій.

Ждановъ, И. О драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ".

Бѣлоруссовъ, И. Къ литературѣ о Пушкинѣ.

Черняевъ, Н. „Капитанская дочка" Пушкина. Историко-критическій этюдъ. („Русское Обозрѣніе" 1897 г. и отдѣльная книжка).

Его же. „Пророкъ" Пушкина въ связи съ его подражаніями Корану („Русск. Обозрѣніе" 1897 г., отд. книжка).

Сумцовъ, Н. Этюды о Пушкинѣ („Русск. Филол. Вѣстникъ" съ 1893 г.).

Катковъ, М. Н. „Пушкинъ". („Русск. Вѣстн." 1856 г. янв. и мартъ).

Жуковскій, В. А. „Послѣднія минуты Пушкина" (Сочин. Жуковскаго, изд. Ефремова, т. 6, стр. 8—22).

Записки А. О. Смирновой. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.) 2 части.

Вѣнокъ на памятникъ Пушкину. Пушкинскіе дни въ Москвѣ, Петербургѣ и др. городахъ; рѣчи и чтенія по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1880 г.

Южиковъ, С. Любовь и счастіе въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. (Одесса, 1895 г.).

Павлищева, Л. „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ" (изъ семейной хроники). Съ алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Сиповскій, В. В. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). Спб. 1899 г.

Тихонравовъ, И. С. Т. III, ч. 2. Рѣчь на торжественномъ актѣ Московскаго Университета.

Кирпичниковъ, А. И. „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Ефрона; т. XXV, кн. 50, стр. 826. А. С. Пушкинъ.

Шляпкинъ И. А. Къ біографіи Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). Спб. 1898.

ПЕРЕВОДЫ
ВАЖНѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПУШКИНА
на иностранные языки.

НА ФРАНЦУЗСКІЙ:

„Борисъ Годуновъ“: Ле-Фюре (1831); N. (1858); Дюпонъ (Спб.); Тургенева и Віардо (1862); Порри (1870); Энгельгардтъ (1875).

„Евгеній Онѣгинъ“: Беезо (1868); Михайлова (1882).

„Русалка“: Тургенева и Віардо (1862).

„Бахчисарайскій фонтанъ“: Репей (1830); Голицына (1838); Порри (1837).

„Цыганы“: неизвѣстнаго (1828); Мещерскаго (1845); Мериме (1852). Порри (1857).

„Кавказскій плѣнникъ“: М. А. (1829); Порри (1858).

„Полтава“: неизвѣстнаго (1829); Порри (1858); Михайлова (1888).

„Графъ Нулинъ“: де-Лаво (1829).

„Домикъ въ Коломнѣ“: Порри (1871).

„Каменный гость“: N. (1858); Тургенева и Віардо (1862).

„Моцартъ и Сальери“: Энгельгартъ (1875).

„Скупой рыцарь“: N. (1858); Тургенева и Віардо (1862); Энгельгартъ (1875).

„Капитанская дочка“: Віардо (1854); Фру-де-Фонпертюи (1859).

„Мѣдный Всадникъ“: А. Дюма (1865).

„Пиковая дама“: Жюльвекуръ (1843); Мериме (1849) (вошло и въ его „Nouvelles“ 1852).

„La Balalayka“ (13 стихотореній Пушкина). Julvecourt.

„Les Boréales“ (1839). Мещерскій.

„Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine“ (1846). Dupont.

„Oeuvres dramatiques d'Alexandre Pouchkine“ (1858). N.

„Pcëmes dramatiques“ (1862). Тургенева и Віардо.

„Oeuvres de Pouchkine“ (1875). Engelhardt.

НА НѢМЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Борисъ Годуновъ“: неизвѣстнаго (1871); Липперта (1840); неизвѣстнаго (1853); Боденштедта (1854); Лёве (1869); Филиппеуса (1885); Фидлера (1886).

„Евгеній Онѣгинъ“: Липперта (1860); Lupus (1860); Боденштедта (1866) Зеуберта (1872); Блюменталя (1878).

„Русалка": Боденштедта (1854); Лёве (1869); Фидлера (1891).
„Бахчисарайскій фонтанъ": Вульферта (1820); Липперта (1840).
„Цыганы": Шмита (1840); Липперта (1840); Минцлова (1854); Опица 1859) Ашарина (1877).
„Полтава": Липперта (1840); Боденштедта (1866); Ашарина (1877).
„Графъ Нулинъ": Боденштедта (1866).
„Моцартъ и Сальери": Фидлера (1879).
„Скупой рыцарь": Фидлера (1891).
„Каменный гость": Боденштедта (1854).
„Капитанская дочка": Требстъ (1848); Вольфсонъ (1848); Ланге.
„Кавказскій плѣнникъ": неизвѣстнаго (1823); Опица (1859); Ашарина (1877); Липперта (1840); Зеуберта (1872).
„Пиковая дама": Мейеръ фонъ-Вальдекъ (1878).
„Исторія Пугачевскаго бунта": Брандейсъ (1840).
Lippert: „Puschkin's Dichtungen" (1840). Лейпцигъ.
Tröbst und Sabinin: „Novellen von A. Puschkin" (Іена, 1840).
F. Bodenstedt: „A. Puschkin's poetische Werke" (Берлинъ, 1854, 1866).
Opitz: „Dichtungen von A. Puschkin und Lermontoff" (Берлинъ, 1859).
Wald: „Anthologie Russischer Dichter" (Одесса, 1860).
Schmidt: „Gedichte von A. Puschkin (Висбаденъ, 1873).
Ascharin: „Dichtungen von Puschkin und Lermontoff" (Дерптъ, 1877; 2-е изд. Ревель, 1885).
Fiedler: „Dichtungen von Puschkin, Kriloff, Kolzoff und Lermontoff". Спб. 1879.
Fiedler: полный переводъ лирическихъ стихотвореній Пушкина (1897).
V. Lange: Ausgewählte Novellen von Puschkin" (Лейпцигъ, 1882).

НА ИТАЛЬЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Евгеній Онѣгинъ": Делятръ (1856); Безобразовой (1858.
„Кавказскій плѣнникъ": Rocchigiani (1834); неизвѣстнаго (1837); Делятръ (1856).
„Бахчисарайскій фонтанъ": Делятръ (1856).
„Цыганы": Делятръ (1856).
„Полтава": Делятрь (1856).
„Графъ Нулинъ": Делятръ (1856).
„Капитанская дочка"; неизвѣстнаго (1876).
Wahltuch: „Poesie di Pouchkine" (Одесса, 1855).
Delatre: Racconti poetici di Pouchkine" (Firenze, 1856).
„Русскія мелодіи. Легенды, лирическія стихотворенія и поэмы". Новый итальянскій переводъ Фулька и Чіамполи, подъ редакціей де-Губернатиса (Лейпцигъ, 1881).

НА АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Евгеній Онѣгинъ": Сэльдингъ (1881).
„Бахчисарайскій фонтанъ": Левисъ (1849).
„Капитанская дочка": Буханъ Тельферъ (1875); Годфрей Игельстремъ и Пери Истонъ (1883).
„Дубровскій": Кина (1894).
Buchan Telfer: „Russian romance by A. Pouchkine" (Лондонъ, 1875).

Переводы Сотерланда Эдуардса.
Переводы прозаическихъ разсказовъ Пушкина. Кина (1894).

НА ПОЛЬСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Евгеній Онѣгинъ“: Сикорскаго (1847).
„Кавказскій плѣнникъ“: неизвѣстнаго (1828).
„Бахчисарайскій фонтанъ“: Рогальскаго (1826); N. I. Z. (1828); Адольфа, В. (1831); Дашковскаго (1845).
„Цыганы“: Дашковскаго (1845); Добржанскаго (1881); Янишевскаго (Варшава).
„Полтава“: Юсевича (1834).
„Мѣдный Всадникъ“: Шимановскаго (1843).

НА МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Полтава“: Гребенки (1836).

НА ГОЛЛАНДСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Кавказскій плѣнникъ“: неизвѣстнаго (1840).
„Капитанская дочка“: неизвѣстнаго (1853).

НА СЕРБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

„Полтава“: неизвѣстнаго (1867).
„Дубровскій“: Милутина (1861).

НА ВЕНГЕРСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Евгеній Онѣгинъ“: Берчи (1865).

НА БОЛГАРСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Русалка“: Величкова (1873).

НА ИСПАНСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Капитанская дочка“: V. S. C. (1879).

НА ЛАТЫШСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Борисъ Годуновъ“: Ронталера (1832).
„Русалка“: неизвѣстнаго (1877).
„Капитанская дочка“: неизвѣстнаго (1876).

НА РУМЫНСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Капитанская дочка“: неизвѣстнаго (1875).

НА ХОРВАТСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Евгеній Онѣгинъ“: Димитровича (1860); Тернскаго (1881).
„Полтава“: Димитровича (1869).
„Русланъ и Людмила“: Димитровича (1860).

НА ШВЕДСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Бахчисарайскій фонтанъ“: неизвѣстнаго (1883).
„Капитанская дочка“: Меурманъ (1841).

НА ДАТСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Капитанская дочка“; Торсонъ (1843).

НА НОРВЕЖСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Капитанская дочка“: неизвѣстнаго (1882).

НА ЧЕШСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Бахчисарайскій фонтанъ“: Бендль (1854).
„Капитанская дочка“: Стефанъ (1847).

НА ФИНСКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Кавказскій плѣнникъ“: Эстландеръ (1882).

НА ТУРЕЦКІЙ ЯЗЫКЪ:

„Бахчисарайскій фонтанъ“: Эракъ (1868).

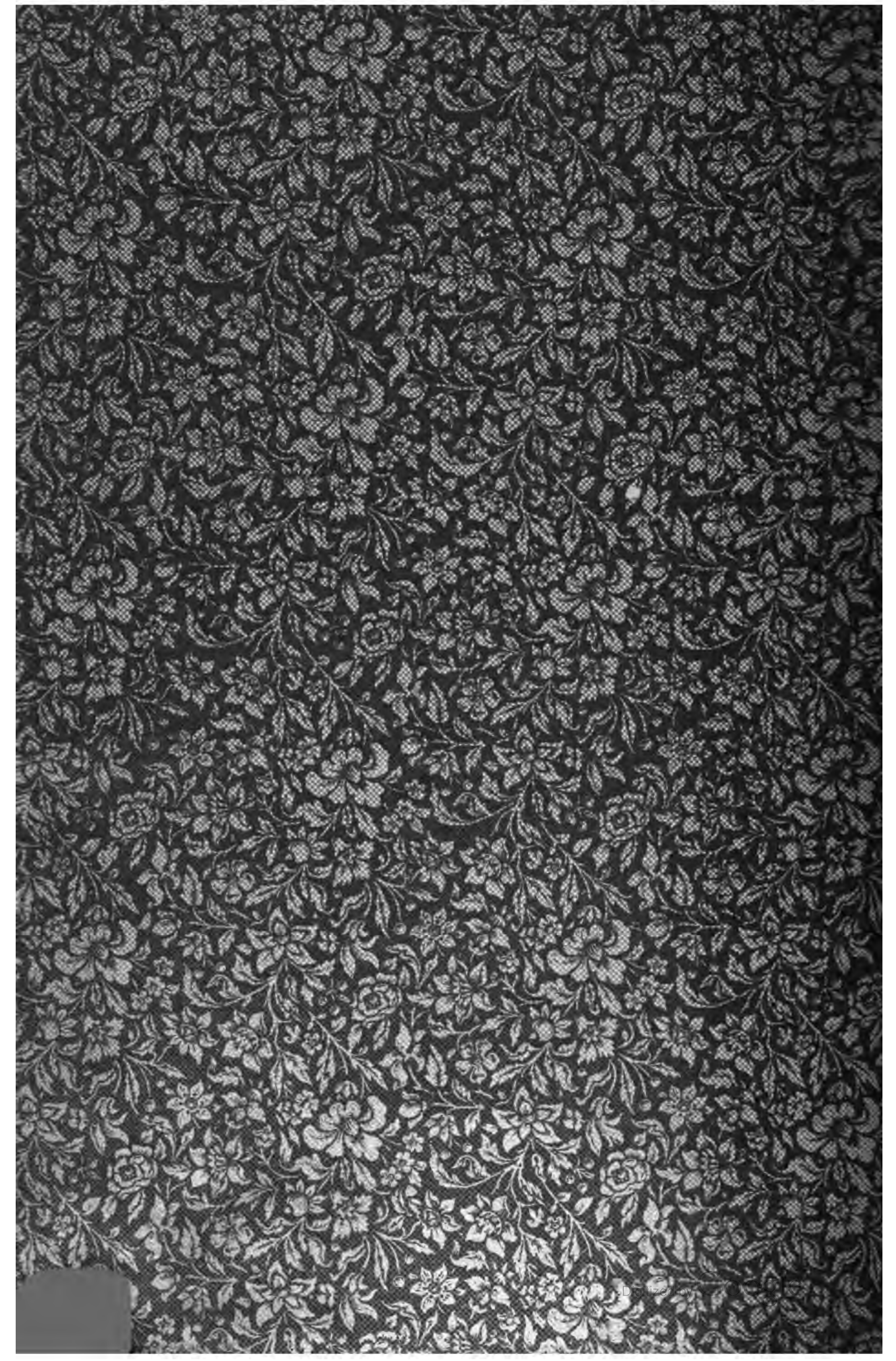
Произведенія Пушкина въ цѣломъ видѣ или по частямъ переведены на многіе даже изъ такихъ языковъ и нарѣчій, которые не считаются „европейскими“, какъ напр.: языки крайняго Востока и отдаленнаго Запада. Таковы, между прочимъ, переводы молдаво-волашскіе (1835), персидскіе (1837), армянскіе (1843), ново-греческіе (1847), англо-американская серія переводовъ Пушкина (съ 1849 г.), грузинскіе (1852), древне-еврейскіе (1861), македоно-славянскіе (1863), татарско-караимскіе (1867), разговорно-еврейскіе, т. е. переводъ на языкъ современнаго еврейскаго жаргона, „ашкеназа“ въ Россіи, Австріи и Пруссіи (1879), а также переводы червоно-русскіе или русинскіе, англо-индійская серія Пушкина, отпечатанная въ Калькуттѣ и др. городахъ Индостана (съ 1888 г.), татарско-кавказскіе или адзербейджарскіе (1892), японскіе (1892), калмыцкіе и др.

Всего насчитывается около 50 языковъ и нарѣчій, на которые переведены произведенія Пушкина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отзывы ученыхъ и писателей о значеніи Пушкина.

Stanford University Libraries
3 6105 011 809 915

